

ЭДУАРД КАТЛАС

ЭКЗО

ЭКЗО

ПОРЯДОК ДОСТАВКИ

ТОЧКА ЗАКАТА

Экзо

Эдуард Катлас

**Экзо: Экзо. Порядок
доставки. Точка Заката**

«Издательство АСТ»

2008, 2011, 2012

Катлас Э.

Экзо: Экзо. Порядок доставки. Точка Заката / Э. Катлас —
«Издательство АСТ», 2008, 2011, 2012 — (Экзо)

Постапокалиптический мир... Экзо и нано, зомби и дроны, мутанты из радиоактивных зон – вот кто населяет теперь планету... Дрей – по сути простой курьер. Но он тот экзо, который может доставить любой заказанный товар, каким бы опасным он ни был, поскольку имеет сверхъестественные способности за счет преобразования организма с помощью геммов. И вот в один из своих «рейдов» Дрей оказывается в гуще схватки за товар между бандами генетически измененных и изменных с помощью ботов рас.

Содержание

Экзо	5
Пролог. Асфальт	13
Глава первая. Проигранное будущее	14
Глава вторая. Арена	23
Глава третья. Улицы	39
Глава четвертая. Этажи	62
Глава пятая. Защита неба	80
Глава шестая. Контейнер	101
Глава седьмая: Страж Святынь	124
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Эдуард Катлас

Экзо: Экзо. Порядок доставки. Точка Заката

Экзо

Фантастический роман

Хочу поблагодарить за советы и замечания, споры и регулярную демонстрацию моей никчемности Машу Гинзбург и Алексея Евгеньевича Орловского. Их требовательность сделала эту книгу лучше.

А также спасибо всем тем, кто заставил меня довести до финала этот текст. Тем, кто писал и звонил, требуя работать, работать и работать. Без них этой книги просто бы не было.

Автор

* * *

Если мы преуспеем (и если мы выживем), то вы можете удостоиться бесконечных вопросов от надоедливых праправнуков: «На что это было похоже, когда ты был ребенком, тогда, перед Прорывом?» или «На что это похоже – становиться старым?», или «Что ты думал, когда ты услышал, что Прорыв приближается?», а также «И что ты потом сделал?» Своими ответами вы перескажете еще раз сказку о том, как было выиграно будущее.

Эрик Дрекслер. Машины создания: Грядущая эра нанотехнологии

Свет дрожал. Мальчик дрожал. Дребезжало стекло.

Это дребезжание было одним из двух звуков, существовавших в мироздании. Дрожь стекла и шум морозящего дождя – больше ничего. Остальная вселенная была отделена звуковой завесой падающих капель.

Мальчик все еще дрожал от холода, хотя сидел в доме уже с полчаса. Он продрог, вымок, явно недоедал последние дни. Скорее всего, у него было воспаление легких или, по крайней мере, ангина.

Когда он стучался в ворота поселка, то был почти в бреду. Сейчас он не помнил, ни как добрел до этого поселения, ни как оказался в этой избе, ни кто этот сидящий за столом старик.

Простуда, голод, сырость. Нестрашно для быстро адаптирующего организма экзо. Но он был еще маленьким. Он был слабым. Он шел дни и ночи напролет, шел прочь от смерти, от прошлого, от того, чего не хотел помнить. Когда-нибудь, если у него будет шанс, он станет взрослым, здоровым и сильным. Станет похожим на тех, кто не боится дождя и холода. Не боится путешествовать в одиночку по лесам между поселками. А сейчас он был всего лишь мальчиком. Маленьким живым комочком, пытающимся удержать тепло тела.

Вот так и получалось, что его жизнь, в какой-то степени, начиналась прямо сейчас. Он не хотел помнить прошлого, он не мог вспомнить событий последних дней.

Настоящее тоже не радовало. Мальчику было холодно. Как только они зашли, старик бросил ему застиранный плед, весь рваный, впитавший в себя запахи этого дома. Но, даже закутавшись в него, мальчик не мог согреться.

Ему просто нужно было время, чтобы отдохнуть и дать возможность организму восстановиться. Одна ночь в тепле – и простуда пройдет. Этот седой старик был добр. Большинство других просто не пустили бы его на порог. Старик дал ему плед. Позволил погреться. Надо было что-то сделать, что-то сказать старику за его добро, но мальчик не мог вспомнить, что.

– Благодарю вас, уважаемый господин, – наконец сумел выговорить он. Надо было поблагодарить, он вспомнил. Всегда надо благодарить тех, кто делает тебе добро, теперь он вспомнил. А тех, кто делает зло... Нет, этого он вспомнить пока не мог.

Старик улыбнулся. Улыбнулся легко, так, как будто любил улыбаться и часто практиковался. Это поразило мальчика. Он не знал почему, но поразило. Где-то в глубинах его сознания таилась память о том, что люди не улыбаются. А если улыбаются, то очень и очень редко. По очень, очень большим поводам. Можно улыбнуться, если деревня построила новый дом, например. Или если напали нанобандиты, но поселение отбилося и никто не пострадал. Или если эпидемия прошла стороной... Эпидемия... Нет, эпидемии были из той области памяти, в которую заходить было нельзя.

Старик улыбнулся, но при этом не пошевелился. Совсем. Не поднял руку, не повернул голову. В неровном дрожащем свете от лампы, которая еще раскачивалась под низким потолком, мальчик увидел только, как поднялись уголки губ, обнажая ряд идеально белых зубов, и больше ничего.

– Не за что. Тебе просто повезло, что я был на вахте. Я уже достаточно стар, чтобы не бояться подпускать к себе чужаков. Да и эпидемий в нашем районе давно не было.

Эпидемий не было давно. Мальчик подумал и решил, что, наверное, он прошел очень много от того места... от поселка, где... оттуда, где он был раньше. Потому что там эпидемии были.

– Я не заразный, – поспешил сообщить мальчик. – Я давно один иду. Поэтому не могу быть заразным.

– Как будто карантин сейчас помогает, – старик снова улыбнулся, хотя на этот раз его улыбка вышла какой-то кислотоватой. – Ты слово «латентный» не слышал? Латентный носитель вируса, например?

– Я не заразный, – упрямо повторил мальчик. Но так как он опасался, что его упрямство может рассердить старика, то он сказал это очень-очень тихо. Упрямо, но очень тихо.

Старик улыбнулся в третий раз.

– Да мне все равно, я же сказал. Сядь за стол и поешь. Горячая еда тебе поможет. К утру будешь как огурчик. У тебя «Панацея» есть? Какой уровень? Или ты не знаешь?

Вопросов было много, и мальчик не очень понимал, как на них отвечать. Он встал, поглубже запахнулся в плед и подошел к столу. Похлебка была действительно горячей, от нее прямо поднимался пар. Как будто дымок от огня. Огонь. Пожар. Не вспоминать.

Мальчик встряхнулся, сел за стол, взял в руки ложку и попробовал съесть маленькую порцию. Это была его первая еда за несколько дней, поэтому желудок урчал так громко, что старик улыбнулся вновь, но на этот раз без комментариев.

– У меня «Панацея» восьмого уровня. И «Неприкасаемый». – Мальчик подумал, что такой ответ заставит старика перестать над ним смеяться. Он легко мог стерпеть насмешки, но предпочел бы, чтобы их не было.

– Я выздоровею завтра к утру, – надо послушно повторять слова взрослых, они это любят. – И я не заразный, совсем.

Надо повторять чужие слова и потом добавлять свои. Тогда люди верят твоим словам, как будто они сами их придумали.

Мальчику надо было выжить. И перестать дрожать. Он даже почти не почувствовал стыда за то, что пытается чуть-чуть обмануть взрослого. Да и потом, он ведь действительно не заразный, нет ведь никаких признаков?

– «Неприкасаемый» – это сильно, – подтвердил старик. – Редкая штука, и полезная. Твои родители оставили тебе хорошее наследство.

Мальчик вздрогнул. Но старик этого не заметил и продолжил:

– Только ты не говори никому о подобной мутации. Тем более закрепленной во втором поколении. Вытяжку, знаешь, кустари любят из трупов делать. А получить модулятор «Неприкасаемого», пусть и временный, многие мечтают. Кустари – это гады. Не лучше нано, хоть и свои. А может, даже хуже...

Старик покивал своим мыслям. Взял со стола бутылочку «под сталь», налил в нее воды из железного чайника, стоявшего по соседству. Отпил. Слегка поморщился. Чуть-чуть подкрутил регулятор на горлышке и отпил снова. На этот раз удовлетворенно кивнул.

– Будешь? – протянул он бутылочку. – Моя новая комбинация. Вкус почти как у вишневого сока.

Мальчик отрицательно замотал головой. Старик не настаивал.

– Дожили, дети уже боятся подбором вкуса пользоваться. Довели нас эти выродки... Нет, все-таки нано – не лучше кустарей.

Старик задумался о чем-то своем, и, пользуясь этим, мальчик начал торопливо хлебать из тарелки.

Дрожь постепенно проходила. Горячий суп существенно этому способствовал. Все еще укутанный в плед, мальчик посмотрел на лампу. Огонек продолжал дрожать, хотя сквозняка вроде бы не было.

«Скорее всего, керосин поганый», – сонно подумал он.

Монотонный шелест дождя, тихонько дребезжащее стекло – эти звуки постепенно превращались из чего-то плохого, того, что приносит беду, в уютную колыбельную, поющую об отдыхе и покое.

Дрожащая лампа оставляла много места для теней и полутьмы, но и они уже не казались приютом ночных кошмаров.

Мальчик сонно сморгнул. Шелест дождя. Уютный полумрак, плед, согревший его простывшее тело.

Но, наверное, засыпать прямо за столом было невежливо, и сирота попытался поднять голову и сесть прямо.

– Спи, малыш, спи, – услышал он ласковый голос, показавшийся ему знакомым. Вернее, голос то был старика, но в нем прозвучали какие-то интонации из прошлого мальчика. – Завтра проснешься здоровым, тогда и поговорим. Спи сейчас.

Видимо, старик перенес его. Потому что проснулся он на диване, укрытый все тем же пледом и кучей каких-то старых вещей, из-под которых едва выбрался.

Дождь продолжал моросить, поэтому невозможно было понять, что сейчас – утро, день или вечер. В избе было темно и тихо.

Но что-то его разбудило, какой-то звук или движение. Привкус какого-то события сопровождал его возвращение в реальность. Поев и отоспавшись, он стал чуть лучше соображать. И вслушиваясь в свой организм, понимал, что ему стоило бы поспать еще несколько часов, чтобы дать возможность лимфоцитам, модифицированным по варианту «Неприкасаемый», перейти в контрнаступление и окончательно справиться с болезнью.

Звук повторился.

Это был крик. Крик откуда-то с улицы. Не зов, не ленивый окрик соседа, это был крик, который мальчик предпочел бы не слышать. Крик бойца.

Он вскочил. Огляделся. Кухонный нож оказался единственным подобием оружия, находившимся на виду.

На улицу выскочил не он один. Выскакивали из соседних изб, кто-то одевался на ходу, кто-то озибался, еще не разобравшись, в какую сторону следует бежать.

Приземистый мужичок, выбежавший из соседнего дома, тащил на плече увесистый ручной пулемет. Непонятно, зачем он держал его в доме, но сейчас мужичок выглядел весьма устрашающе.

Увидев мальчика, он махнул рукой и крикнул:

– Беги с моими детьми. Спрячетесь. А мы сейчас... – С этими словами он деловито засеменил в сторону ворот, на ходу беря оружие на изготовку.

Мальчик посмотрел на лица, выглядывающие из окон изб. Идти с ними он не собирался, но от того, что в деревне хоть кто-то нормально воспринимает нового человека, на душе стало теплее. Он был еще мал, но успел насмотреться на поселения, где в незнакомца сначала бы стрельнули, а потом бы начали разбираться. И возраст в таких случаях абсолютно не брался в расчет.

Он двинулся вслед за крепышом.

У ворот ругались. Переговоры шли с кем-то за пределами видимости мальчика, с кем-то с той стороны ворот.

Сначала он испугался, что пришли Изоляторы. Как-то встали на его след и нашли мальчика даже здесь. Но он же не заразный! Хотя в страшных историях, которые темными вечерами рассказывают друг другу дети, говорится, что Изоляторы никогда не разбираются. Просто сжигают потенциального зараженного, любого, кто входил с ним в контакт, кто входил в контакт с контактировавшими. По мнению мальчика, это было глупо. Он не мог объяснить почему, но каждый раз, когда слышал подобные истории, то ему казалось, что Изоляторы все делают неправильно. Что, впрочем, не мешало ему бояться этих историй вместе с остальными.

Это были, конечно, не Изоляторы. Изоляторы – вообще миф, повторил сам себе мальчик то, что так часто говорили ему взрослые. Да и не стали бы местные ругаться из-за чужака – вышвырнули бы его за ворота, и дело с концом.

Мальчик подобрался поближе.

Теперь можно было разобрать смысл выкрикиваемых слов.

– Выдайте нам того, кто нас траванул, мутировавшие ублюдки ослов, и все остальные останутся живы! Мы же вас всех здесь положим до того, как сдохнем, нам теперь терять нечего!

– Да иди ты, – отвечал ему кто-то с наблюдательной башни у ворот. Кто-то, чувствовавший себя в полной безопасности. – Ваши боты просто заржавели. Сыплются от старости, вот и все. Нано – это вымирающая раса. Посмотри на себя, и ты сам в этом убедишься.

– Заржавели у всех сразу? Сколько инцестов у тебя в роду, что ты стал таким имбецилом? Только кто-то из вас, уродов, мог подбросить нам заразу! Мы подыхаем один за другим! И собираемся забрать вас с собой! Побольше!

Кто-то за спиной у мальчика тихо произнес, видимо, обращаясь к соседу:

– Сколько раз говорил, что деревня нано всего в десяти километрах – это непорядок. Давно их надо было выдавить. Дожили, приходят и угрожают нам в собственном поселке. Каких роботов они там себе навкалывали, чтобы так осмелеть?

Мальчик огляделся. Скорее всего, с этой стороны ворот собрались все или почти все взрослые экзо. Около полусотни мужчин. Большой поселок в представлении мальчика, поэтому он удивился, как это «железяки» решились угрожать.

– Идите, вколите себе свежих ботов. Меньше пейте сырой воды, это плохо влияет на железо. И все у вас будет хорошо...

Голос на вышке потонул в звуке взрыва. Лупанули из гранатомета. От вышки разом не осталось ничего, кроме пары свай, на которых она поднималась над воротами. Сколько бы защитников ни было наверху, теперь в деревне ровно настолько стало меньше.

Мальчик отступил чуть назад, ожидая, что сейчас повторят выстрел по воротам и начнется штурм. Нано очень не любили экзо. Они заболели. Им нужны были виноватые в их беде. Ближайшая деревня мирных экзо – идеальный козел отпущения. Все было кристально ясно.

Так же как и то, что экзо сильнее. Экзо всегда сильнее, уж мальчик знал наверняка, потому что это ему говорили с самого рождения. Никакой нано, пусть у него даже вся кровь состоит из ботов, пусть каждое мышечное волокно стимулируется металлическим паучком, – никакой из них не сравнится с экзо.

Ворота остались нетронутыми.

Зато несколько взрывов раздалось сзади, в глубине деревни.

– Это ловушка, – закричал кто-то в толпе. – Они нам зубы заговаривали, пока в деревню пробирались! Мочи долбанных дроидов!

И начался хаос. Никакой стройной обороны у ворот, никаких драк стенка на стенку.

Люди метались. Кто-то бежал в глубину деревни, кто-то, наоборот, – к воротам. В паре мест загорелись избы. Выстрелы слышались, казалось, отовсюду. Экзо не так просто убить. Простой пулей, не попавшей в жизненно важные органы, экзо даже не остановить.

Но нано – тоже.

Мальчик отступал назад, в глубину деревни. Угроза существовала и там, но ему было как-то проще, когда вокруг стояли дома, а не одни лишь хлипкие, как теперь стало понятно, стены поселка.

Ворота слетели с петель как раз тогда, когда он сворачивал за угол, чтобы окончательно потерять их из виду. Там были еще нано, и теперь перестрелка разгорелась и у ворот, где почти не оставалось защитников.

Экзо защищали свой дом. Они были готовы драться до последней капли крови, чтобы уберечь свои семьи. С момента начала заварушки надпочечники вбросили в кровь каждого взрослого мужчины столько кортизола, что страх стал для них мнимой величиной. Боевой коктейль был у каждого экзо.

Но боты в крови нано сработали аналогично.

Мальчик остановился – бой развернулся прямо перед ним. Впереди тот самый крепыш с пулеметом столкнулся с выскочившими из-за угла тремя нано. Длинная очередь, сотворившая чуть ли не ветер из пуль, выкосила всех троих. Количество дырок, появившееся в телах нападавших, не залатали бы даже самые шустрые боты.

Бицепсы крепыша взбугрились, но он удержал оружие. Ствол не увело в сторону, каждая из пуль оказалась в телах врагов. Но теперь удлинённый рожок был пуст, а пулеметчик, когда выскакивал из дома, совсем не позаботился о боезапасе.

Он отбросил бесполезное теперь железо в сторону, как раз в тот момент, когда на него прыгнули сверху. Еще один нано, притаившийся на крыше. Прыгун начал стрелять еще в воздухе. Мальчик отчетливо увидел, как две пули пробили тело крепыша навывлет. Но тот даже не пошевелился. Поднял руки, встретил падающего на него нано и, резко уйдя в сторону, добавив к скорости падения прыгуна еще немного, ударил его оземь.

Что-то странное происходило с крепышом. Мышцы его бугрились, мальчику казалось, что волосы экзо начали расти, расти быстро.

Пробегающий рядом местный как будто споткнулся.

– Рихтер – оборотень? Кто ж его в деревню-то пустил, проверяли же? Твою м...

Экзо не договорил. Его расстреляли сзади. Еще один нано, свалившийся с крыши, расстрелял его со спины, тоже начав палить прямо в прыжке. Только этот находился значительно ближе и целился точнее. Крови почти не было, несколько пуль сразу разорвали сердце, и больше нечему было гнать кровь в артерии.

Нано развернулся и посмотрел на мальчика. Сирота сжался, присел на своих еще не окрепших ногах.

– Выкорчем этих мутантов с корнем. Никого не останется. Только чистая раса, – пробормотал нано. Будто оправдывался перед самим собой. Затем он взглянул на свое оружие, но покачал головой. Решил, что жаль тратить патроны на маленького задохлика экзо. Шагнул вперед, вытаскивая нож.

Мальчик нащупал свой кухонный трофей, который по сравнению с боевым кинжалом наступающего выглядел просто по-идиотски. Нано сделал еще один шаг. Мальчик упал вперед, на колени, затем завалился на бок. Пока нано пытался разобраться, что делать с валяющимся на земле зверьком, мальчик успел полоснуть ножом по сухожилиям левой ноги врага.

Порез был настолько неожиданным и болезненным, что нога нано подкосилась, он пошатнулся и чуть не упал. Мальчик не ждал. Он вогнал нож в пах нападающего снизу и попытался провернуть, но тонкое лезвие сломалось. Мальчик отскочил. Нано завизжал от боли. Убийца и его жертва так неожиданно поменялись местами, что ужас положения еще даже не вполне дошел до нано.

Мальчик сделал два быстрых шага, как будто пытаясь помочь раненому, но вместо этого неожиданно ударил по руке, держащей кинжал. Оружие могло ему понадобиться.

Он позволил себе посмотреть на продолжение боя только тогда, когда вооружился кинжалом и автоматом, в рожке которого еще было несколько патронов. Запасных он не нашел.

Крепыш полностью трансформировался.

Мальчику тоже было любопытно, каким образом экзо-оборотень сумел пройти проверки и освоиться с оседлой жизнью среди других людей, но это было сейчас неважно. «Нормальные» экзо не то чтобы боялись оборотней, просто периодические всплески буйной и неконтролируемой ярости, которые бывали у перевертышей, усиленные их мутационными возможностями, делали их... крайне неприятными соседями.

Если оборотень и хотел быть поближе к сородичам экзо, то поселился бы отшельником, на отшибе. А здесь – порядочный житель, семья, дети, дом почти в центре поселка...

Это был монстр, более всего напоминающий здоровую обезьяну. Не приглядываясь, можно было определить увеличение мышечной массы чуть ли не вдвое. Отовсюду из-под одежды (там, где она еще держалась) лезли волосы. У крепыша даже повадки стали обезьяньими – он сгорбился, руки его шатало из стороны в сторону, когда он двигался вперед.

И эта обезьяна просто разорвала того нано, с которым вступила в схватку. Просто оторвала одну руку, потом ногу, потом переломила хребет и бросила тело тряпичной куклой на землю.

Еще трое нано вынырнули из-за поворота неподалеку от мальчика, но его даже не заметили. Все их взоры были прикованы к оборотню.

– Ни хрена себе деревенька, – бормотнул один.

Крепыш почувствовал новых врагов. Говорят, что у многих оборотней обоняние становится таким же, как и у животных. Он обернулся и взревел.

Нано начали стрелять, когда этот рев еще не закончился. Мальчик заплакал. Оборотню было больно, мальчик это чувствовал. Еще несколько дырок прибавилось к тем, что уже были в его шкуре.

Но реакция оборотня была не хуже, чем у нано. Секунда, и обезьяна уже спряталась за углом ближайшего дома, лишь взрывкая оттуда, то ли от боли, то ли от ярости.

Нано двинулись вперед, рассчитывая довершить начатое. Они были в десятке шагов, когда обезьяна напала. Тело оборотня взметнулось в воздух, поднятое одним мощным толчком сразу четырех лап. По дуге, которую даже готовые к стрельбе нано не успели проследить, обезьяна влетела прямо в троицу. Мощный удар лапы, к которому добавилась инерция прыжка, просто снес голову первого.

Мальчик отвлекся, заметив на крыше еще одного нано. Этот был осторожен и не планировал вступать в рукопашную. Он целился, выжидая, когда можно будет накрыть перевертыша, не задев своих. Тяжелый ручной пулемет у него в руках был похож на тот, который еще недавно выбросил крепыш. Это не давало оборотню никаких шансов – такая штука сделает отбивную даже из трансформировавшегося.

Мальчик вскинул автомат. Четыре патрона. Переведя предохранитель на стрельбу одиночными, он прицелился.

Четыре патрона. Четыре точных выстрела. Четыре пули в полете. Первая пробил череп нано и осталась внутри. Вторая и третья прошли грудь, как надеялся мальчик, где-то в районе сердца. Четвертая разорвала шею, на этот раз пройдя навывлет. Стрелок начал падать в тот же момент, когда с лязгом, одна на другую, четыре гильзы упали на землю.

Взгляд мальчика вернулся к рукопашной. От трех нано остались одни ошметки, но оборотень умирал тоже. Слишком много ран, слишком много повреждений. Даже модифицированная кровь не успевала сворачиваться во всех дырах на его шкуре.

А вдали появилась целая группа нападавших, бряцающих оружием, орущих, стреляющих. Они бежали в сторону оборотня и поливали его свинцом.

Обезьяна даже не металась, лишь покачивалась на месте, как будто в растерянности, и получала пулю за пулей. Выпустив из рук бесполезный автомат, мальчик побежал.

Он знал единственное место, где мог спрятаться. Дом старика. Поэтому он бежал к нему, даже понимая, что безопасных мест в поселке сейчас не найти. Но он был еще слишком маленький, чтобы принимать какие-то более сложные решения. Ему нужно было хоть чуточку времени, чтобы прийти в себя, подумать, что делать дальше.

Он видел, как два человека, один нано и один экзо, расстреляв все свои боезапасы, рвали друг друга голыми руками. Оба уже были при смерти, но ни один не останавливался.

Он видел, как экзо, стоявший у двери своего дома, внутри которого пряталась его семья, выдернул чеку из гранаты. Взрыв прямо в вытянутой руке отшвырнул назад четверых нано, пытающихся до него добраться.

Это не помогло, – вскоре в дом заскочили еще несколько. Мальчик не смотрел.

Он видел, как нано, расстрелявший в упор наступавшего экзо, закружился на месте, выронив оружие. Несмотря на то, что никаких видимых ран не было, он упал, и его тело начали сотрясать судороги, которые не заканчивались и не заканчивались, но мальчик уже бежал дальше.

Старик был в доме. Умирал.

Одна пуля застряла в его голове. Несколько застряло в теле. Видимо, колену досталась разрывная, потому что нижней части ноги у старика не осталось. Он ее с собой не взял. Но сумел наложить жгут выше, и на время кровь унялась.

– Все вокруг меня молодые. – хрипло произнес старик, обращаясь к зашедшему мальчику. Как будто только и ждал кого-нибудь, чтобы заговорить, скорее всего, в последний раз. – Никто вокруг не стареет. Ни экзо, ни нано. Все умирают молодыми. А я живу и старею, странно, да? У них есть возможность прожить вечность, а онидохнут от болезней, пуль, зверья и радиации. Все, кого я знал моего возраста – уже мертвы. Так и умерли молодыми и здоровыми. Молодыми до самой смерти. А еще эти нано. Нельзя им было приходить в наши места. Это территория экзо, так должно быть всегда. Ты сам убедился, какие они коварные – дай им осесть, и они постараются убить всех экзо, до которых у них дотянутся руки. Нельзя им верить, я всегда говорил.

– Их действительно отравили? – спросил мальчик, присев около старика и принявшись перетягивать жгут на его ноге. Не то чтобы это могло спасти старика, но мальчику хотелось хоть чем-нибудь заняться, чтобы не думать.

– Какая разница? Их не отравили. В любом случае, виноват один лишь я, а не вся деревня. Я подкинул им парализатор ботов, вот и все. Случайно нашел в заброшенной лаборатории, давно еще. Хранил – так, на всякий случай. Вот и пригодилось. Мощная штука, как ты видишь. Лаборатория была послезакатная, поэтому там все расшифровки были на бумаге. Я прочитал. Это боевые наноботы, специальная колония против «кровяных пловцов». Превращает силу нано в их слабость. Парализует «пловцов», они постепенно закупоривают вены, потом и артерии. Чем сильнее нано накачан пловцами, тем быстрее «ломается». Только вот засекли они меня, видать. Жаль, что наш поселок так пострадал...

– Зачем?

– Что зачем? Зачем я подкинул им паразитов? Так я же сказал – это территория экзо. Есть правила, есть приличия. Я лично не хочу каждый день видеть этих киборгов рядом со своим домом. «Чистая раса» – говорят они! Думают, что раз их гены не модифицированы, то им можно считать себя лучше нас! А сами накачались ботами по самые зенки, даже в сперме больше ботов, чем человеческих генов. И после этого долбанные «железяки» смеют задирать нос!

Старик захлебнулся кровью. Мальчик нашел какую-то тряпку, которую можно было счесть чистой, и вытер губы хозяина дома. Старик несколько раз выдохнул, как будто старался выдавить жидкость из легких. Но он еще не сдался. Продолжил:

– Теперь не позадируют! Жалко, что паразиты живут не больше недели и не размножаются. Так что кто из них выживет, тот выживет.

– Из экзо в поселке не выживет никто, – тихо сказал мальчик. Настолько тихо, что старик его не услышал. Мальчик не хотел спорить с умирающим.

– Там, в столе... – Старик поднял ослабевшую руку и махнул в сторону кухни. – В столе контейнер. В нем еще пять пробирок. Таких же. Возьми. Воспользуйся. Добей этих и достань других. Земля – она для экзо. Мы наследники, не какие-то железки.

Мальчик поднял голову, чтобы посмотреть, куда показывал старик. Когда его взгляд вернулся назад, старик уже умер.

Дом загорелся. Мальчик подумал, что сейчас горит уже весь поселок. Нано или все погибли, или ушли. Экзо или все погибли, или спрятались. В любом случае, после сегодняшнего, на самодельных картах исчезнут два поселка – станет меньше на один поселок нано и на один поселок экзо.

Несколько сотен человеческих душ ушли, к какой из рас они бы ни относились.

Мальчик быстро собрал все полезное, что увидел. Скоро ему опять придется ночевать в лесу, где каждая лишняя крошка съестного могла пригодиться.

Ему было жаль старика, не имевшего ни родных, ни близких. Никого, кто мог бы его оплакать. Мальчик знал, что позже сделает это сам. Поплачет по старику. Тот был добр и, возможно, спас его жизнь.

Мальчик действительно жалел о том, что этот одинокий экзо умер, и думал, что слезы придут без труда, когда он им позволит.

Но не сейчас. Сейчас надо было уходить, потому что пожар разгорался, а дождь давно уже закончился. Поселок скоро сгорит, унося с собой следы еще одной битвы между экзо и нано.

Мальчик выскочил за порог на несколько мгновений раньше, чем начали рушиться перекрытия. На стол, в котором хранился контейнер с пробирками нанопаразитов, он даже не взглянул.

Пусть ему было еще немного лет, но он знал... Знал, к чему приводит ненависть между расами. Не для него это было.

Пролог. Асфальт

Шоссе прямой линией проходило с востока на запад. От горизонта до горизонта, никуда не сворачивая и не отклоняясь. Не позволяя препятствиям увести себя в сторону.

Этой дорогой десятки лет никто не пользовался. Никто не ремонтировал. Открытые полосы по сторонам от нее заросли кустарником и подлеском. Асфальт, весь в трещинах и выбоинах, с трудом сдерживал подступавшую зелень.

Человек не шел по дороге – он шагал рядом с ней. Какой бы безлюдной ни казалась трасса, безопасней было держаться под прикрытием деревьев. Такой способ передвижения не прибавлял скорости, но тут начинала действовать пословица «На две минуты быстрее и на два метра глубже». Человек разумно считал, что кормить червей ему еще рановато.

Грязно-зеленые перекрашенные джинсы и того же цвета куртка делали его малозаметным на фоне окружающего леса. Чего, собственно, он и добивался, когда портил свою одежду, вываривая ее в немыслимые для джинсов тона.

Путник легко передвигался между деревьями, старательно обходя колючие кусты и постоянно контролируя, куда сделать следующий шаг. Его осторожное перемещение по лесу было бесшумно настолько, что даже птицы, поющие в листве, не прекращали свое занятие при его приближении.

Подобное путешествие явно не было для странника первым. Он шел осторожно, от дерева к дереву. Это была скорее привычка, чем необходимость. Но привычка из тех, что может спасти жизнь. Шанс, что где-то здесь, на заранее оборудованной позиции, засел снайпер, был ничтожно мал. Что делать снайперу в глухом лесу, кого поджидать? Рядом с дорогой, по которой за лето проходило несколько человек – не больше?

Но путник не думал об этом и не расслаблялся ни на секунду, продолжая двигаться так, чтобы между ним и возможным охотником в засаде всегда было побольше деревьев и кустарника.

Глава первая. Проигранное будущее

Корни деревьев давно взломали старый асфальт. Эти дороги так и не успели сделать «умными», так что обычный асфальт не мог сопротивляться натиску времени и напору биомассы, неторопливо отвоевывавшей новые территории. Радиальное шоссе входило в город, скромно опускаясь под все еще целой эстакадой кольцевой автодороги и уходя в глубь каменных джунглей.

Дрей не торопился. Он уже больше часа сидел в укромном месте в тени и разглядывал пустые, лишённые стекол, окна домов вдаль. Сами дома еще стояли, и место, несмотря на завоевывавший новые территории лес, казалось ему слишком открытым, чтобы просто двинуться вперед.

Дрей ненавидел посещать пустые города, «мурашники», как их называли, чтобы не путать с обитаемыми городами людей. Теми поселками, где экзо редко, но иногда все же селились вместе, по несколько сотен человек. Мурашник от «муравейник», имеющее уничижительный и злой оттенок слово ясно давало понять, как люди относятся к этим местам.

Пустым местам. Местам, увидев которые, каждый волей-неволей вспоминал историю расы, ютившейся сейчас в маленьких деревнях и поселениях. Местам, которые были приманкой для любого, желающего раздобыть что-нибудь интересное, всякие разные полезные штучки, пользующиеся бешеным спросом у скупщиков. Местам, которые одновременно являлись ловушкой для слишком жадных мышек.

Город только казался пустым. Дрей отлично знал, что из любой черной глазницы окна за дорогой сейчас могут наблюдать. И вряд ли через линзы бинокля – скорее сквозь окуляр оптического прицела ОСВ-96.

Каждый мурашник жил своей жизнью. Поговаривали, что в бывшей столице ютились несколько тысяч мурашей, которые очень не любили чужаков на своей территории.

Чужаков не любил никто в этом мире, уж Дрей-то это знал получше многих. Но если поселки обычно просто долго проверяли каждого заезжего, а в деревнях могли и пальнуть в твою сторону, чтобы отпугнуть, то мураши действовали жестче. Они тоже считали, что сидят на сокровищах, и совершенно не собирались подпускать к своему богатству кого-либо еще. И было неважно, кто зайдет на их территорию – экзо или нано, итог от этого не менялся. «Один выстрел – один труп» – этот девиз можно было повесить на въездах в любой мурашник. Подвесить, подсветить гирляндами лампочек, чтобы он служил предупреждением каждому желающему быстро заработать искателю приключений.

За прошедший час Дрей не увидел ничего интересного. Да и не особо на это рассчитывал. Скорее он свыкся с мыслью о том, что в город придется все же войти, причем сделать это надо было до заката, или откладывать начало своего путешествия на следующий день. Как ни опасался экзо снайперской пули, еще больше он ненавидел мысль о том, что ему придется входить в незнакомый мурашник в темноте.

Он уже решил для себя, что по дороге не пойдет – укрыться на ней было негде. Пробежится тропинками под прикрытием полуобвалившихся малоэтажных строений ближе к подъему эстакады. Проскочит по ней короткий промежуток и тут же сойдет в сторону, туда, где в глубь города, параллельно шоссе, уходила разросшаяся полоса деревьев.

Деревья тоже были плохим укрытием, и если за входом в город следят, то его могут заметить. Но снайперу будет очень сложно сделать чистый выстрел – множество веток значительно снизят вероятность того, что пуля попадет в цель. Риск был, но за риск, как обычно, шла хорошая доплата.

Последние годы выполнение заказов стало для Дрея основным занятием. Сидеть на одном месте ему никак не удавалось, примыкать к бандам тоже не хотелось. Из немногих

вариантов, которые оставались, Дрей постепенно выбрал тот, что нравился ему больше всего. Заказы были самые разные, и далеко не за все он брался.

Некоторые причисляли Дрея к «археологам», но он им давно уже не был. Если он шел за чем-то, то только по предварительному запросу, с описанием нужного предмета, с предоставленной картой местности, где этот предмет можно найти, и с заранее оговоренной ценой за доставку. Хаотичный поиск всевозможного барахла в надежде в дальнейшем сбыть его скупщикам Дрей не интересовал. Таких, как он, чаще называли доставщиками. Хотя, если бы его дело было связано только с доставкой, то оплата была бы намного скромнее.

Он отвел бинокль от глаз и окинул раскинувшийся впереди город скользящим взглядом. Хотел было двигаться дальше, но цветное пятно в стороне привлекло его внимание. Снова прильнул к окулярам, чтобы определить, что так долго могло сохранить цвет в давно сгнившем мурашнике.

На торце высотного здания, на самом верху, висел огромный плакат. Сделан он был на совесть, поэтому даже десятилетия не заставили краски потускнеть. Огромные буквы объявляли всем тем, кто входил в город:

«Этот город – защищен».

И ниже, буквами чуть поменьше:

«Генная логика», группа компаний».

Дрей хмыкнул. Защита оказалась не настолько прочной, как обещал плакат.

Аккуратно запаковал бинокль в лежащий рядом плоский, грязно-зеленого цвета рюкзак и лениво потянулся. Цвет одежды хорошо подходил для маскировки в лесу, но в мурашнике зеленое пятно будет виднее. Хотя и в городе тоже хватало деревьев, в этом он не сомневался. В любом случае, другой одежды у него не было.

Закинув рюкзак за спину и защелкнув дополнительные крепления на груди, Дрей осторожно двинулся вперед. Напоследок встряхнулся, чтобы убедиться, что ничего не бренчит и ничего не помешает ему бежать, если понадобится.

На определенной территории, что некогда называлась Среднерусской возвышенностью, Дрей был известен. Известен узкому кругу заинтересованных в его услугах людей, но большего и не требовалось. Всевозможный расхожий товар можно было приобрести и без использования его талантов. А вот когда серьезному человеку были необходимы специальные предметы... Будь это маленькая колбочка с редким штаммом, контейнер с новой культурой нанороботов или древний электронный прибор... Неважно. Штучный товар, штучная доставка, штучное исполнение. Специальные услуги, особая оплата. После всего этого можно поставить знак равно и написать имя Дрей. Доставщик. Экзо с навыками и генетикой бойца. Боец, желающий остаться одиночкой. Одиночка, предпочитающий псевдокочевой образ жизни.

Были и другие, немного. Ни с одним доставщиком Дрей не встречался вживую. Лишь слухи, имена, самые известные доставки. Чаще всего подобными рассказами кормили его заказчики. Те из них, которые пользовались его услугами не раз.

Экзо брался за доставку при условии полной информации о товаре. Где находится, как найти, с чем придется столкнуться. Что собой представляет товар, упаковка, содержимое, эффект, методы хранения и необходимые меры безопасности. Разные бывали товары.

Сейчас информация была не достаточно полная. Да и товар был слишком необычным. Поначалу он вообще не хотел браться за эту доставку, но его убедили. Разные у торговцев были методы убеждения.

Присев за ржавым остовом машины, Дрей замер. Очередной перекресток, который ему нужно было пересечь, мало чем отличался от всех предыдущих. Но что-то доставщику не нравилось. Хотя в мурашнике вообще почти ничего не способствовало появлению положительных эмоций, это место не приглянулось ему особенно.

Интуиция интуицией, но когда время позволяло, Дрей предпочитал переводить свои ощущения в рациональные логические построения. Поэтому он неторопливо оглядывал перекресток, близлежащие участки дороги и проемы окон, которым давно было отказано в возможности гордиться наличием стекол.

Дорога, через которую он хотел перебраться, пустовала. Сначала Дрей заинтересовался окнами – наиболее удобным местом для слежения за любым, кто захочет перескочить через улицу. Но все было бездвижно – за время долгого ожидания он так и не заметил ни малейшего признака движения в глубине домов.

– В окнах чисто, – пробормотал ловец про себя. – Впереди завал из трех машин, но непохоже, чтобы из них специально устраивали баррикаду. Тридцать метров до улицы, пересечь – еще метров двадцать, и до завала почти три десятка метров. За завалом чисто... вроде.

Дрей задумался. Пока он так и не понимал, что заставило его насторожиться. Потом продолжил перечисление:

– Двери всех ближайших подъездов закрыты, похоже заперты. Странно, но ничего слишком странного. Если что – быстро уйти с улицы не получится. Следов на асфальте нет, да и не разглядишь следы, пока не подойдешь поближе... Следы...

Взгляд Дрея остановился на щебенке, которой был засыпан центр перекрестка. Подобным мусором теперь были завалены все дороги, особенно в мурашниках. Куски цемента, выпавшие из разваливающихся зданий, огрызки вывернутого из дорожного покрытия асфальта, обрывки бумаги и сухие листья, принесенные ветром. Разбросанные поверх всего этого гильзы. Гильзы. Дрей присмотрелся повнимательнее к этим слегка потемневшим цилиндрам.

Кто-то стоял на этом перекрестке и лупил из автомата. Щедро удобряя мертвый асфальт еще более мертвым металлом. И в том, что здесь, на перекрестке, валялись гильзы, тоже не было ничего необычного. Гильзы нынче можно было найти везде. Только не везде они лежали поверх всего остального мусора, лишь немного тронутые временем. Перестрелка была здесь совсем недавно. Судя по количеству гильз и характеру их рассеивания, стреляло несколько человек. Стреляли в разные стороны, оборонялись. Оборонялись – как обороняются люди, неожиданно попавшие в засаду.

Судя по отсутствию трупов, либо этим людям необычайно повезло и им удалось уйти живыми, либо их тела оттащили, чтобы... чтобы не демаскировать ловушку. А значит, что засада может быть и сейчас.

Дрей еще раз внимательно осмотрел все окна домов и по-прежнему ничего не увидел. Но идти вперед ему резко расхотелось. Был хороший шанс, что его накроют сразу, как только он появится на перекрестке, из тех окон, которые не видны отсюда, из глубины улицы.

Приподнявшись из-за разваленной машины, он начал медленно пробираться в обратную сторону. Бессмысленно рисковать не хотелось, и доставщик предпочел потратить лишнее время на обход опасного места.

Лишь сделав несколько десятков шагов прочь от перекрестка, он понял, что ловушка захлопнулась уже давно. В одном из окон дома почти за квартал до злополучного места шевелилось дуло винтовки, медленно перемещаясь вместе с движением Дрея. Его неизвестные противники оказались очень терпеливыми. Все, чего они ждали, это чтобы пробирающийся по мурашнику путник глубже влез в приготовленную засаду. Но когда план не сработал, они начали действовать.

Дрей быстро, на ходу, огляделся. Расстояние до предыдущего перекрестка было невелико, но этот квартал оказался абсолютно глухим. Никакой возможности заскочить во дворы, двери всех подъездов либо заколочены, либо заперты. По крайней мере, он не хотел рисковать и долбиться в двери, которые могли оказаться закрытыми.

Окна первых этажей находились высоко. Можно было попробовать запрыгнуть, но почти на всех окнах еще сохранились решетки, делающие акробатические кульбиты невозможными.

Вдалеке, в паре кварталах от злополучного «горлышка» ловушки, в которую он попал, на том месте, которое он прошел совсем недавно, появились силуэты двух вооруженных мурашей. Они не торопились. Наоборот, лишь на мгновение появившись в поле зрения, силуэты тут же исчезли за укрытиями. Мышка уже попала в мышеловку, и никто из ловцов не собирался подставляться под ее укусы.

Дрей наконец нашел то, что судорожно искал глазами во время бега. Одна из решеток на окне, внешне выглядевшая так же, как и остальные, на самом деле едва держалась. Железные прутья, когда-то покрашенные в белый цвет и замурованные в стену, теперь практически не держали тяжелый остов. Кирпичи раскрошились, прутья выступали наружу, и достаточно было одного сильного удара, чтобы выбить решетку из оконного проема. Ну, а о краске и говорить не стоило.

Сначала кислотные дожди разъели именно краску. Затем, железо прутьев постепенно сдавалось въедающейся ржавчине. Медленно, очень медленно, но за полсотни лет даже крепкие когда-то прутья проиграли, истончились, сдали поле боя объединенным силам коррозии, поддерживаемой водой и всякой дрянью, которая до сих пор валилась с неба, и сезонных перепадов температур. Ничто не было вечно в нынешнем мире.

Проблема была в том, что решетка сдалась бы от одного удара изнутри. Но как было добраться до нее снаружи? Дрей прыгнул.

Пуля впиалась в асфальт в полуметре от того места, где он находился. Пока стреляли не на поражение. Пока лишь пытались дать ему понять, что у него нет никаких шансов. Что сбросить с плеча оружие и поднять руки – единственный путь, который позволит урвать еще пару лишних часов в этом мире. Дрей прыгнул. За мгновение до выстрела.

Прыгнул и всем телом повис на едва державшейся решетке. Сначала не произошло ничего. Затем, через мгновение, в тот момент, когда он решил, что упрямое железо предпочло все же остаться на месте, решетка поддалась. Вывалилась на улицу вместе с доставщиком.

Дрей отпрыгнул назад чуть раньше, и решетка, зацепившись краем за стену, ударилась в тротуар. Это было даже лучше, чем он мог ожидать. Решетка создала помост, по которому он немедленно устремился в укрытие.

Еще одна пуля ударила в косяк разбитого окна. Это было уже не предупреждение – добыча могла ускользнуть, и теперь снайпер начал стрелять на поражение. Дрей двигался быстро. Прыжок, шаг на решетку, оттолкнуться ногой и влететь головой вперед в разбитое окно. Снайпер выпустил очередь ему вдогонку, и руку обожгло. Извернуться, чтобы упасть на пол плечом, и тут же кувыркнуться, чтобы самортизировать удар и поберечь плечо.

Благо, что комната, в которой он оказался, была пуста. Если в ней когда-либо и была мебель, то ее давно уже не осталось. Оно и понятно – первый этаж. С первого этажа выносить легче всего, а дрова нужны всегда.

После кувырка доставщик тут же вскочил и оказался перед полуоткрытой дверью. Он пробрался сквозь квартиру за мгновения, выйдя к окну, забранному такой же решеткой, но на сей раз выходившему в глухой внутренний двор между зданиями.

Справедливо полагая, что решетки на всех окнах одной и той же квартиры не могут сильно различаться по качеству их установки, Дрей пнул прутья ногой. Решетка поддалась с первого же удара, вылетев наружу. Он прыгнул.

Двор был более чем глухой. Лишь одна арка, расположенная с другой стороны огороженного домами квадрата, выходила наружу. Но сейчас это было ему на руку. Вряд ли те, кто ждал его в засаде, контролировали все окрестности. И пока они сообразят, что к чему, пока успеют добраться до этой арки и понять, куда он мог двинуться дальше, он будет уже далеко.

Дрей побежал, на ходу вытаскивая из нагрудного кармана беспроводной наушник и включая рацию на поиск сигналов в диапазоне коротких волн. Ловцы действовали организованно и слаженно. А это означало, что у них была между собой связь. И Дрею очень хотелось войти в клуб фанатов их радиодиапазона.

Мимоходом он взглянул на раненую руку. Царапина, пуля прошла навывлет, оставив лишь неглубокий след на теле. Через полчаса заживет, не задето ничего серьезного.

Дрей не верил, что соседняя улица могла быть перекрыта, но все же под аркой притормозил, повинувшись инстинктам. Прижавшись к левой стене, не высовываясь, он глянул вправо. Тихо. Быстро высунувшись из-за угла, посмотрел налево. Тоже пока тихо, хотя с находившегося неподалеку перекрестка вскоре можно было ждать гостей.

Ввязываться в перестрелку ему не хотелось.

Двор через улицу был не таким глухим, как тот, который он миновал. Дрей метнулся вперед, стараясь как можно быстрее пересечь дорогу. Спрятался на другой стороне за углом дома. Прижался к стене. Приемник все еще тихо шипел, перебирая волны, но эфир был нем.

Цель его путешествия лежала впереди, но Дрею не очень-то хотелось углубляться в город. Сначала надо было стряхнуть с хвоста преследователей. Нелегкая задача в районе, в котором он сейчас находился. Это место потому и выбрали для засады, что не так-то просто было из него выйти. Дорога в центр города была одна – через перекресток, на котором он почувствовал подвох. Все остальные пути были слишком открытыми – насыпь железной дороги, которая просматривалась на километры, явно была не лучшим вариантом для пересечения.

Отступать назад тоже можно было только до определенного предела. Широкое шоссе сзади, которое несколько часов назад он пересек по подземному переходу, сейчас было наверняка заблокировано. И у каждого подземного перехода его могли ждать. По крайней мере, стоило принимать во внимание эту возможность.

Дрей не знал, сколько людей за ним охотится, и все его предположения не стоили ничего. А приемник по-прежнему безмятежно шуршал пустым эфиром.

Задержавшись лишь на какие-то мгновения, он кинулся вперед. Единственный пока открытый для него путь лежал в сторону. Входить в центр или отдаляться от него было чересчур рискованно, могли перехватить. Движение вдоль железнодорожной насыпи тоже было не слишком безопасным, но оно хотя бы давало ему некоторое время. Возможно, что преследователей не так уж и много. Может быть, они растянутся, попытаются перекрыть более явные пути его отхода. И тогда он просто тихо уйдет, затеряется в лабиринте пустых зданий. Затаится где-нибудь в пустой квартире и пересидит денек, пока все окончательно не успокоится.

Пока он мог точно сказать одно – мураши не в силах собрать столько людей, чтобы обшарить каждую комнату в нагромождении некогда жилых построек. Достаточно было тихо уйти из зоны их поиска и залечь.

Дрей, после мгновений раздумий, двинулся вперед, к следующей радиальной улице. Чуть больше ста метров с препятствиями в виде мусора, разросшихся деревьев и кустов. Ржавых, просевших до земли автомобилей и вывернутых из асфальта бордюрных камней. Всевозможного металлического хлама, который когда-то вышвырнули из окон окружающих домов, да так и оставили лежать во дворе. Мебели не было, дерево тогда сжигали, чтобы согреться. Да и сейчас делают точно так же, но сейчас в мурашнике осталось слишком мало народу, зато появились настоящие деревья, которые можно было использовать на дрова.

Десять секунд, может быть одиннадцать – и Дрей был уже на другой стороне двора, выглядывая из очередной подворотни, проверяя, нет ли кого на улице. Неплохая скорость, неплохие способности. Сотню лет назад он взял бы кучу золотых медалей на любой олимпиаде. Одна проблема – вокруг него все были такими. И то, что он бежал быстро, еще не означало, что кто-то из его преследователей не может бежать еще быстрее.

Вдоль улицы подул ветер, поднимая песок и пыль с разбитого асфальта. Бессознательно Дрей отметил росток тополя, пробивающийся из-под покрытия прямо посередине полосы, по которой когда-то шуршали колеса машин. Теперь этот росток был в полной безопасности – чего-чего, а машин на этой дороге в ближайшее время не предвиделось.

Ждать слишком долго было нельзя. Дрей бросился через дорогу, к следующему укрытию.

До угла дома на другой стороне улицы оставалась пара метров, когда его накрыли звуки. От неожиданности он чуть было не врезался в стену дома, с трудом увернулся и через мгновение замер в укрытии, успокаиваясь. Шум шел из рации, но пока его мозг успел это осознать, положить внезапный звук на определенную полочку в определенном шкафу каталога, организм, не дожидаясь результатов, вбросил в кровь изрядную порцию адреналина.

Прислушиваясь к голосам в наушнике, Дрей несколько раз выдохнул, выжимая из легких весь воздух без остатка, восстанавливая дыхание, подчиняя разбушевавшееся сердце обычному ритму.

– Мать твою, правее забирай! Он не дальше пары кварталов! Надо было сразу кончать этого навозника, и сейчас бы скакать не пришлось. – Голос в приемнике был злой, по сбитому дыханию чувствовалось, что мураш сильно недоволен тем, что ему приходится много двигаться.

«Силовик, – определил Дрей, вновь, после короткой остановки, переходя на бег, – не любит шевелиться. Базовый экзо, скорее всего. Нано уже адаптировался бы к нагрузке».

– Смотри, чтобы тебя сейчас не кончили, – глухо ответили по рации. – Мэр сказал тащить всех живьем. Так что ему и высказывай свои претензии.

– Да мне въехало в мороз, кто чего там сказал...

– Заткнулись все, – вступил в разговор третий голос. – Навозник уходит на юг. Сейчас уже в двух кварталах. Давайте все туда. Надо быстро его брать, пока он не экранировался или не ушел из-под сканера.

Вот это было уже плохо. Преследователи со сканером – это совершенно не то, что преследователи без сканера. Особенно с мощным биосканером, который позволяет удерживать цель на расстоянии нескольких кварталов. Стандартные модели, какие встречались Дрею раньше, могли выискивать живые объекты не далее чем в десятиметровом радиусе.

– Не понтуйся, Лоскут, – кто-то из преследователей все не хотел успокаиваться. Просто был излишне болтливым, как показалось Дрею, – на юге Хаммер с парнями. Уйдет навозник от нас – на него нарвется.

– И потом Хаммер будет весь вечер над нами издеваться? – голос главного стал тише, злее и совершенно потерял интонации. Будь Дрей на месте его собеседника, он бы почувствовал себя неуютно. – Хочешь этого, долбаный экзо? Хочешь, чтобы над тобой потешались в городе?

– Да ладно, чего ты, Лоскут?! Нормально все будет, куда он отсюда сольет. Мы здесь каждый закуток еще в детстве обшарили. А у навозников в городе сразу крыша едет. Сейчас забьется в какой-нибудь угол, и там его и возьмем тепленьким. Чего напрягаться-то?

– Заткнулись все, говорю последний раз. Двигайте ножками, он по-прежнему уходит.

Замечание было верным. Дрей бежал между домами, торопясь добраться до следующей улицы. Он не верил, что у сканера может быть большой радиус действия. Даже в то, что он держал два квартала, верилось с трудом. Выйти из-под колпака сейчас было самым важным. Потом можно будет сманеврировать, изменить направление, обойти преследователей стороной, избежать встречи с пресловутым Хаммером.

Времени плутать у него не было. Теперь, когда заработавший приемник оповестил его о том, что у шайки мурашей был сканер, все усложнялось многократно.

Дрей вырвался на середину улицы, по привычке быстро подтянулся ближе к краю дома и побежал к ближайшему перекрестку, больше не пытаясь уйти под сомнительное прикрытие домов. Во дворах кварталов мурашника сложнее было заработать пулю, но пробираться дво-

рами – это двигаться медленно. Доставщику же надо было уйти из зоны сканирования, иначе его игра в прятки теряла малейший смысл.

Улицы, впрочем, тоже не были идеальны для спринта. Дрей прыгнул, ударился ногами о капот машины. Завал сразу из нескольких кузовов преграждал ему путь, и у доставщика не было никакого желания искать обходной путь. Это были уже не машины, а сплошная груда металлолома, спаянная воедино. Ржавчина, трава, прорастающая в каждой щели, – почему-то трава на машинах росла даже лучше, чем на закрытой асфальтом земле.

Пылинка за пылинкой, кусочек за кусочком, мусор забивался в эти щели. Застревал в них, удобрялся осенними листьями. Потом на эти плацдармы попадали семена, и вот теперь эта свалка металла постепенно становилась прообразом будущего маленького холмика. Может быть, пройдет еще несколько сотен лет, и кто-то, проходящий мимо, даже не сразу поймет, что легло в основание этого бугра.

Дрей оттолкнулся от ржавого металла и прыгнул дальше – опять на асфальт. Одна нога чуть было не попала в ловушку – изъеденное временем железо не выдержало нагрузки и начало крошиться, обваливаться вниз. Но Дрей был быстрее – дыра осталась на капоте древней машины, а он уже бежал дальше.

– Ушел из-под сканера где-то на юго-западе, чуть сместился к центру, – после небольшого перерыва приемник вновь ожил. – Быстрее все стягивайтесь туда. Этот парень очень неплохо модифицирован. Надо его взять...

Говоривший начинал задыхаться от бега, это чувствовалось в его голосе. Либо его модификации были не так хороши, либо сканер представлял собой неслабую махину. Но кто-то продолжил мысль вместо замолчавшего Лоскута:

– Конечно, надо его взять. Такой резвый жеребенок развлечет нас. Ставлю на первый бой два к одному на бегуна.

– Возьми сначала его живым, – еще один голос.

– Ставку два к одному беру, Серый.

– Только если его не повредят, – тут же решил уточнить «Серый».

– Да, два к одному на первый бой, если он будет целеньким к его началу. Ты еще не знаешь, кого выставят против бегуна, – в голосе принимающего послышалась насмешка.

Из этого сумбурного разговора Дрей мало что понял, да и не пытался. Сейчас его волновала только та информация, которая могла быть применена немедленно. А именно: он избавился от слежки. Сканер держит два – два с половиной квартала. На всякий случай пробежав еще один перекресток и по-прежнему никого не встретив, он резко изменил направление и двинулся в обратную сторону – на север.

Охотничья свора должна была остаться сбоку. Чтобы поберечь силы, Дрей перешел на более размеренный бег.

День был безоблачный, и солнце в зените всю этим пользовалось. Асфальт раскалился. Не желая находиться в топке в одиночестве, дорога щедро делилась жаром с окружающим воздухом. От поверхности поднималось марево, струи воздуха спешили наверх, чтобы побыстрее охладиться, удалиться от раскаленной земли.

Непрерывный бег и жара заставили среагировать тело тренированного экзо, и, как только он сбавил темп, по его телу заструился пот. Все же мурашник вызывал у него крайне смешанные ощущения. Обветшавшие бетонные коробки, в каждой из которых когда-то жило столько людей, сколько сейчас не найдешь и в десятке деревень. Почти полное отсутствие ветра и солнце над рукотворными грудами камня.

Полуденный зной, казалось, слегка изменил его восприятие. Мир вокруг словно стал не вполне реальным, некой абстракцией, которую можно было изучать со стороны. Безветрие, зной, чуждый ему бетон и асфальт. Треск бетона вместо пения птиц. Пыль и мусор вместо травы.

С другой стороны, весь мир давно уже перестал даже пытаться казаться реальным. Мир уродов, живших на уродливой земле. Мутантов, выживающих среди радиационных пустынь. На западе от этого мурашника таких было две – пара пятен на карте, со значками радиационной опасности. Маленьких пятен на карте, совсем маленьких, если не смотреть на масштаб. Если же аккуратно отмерить сантиметры на карте и все-таки взглянуть в уголок, то эти пятна оказывались смертельными зонами в несколько десятков километров диаметром.

И это даже не было войной. Так – случайные взрывы тактических ядерных зарядов полсотни лет назад, когда люди дошли как мухи. Но у этих нежизнеспособных мух были маленькие опасные игрушки. Кто и зачем решил поиграть по-крупному, разбираться сейчас уже было некому. Таких пятен на любой карте были десятки. О возникновении каждого из них среди местных ходили легенды, начиная с подрыва бункеров управления врага, химических и биологических лабораторий. Заканчивая офицером, случайно уличившим свою супругу в неверности и решившим отомстить изменнице, ее любовнику, а заодно и всем соседям по кварталу.

Кто теперь разберет, говорят, что тактические заряды в последние годы разве что в подвалах не делали. Политика ядерного сдерживания: одна уличная банда сдерживала натиск другой, потому что у нее был волшебный чемоданчик. Например. Почему нет? Правительству можно, а мы такое же правительство, только смелее.

И если бы проблемы заканчивались пятнами на картах...

Дрей встряхнулся, не останавливая бег. Углубляться в абстрактные размышления было нельзя. Не та ситуация, не то время, не то место. Сейчас стоило подумать о своих проблемах, а не о судьбах глупого человечества.

По его расчетам, он ушел от границы действия сканера где-то на квартал. И сейчас бежал в направлении, обратном тому, в котором двигались его преследователи. Еще пяток кварталов, и можно было затаиться, отдышаться, обдумать ситуацию. Вряд ли мураши так просто отпустят беглеца. Они относятся к своей территории, как будто легендарные львы к охотничьему ареалу. Могут нагнать еще людей, но будут искать его еще долго и упорно.

– Всем переключиться на запасную частоту, – голос Лоскута. – Никаких базаров на этой волне. Быстро!

Н-да. Хуже. Лоскут догадался, что беглец сидит на их частоте. Другого объяснения быть не могло. Это не радовало, не радовало также и то, что догадаться Лоскут мог только одним разумным способом – вновь обнаружив его на сканере и определив, что беглец как-то очень точно их обходит. А если он снова на сканере, да еще и глухой, то уйти будет очень сложно.

Дрей вновь включил поиск рабочих волн, но надежды на своевременный перехват было мало. Запасная волна вряд ли найдется быстрее, чем основная.

Бег. Легкий стремительный бег, сопровождаемый лишь шуршанием эфира в наушнике. На ходу он расстегнул куртку, хлопнул по кобуре штурмового пистолета, схватил рукоятку, проверяя, достаточно ли быстро сможет выхватить ее из горизонтального захвата. И еще прибавил скорости.

Его генное наследство не включало в себя длительного понижения эмоций. Генные модификации, геммы, как их называли, которые он сделал себе сам в сознательном возрасте, также не подразумевали ничего подобного. Было только кое-что краткосрочное. Однако эмоций сейчас у Дрея не было, никаких. Тут он справлялся без всякой помощи, используя одну тренировку. В подобные переделки доставщик попадал не раз, и если бы не умение сдерживать выброс гормонов в кровь, то мурашам сегодня не представилось бы счастье на него поохотиться. Не на кого было бы охотиться.

Дрей уловил эхо шагов бегущего где-то позади человека. Нет, не позади – шаги слышались откуда-то справа, из одного из боковых проулков, которых здесь было множество. Определить точно, по какой именно улочке сейчас бежит его преследователь, было сложно. Эхо отражалось от стен домов, гуляло по неподвижному воздуху. Будь экзо в лесу, он бы сказал.

Он бы даже сумел выстрелить на звук и даже попасть. Но не здесь. Здесь, в мурашнике, ему не хватало практики.

Первым его желанием было затаиться и пристрелить самого ретивого из преследователей, когда он выскочит в зону видимости. Но Дрей все еще считал, что убивать рано.

И он юркнул в проем подъезда, давно уже оставшегося без двери. К счастью, проходного, что можно было считать везением.

Еще один пустой двор, осмотр еще одной улицы. Он сбросил рюкзак на ходу, забросил его в пустую бочку, валявшуюся среди кучи мусора. Не останавливаться.

Шаги позади затихли, хотя Дрей понимал, что теперь это ненадолго. Но продолжал бежать.

Снайпер сидел у окна, в пустой квартире на верхнем, шестнадцатом этаже здания. Не самое высокое здание в округе, но зато из окон хорошо просматривалась длинная прямая улица. Просматривалась на несколько километров. Даже если он не успеет снять бегуна, то сможет передать весть о том, что тот появился в зоне их группы. У его отряда не было сканера, так что приходилось действовать старыми добрыми методами. Смотреть, пошире распахнув глаза, и слушать, наострив уши. Благо волну соседней группы они научились перехватывать давно.

Когда соседи-охотники погнали жертву, Хаммер поднял всех и подтянул на границу их сектора. Шансов было немного, но вожаку очень льстила мысль, что он имеет возможность утереть нос соседям. И он не собирался эту возможность пропускать.

Подтянув к окну большую кадку, в которой когда-то росло комнатное растение, снайпер перевернул ее вверх дном и теперь сидел на ней, опершись локтями на подоконник, разглядывая прямую линию улицы. Рядом, наведенный в сторону наиболее вероятного появления бегуна, стоял бесшумно стреляющий «винторез». Было скучно.

Развлечение было одно – слушать, как запыхавшиеся люди Лоскута мечутся в поисках бегуна. Это было весело. Снайпер подумал, что тоже будет ставить на прищельца. Очень уж удачно он бегал от целой группы охотников.

В трех сотнях метров на улицу выскочила фигура в грязно-зеленом камуфляже. Или не камуфляже, отсюда было не разобрать...

Пуля ударила под лопатку, в спину. Ударила с такой силой, что Дрея просто снесло на асфальт и еще и отбросило вперед метра на два. Тяжелая резиновая пуля, «релаксатор», моментально выбила из легких воздух, бросила доставщика на землю, возможно, сломала пару ребер.

Вторая пуля окончательно остановила тело, пытающееся шевелиться, ударив по затылку. Едва не проломленное основание черепа. И, почти наверняка, легкое сотрясение мозга.

Темнота.

Глава вторая. Арена

...Каждое человеческое чувство, хаотическое столкновение радости и печали, спокойствия и раздражения, любви и ненависти – все это лишь логическое продолжение работы Высшего над улучшением породы чад, им созданных. Битва чувств человека ничем не отличается от эволюционной борьбы за выживание отдельных особей и видов.

Хаос в таком случае уместен. Только хаос позволяет природе каждое мгновение создавать новые чувства, едва заметно отличающиеся от предыдущих. Только постоянная проверка на жизнеспособность в условиях изменяющейся внешней среды позволяет работать эволюционному отбору, отбрасывать вредные для развития рода эмоции, зачастую вместе с их владельцами. Высший создал идеальную модель для развития своих творений. Жестокую, сильную и неспособную ошибаться.

Эволюция эмоций, постоянное столкновение сотен чувств единственной особи, избранной нести внутри себя нечто большее, чем просто набор инстинктов, ясно показывает, что работа Высшего продолжается. Она отнюдь не завершена. Но, как и в случае с совершенствованием генотипа, эта эволюция будет продолжаться тысячелетия и лишь после наш вид сможет насладиться ее плодами. Осталось только подождать...

Библия Экзо

Боль.

Болела голова. Нет, не так – голова из средства для размышлений превратилась в образец боли. Дрею казалось, что все находящееся внутри черепной коробки так долго и нещадно трясли, что этот шейк теперь мог использоваться в качестве примера для взбалтывания напитков.

При этом на уровне неосознанных мыслей, мелькающих где-то на дне этой болтушки, он помнил, что мозг болеть не может. Просто неспособен мозг болеть, ввиду отсутствия болевых рецепторов. Что болит либо шея, либо череп, либо вообще это всего лишь иллюзии, зародившиеся во взбесившихся от удара нейронах. Сколько тысяч или миллионов синапсов было оборвано вследствие удара? Если бы он мог думать, то Дрей обязательно бы об этом поразмыслил. Но думать он пока не мог.

К ощущению болтанки в голове постепенно добавилась настоящая боль – боль от удара в спину. Ныло где-то под лопаткой, но хуже было то, что болели вообще все внутренности.

«Почти наверняка ребра сломаны», – подумал Дрей. И неожиданно обрадовался этой простой и неприятной мысли. Наличие мыслей радовало, хотя бы потому, что они замещали еще более неприятные ощущения.

Дышать было тяжело. Это был уже третий факт, который смог уложиться в его голове. Дышать было тяжело и больно. Глубокий вздох, который он попытался сделать, чтобы избавиться от ощущения нехватки кислорода, отдался в левой части груди такой болью, что Дрей мгновенно прекратил всякие попытки повторить эксперимент. Согласившись сам с собой, что можно дышать и потихоньку, как будто и не дышать вовсе. Так – чуть воздуха зашло внутрь, чуть вышло наружу. Само собой происходит, а я и не дышу вовсе, вообще не шевелюсь и не пытаюсь раздражить боль.

Так, с дыханием разобрались.

Мутная взвесь боли и хаотичных обрывков ощущений начала медленно оседать на дно сознания. Мысли экзо постепенно становились более сложными, нежели просто фиксация фак-

тов «больно – не очень больно». Он вспомнил, что когда-то у него были глаза. Средство для визуального наблюдения за окружающим миром и всем, что в нем происходит.

Еще какое-то время ушло на то, чтобы вспомнить, как действует зрительный орган и как им можно управлять. Но в итоге это не принесло большого эффекта – глаза были завязаны чем-то плотным, материей, через которую едва пробивался свет. Что же, он не ослеп. Это было хорошей новостью.

Ощущения добавлялись. Наручники на руках, на ногах тоже «браслеты». Его запеленали очень хорошо, по мере восстановления он начинал чувствовать, что его пленители надели даже ошейник. Скорее всего, они облачили Дрея в усиленный смирительный блок. Ошейник, способный ударить током излишне ретивого узника, соединенные воедино «браслеты» на руках и на ногах. Возможно, что-то еще.

Чувствовалось движение. Его несли, видимо, на носилках. Большая честь.

Рюкзак он сбросил, не найдут они его снаряжение в этих трущобах. Автомат, пистолет, нож – это у него изъяли в первую очередь. Но оружие у доставщика было абсолютно стандартное, жалеть о нем не стоило. А вот о своей свободе – да, вот о ней следовало бы подумать. В такую переделку ему еще попадать не приходилось. Его, экзо высшей пробы, тащили куда-то как беспомощного щенка.

Что они там говорили о ставках? Дрей прокрутил еще раз весь подслушанный по приемнику разговор. Сложил два плюс два. Получалось, что в мурашнике его заставят соревноваться, к бабке не ходи. Но не в беге же, которым так восхищались его преследователи?

«Гладиаторские бои», – подумал доставщик.

Единственное серьезное развлечение, ради которого его могли оставить в живых. Обычно мураши не мусолят чужаков, тем более не тащат их на носилках в глубину своего логова. В другом мурашнике дело ограничилось бы пулей, сразу или после недолгого разбирательства. Чаще сразу.

«Развлекаются, – подумал Дрей безразлично. – Стравливают бойцов на арене. Надо полагать, что бои идут не до первой крови. Так что мало этот вариант отличается от немедленной пули в голову».

– Эта падла очнулась, – прозвучал позади хриплый голос. Говоривший, похоже, был одним из тех, кто нес носилки и был крайне этим недоволен. – Может, освежим его, да пусть дальше сам топает?

– Тащите, немного осталось. Дольше разбираться. Дотащим, сдадим, тогда и расслабимся. Вечер обещает быть интересным. Давно мы мэру такой качественный товар не подгоняли. Он оценит.

– А Лоскут с братвой так и остались ни с чем. Хорошо мы их сделали, да, Хаммер?

– Неплохо, – откликнулся тот же голос. Хаммер собственной персоной, отметил Дрей. – Теперь будут ходить неделю прижав хвост. Надоели они мне со своими мелкими пакостями.

– На кого ставить будешь, Хаммер? – в разговор вступил еще один участник.

– На нашего друга. Слушайте сюда. Надо будет пустить слух, что мы его сильно поломали. Ребра сломаны, сильное сотрясение мозга, почки ему опустили, когда брали. В общем, выболтайте побольше подобной фигни «по секрету» за выпивкой. На первом бое заработаем хорошо. Первый бой он точно пройдет. Ну а дальше – вы уж сами соображайте.

– Кстати о зарботке...

– Помню, не волнуйтесь. Никого не забуду. В последний раз мэр обещал за хороших бойцов десять склянок. Трехлеток обещал. Как обычно – три мои, две – Эльфу за хороший выстрел. Остальные – поровну между всеми.

– Геммов бы новых, – протянул кто-то.

– Сами потом сообразите, поменяете. За одну порцию роботов-трехлеток можно найти приличные модификаторы.

– А чего трехлетки?! Без права размножения. Вот если бы вечных нанок кинули хоть разок...

– У мамыши надо было вечных побольше просить. Где ты сейчас вечных ботов найдешь, да еще и с привязкой к генной карте, чтобы ты не сразу загнулся? Забудь. Что мамка тебе через пуповину прокачала – все твое.

– Говорят, что в западной зоне нашли лабораторию...

– Сходи разведай, дятел. – Голос Хаммера стал злым. – Там из пулеметов лупить начинают как только увидят, без базаров. Это мы такие добрые.

– Хорошо бы отыграться на ставках, можно было бы и прикупить чего полезного...

Хаммер хмыкнул:

– Отыграйся, ага. Только я тебе в долг больше ничего не дам. Ты и так мне две склянки годичной культуры должен.

– А премию сразу дадут? Тянуть не будут, как обычно? Я бы тогда успел поставить.

– Постараюсь, пацаны, постараюсь. Как у мэра настроение будет, сами знаете. Я же за вас всегда горой. Он обычно к моим просьбам прислушивается, настоящий мужик.

– Да, мэр у нас голова, – голос экзо-должника стал заискивающим, – не зря он тебя уважает. Понимает, кто чего стоит. Ты бы нам, Хаммер, еще подсказал, как и на втором бое заработать, ты же знаешь, как мы тебя слушаем...

– Думать надо, – важно ответил Хаммер. – Ко второму бою все уже сообразят, что к чему, да и после отбора настоящие бойцы на арену выходят. Так и не угадаешь.

В группе повисло молчание. Видимо, каждый усиленно изображал размышления. Носилки слегка покачивались. Даже крохотный толчок отдавался болью в спине, болью в затылке. Хотя она постепенно проходила.

Дрей понемногу восстанавливался. Может быть, ребра и не были сломаны, в конце концов. Может, обошлось трещиной или ушибом. «Второй бой, говорите?» – подумал экзо.

– Может быть, я помогу, – произнес он, с трудом разлепляя губы.

Движение остановилось. Носилки опустились на землю. Не то чтобы их бросили, но и излишней заботы у носильщиков тоже явно не наблюдалось. Так, небрежно положили. От удара боль в спине усилилась, и Дрей скривился.

«Я не дышу, не дышу, почти не дышу. Сколько воздуха случайно заберется ко мне в легкие, столько мне и хватит. Я не дышу, так, вентиляция легких естественным образом...» – какое-то время эти мысли, похожие на мантру, носились в его голове в полном одиночестве.

– Гляди-ка, быстро очнулся. – Голос был Эльфа. Голос того, кто, судя по размеру вознаграждения, использовал недавно Дрея в качестве мишени.

С пленного сорвали повязку. Он слегка прищурился, потому что его глаза, как оказалось, смотрели прямо на солнце. Но тут же зрение восстановилось, и Дрей смог взглянуть на своих захватчиков.

Девять человек. Мураши, что экзо, что нано. Для того чтобы определить их принадлежность к городу, не надо было проводить глубокого генного анализа или выуживать из их крови наноботы. Да и ничего бы подобные исследования не обнаружили. Такие же люди, как и все прочие. Вариантов немного – либо экзо, либо нано. Вариантов множество – как у экзо, так и у нано. У экзо, по крайней мере, уже десятилетия назад перестали отслеживать минорные генетические модификации, особенно те, что приобретались при помощи геммов. Слишком много вариантов. Слишком много единичных мутаций, не входящих ни в какие базовые каталоги. Да и где они, эти базовые каталоги. Теперь каждый экзо – сам по себе каталог.

Полсотни мутаций, составляющих генное наследство почти каждого экзо, уже и мутациями давно перестали считать. Без них в нынешнем мире нельзя было выжить. Нельзя было дышать. Нельзя было ходить под солнцем. Нельзя было прикасаться ни к чему живому.

Можно было существовать и без базового комплекта, находясь где-нибудь в изолированном бункере глубоко под землей. В одиночестве, даже не помышляя о продолжении рода.

А ведь к числу наиболее опасных живых объектов относились и другие люди.

Еще несколько сотен мутаций были широкоупотребительными. Обычно именно по ним можно было определить, к какому классу отнести того или иного экзо. Именно они в свое время были включены в каталоги. Беспольные каталоги, существующие скорее для того, чтобы удовлетворить извечную жажду людей к упрощению, к моделированию сложных систем, приведению необъятной информационной матрицы Вселенной к простым схемам, которые способен понять их скудный ум.

Но этих мурашей отличали от остальных людей не особый комплект мутаций или специальный набор культур нанороботов. Здесь все лежало на поверхности.

Их отличала одежда, какой не встретишь в поселках. Они до сих пор пользовались одеждой, которая была произведена не вручную, кичливость которой могла бы поспорить с безумством того мира накануне Заката, где она была создана.

Их отличало выражение лиц. Такие лица можно было увидеть только в мурашнике. Лица тех, для которых окружающие развалины были одновременно и домом, и крепостью, и тюрьмой. Что-то неуловимо отличное было в этих лицах. Если улыбка, то больше похожая на оскал. Если гнев, то больше похожий на буйство. Если безмятежность, то более похожа на холод смерти.

– Как? – Хаммер подошел к разговору деловито, что было для Дрея даже некоей неожиданностью. Как неожиданным оказался и внешний вид вожака. Доставщик, невольно привывая внешность к имени, ожидал увидеть крепыша, с руками, больше похожими на кувалды, и с закаменевшим лицом героя старых боевиков.

Вместо этого у его ног стоял, чуть ли не добродушно глядя в глаза пленника, невысокий толстячок. Короткие пухлые пальцы почти небрежно держали рукоять длинноствольного револьвера. И подобного оружия Дрей также совершенно не ожидал увидеть у вожака стаи, получившего прозвище Хаммер. Казалось, весь этот человек – сплошной набор несуразностей. И в оружии, и в комплекции, в имени и в одежде. Как-то не шли к его фигуре обтягивающие тряпки из латекса.

Но дуло револьвера неотрывно смотрело на доставщика, как будто предлагая не обольщаться. Латекс или нет, но шесть зарядов даже из экзотического оружия, выпущенных в упор и твердой рукой, поменяют мнение любого человека о моде и античных идеалах фигуры.

– Ты онемел, навозник? Я все еще жду ответа.

– Вы помогаете мне выиграть второй бой, я его выигрываю. Все просто. Все довольны. Вы зарабатываете столько, что можно подумать о маленьких пробирочках с размножающимися культурами нано, а может быть даже и о паре полезных геммов.

– А тебе это каким боком? Не говори мне, что ты бродячий боец и любишь выигрывать.

– Из того, что я услышал и понял, я либо выигрываю, либо мое хрупкое тело разбирают на отдельные полезные части. Может быть, я буду выглядеть архаичным, но я люблю свое тело в том виде, в котором получил его от родителей.

Банда вокруг него расхохоталась. Дрей не то чтобы был о себе совсем уж низкого мнения, но все же он не считал свою шутку достаточно удачной, чтобы заставить мурашей так дружно смеяться. Они ржали над ним, а не над его шуткой. Своим смехом они измывались над его наивностью, одновременно показывая ему, насколько призрачны шансы чужака вырваться из сложившейся ситуации живым.

– Знаешь, навозник, – толстяк лишь слегка усмехнулся, – в отличие от своей шайки, я люблю честные сделки. А эта сделка не будет таковой, если сначала я тебе не скажу кое-что. Ты согласен услышать пару неприятных известий? Ты вроде храбрый парень, но даже самые-самые храбрые парни ненавидят рассматривать окрестности, когда висят вниз головой

на крыше небоскреба, и лишь веревка, которой связаны их ноги, удерживает их от падения. Особенно, если по этой веревке елозит нож, пусть даже и тупой.

Сравнение было весьма живое, и Дрей невольно решил, что Хаммер не пытался раскрасить свою речь несуществующими образами. Как-то не хотелось Дрею причислять к списку достоинств толстяка воображение и образное мышление. Скорее, он просто вспоминал что-то из своего недалекого прошлого. Кому-то сильно не повезло, и доставщик даже думал, что именно рука толстяка держала тот тупой зазубренный нож. Возможно, специально тупой.

– Ничего не скажу по поводу своей храбрости, но я бы все же послушал, – ответил Дрей.

– Отлично. Я верил в тебя. Так вот, новость дня: еще ни один навозник не выживал после трех боев. Некоторые проходили первый. Я видел двоих, которые выползли с арены после второго. Но третий бой – это уже профессиональный ринг, если ты понимаешь, о чем я тебе толкую. Третий бой – это высокие ставки, там на кону находятся такие пробырки, какие тебе и не снились. Ставить на навозника в третьем бою – это для дурачков, молодых придурков, которые хотят заработать по-легкому. Мы же люди разумные. Мы лучше будем иметь верняк, понемногу, не торопясь, выигрывая раз за разом. Хорошая стратегия в длительной перспективе, не находишь?

– Безусловно, – тут же откликнулся экзо. Он начал слегка уставать от попыток толстяка выглядеть великим философом, поэтому моментально вклинился в монолог, ответив на вопрос, который, судя по интонации, ответа не требовал. – Но почему бы не попробовать взять свой верняк на втором бою?

– А тебе-то это зачем, задохлик? Ты же все равно сдохнешь. Даже если и переживешь все начальные бои, то придешь к тому же – тебя разорвут в третьем бою.

– Предпочту немного оттянуть финал. Я же ничего не теряю, правда?

– Я бы не стал, – ухмыльнулся Хаммер, – на твоём месте я остановил бы сердце прямо сейчас, или откусил бы себе язык и истек кровью, или придумал бы другой способ самоубийства. Все они значительно приятнее, чем следить за тем, как твои кишки наматывают на руку.

– Хаммер, да брось ты! – Эльф, судя по голосу. Н-да, тот еще эльф. Наверное, прозвище было дано за его меткость. Или как издевка к приземистой коренастой фигуре снайпера. Или и то, и другое одновременно. Но, опять же, Дрей почему-то легко предположил, что второе преобладало. – Дай парню надежду, а нам возможность заработать. Ты что, на принцип, что ли, пошел?

– Все будет, как я сказал, – оборвал стрелка атаман. – Первый бой я вам обещал, дальше – каждый за себя. Парня мы подготовим, но не выглядит он бойцом. Бегаёт быстро, и всего-то... На арене много не побегаешь.

– Подготовьте меня. Правила, кто чего стоит из соперников... Все, что знаете.

– Правила тебе и без нас расскажут, – неторопливо ответил Хаммер. И тут же прервал мысль, отдавая распоряжение: – Снимите его с носилок, нижние кандалы немного ослабить, пусть сам дальше топает, по дороге мы просветим этого навозника. Но идти ему придется самому. И чтобы дуло было у его затылка все время, а то больно прыткий.

– Так вот, – продолжил Хаммер, когда отряд двинулся дальше, – прежде всего, молодой и наивный экзо, запомни главное – на арене нет соперников, на арене только враги.

И экзо начал запоминать...

Так как речь толстяка была излишне, даже нарочито нетороплива, мысли Дрея все время уводило в сторону. Он запоминал, сравнивал свои возможности и силы бойцов второго и третьего круга, прикидывал, как лучше построить бой с каждым из них. Но все это не позволяло ему достаточно загрузить мозг, чтобы мысли раз за разом, бесконтрольно, не отклонялись от непривычной для них прямой стези и не начинали суматошно скакать по проторенным узким тропинкам воспоминаний.

Память. То место, куда он заглядывать не любил, но, как и многие другие, проводил в нем чересчур много времени. Дороги памяти слишком протоптаны, слишком удобны для ходьбы, сойти с них непросто. Чуть поставишь ногу в сторону, на нехоженую землю, сделаешь несколько шагов – как вдруг оказывается, что ты вновь идешь по знакомой тропинке «было».

Сложнейшие, непонятные, а поэтому почти колдовские связи миллиардов нейронов в его голове строили загадочные ассоциативные цепочки. Подчиняясь неведомой логике, используя в качестве запала любое слово, любой самый незначительный жест, разом перепрыгивая сквозь пространство и время, они заставляли экзо неожиданно вспоминать те события, о которых, казалось, давно можно было забыть.

Но оказывалось, что забыть что-либо невозможно. Можно похоронить воспоминания под пластами свежих событий, задвинуть их в самый дальний угол самой темной комнаты, но забыть их невозможно. В любой, даже самый неподходящий момент течение ассоциаций выносит, вымывает их на поверхность, заставляя вновь и вновь возвращаться к прошлому.

Его родители не были уникальными. Тихие люди, старающиеся, как и многие вокруг, жить незаметно. Неплохой подход во времена, когда теоретическое бессмертие любой особи человеческого рода сталкивалось с практической резней на каждом шагу. Геноцид, растянутый на столетие.

В этой тихой и неприметной жизни у них было не так много событий, которые стоили бы запоминания. Первым из них стало рождение Дрея.

Даже сейчас, когда все немного успокоилось, живым родился один из двух детей. В момент, когда новорожденный экзо появлялся на свет, вероятность выжить у него составляла один к десяти.

В колониях нано ситуация с детской смертностью была не лучше, хотя причины у каждого вида были общими лишь частично.

При появлении на свет маленького экзо поджидала повышенная радиация. Радиационный фон, который губил плод зачастую еще в утробе матери. А если не губил, то на свет появлялись монстры, неспособные прожить без внешней помощи и нескольких минут. В нынешние времена такой помощи было не дожидаться. Кое-где, в крупных поселениях, можно было найти более или менее оборудованные медицинские лаборатории, но и в них занимались только теми, кто имел хорошие шансы на выживание. Биоэтика в действии. Когда грамотная медицинская помощь достается единицам новорожденных, остальным приходится выживать самостоятельно. Каждый пятый не проходил тест.

Говорили, что сразу после смуты выживал вообще только один из сотни младенцев, хотя медицинского оборудования тогда было не в пример больше.

Вторым фактором, губившим и экзо, и нано, были вирусные инфекции. Человек, в оригинальном его состоянии, просто не был способен справиться с таким враждебным окружением, что предлагала при его появлении сегодняшняя Земля. Шесть из десяти погибало от болезней в течение недели.

Дальше у каждого вида была своя беда. Несовместимость модифицированных генов родителей-экзо, а иногда и их предков, надежно добивала еще одного из десяти. И так далее. В конечном итоге выживал один. Одним из десяти оказался Андрей. Дрей.

В течение первого года жизни погибал еще каждый третий ребенок. Хотя с этим и сейчас ситуация несколько не улучшилась. Дети почти перестали погибать от радиации и инфекций во младенчестве – один из трех. Еще один из трех погибал от все той же несовместимости. Многие считали, что это свет в конце туннеля, то, что сейчас выживает хотя бы каждый третий младенец.

Но пессимисты утверждают, что состояние генетической разобщенности человеческого рода, пусть даже только его половины – экзо – может резко ухудшиться, и тогда эре экзо придет конец.

К таким пессимистам, конечно, относились все нано.

Он был первенцем. И единственным ребенком в семье. Ему исполнилось шесть, когда лихорадка Л18 накрыла район, распространяясь быстрее, чем поселки и деревни успевали закрывать ворота от пришельцев. Переносчиками были не только люди, но и насекомые, и это довершило дело. Треть взрослых экзо погибли до того, как выработали антитела. В районах нано умер каждый четвертый.

Нано говорили, что это проделки экзо. Хотя потом пришел грипп «антидогмат». Пришел веером, мутируя в среднем раз в два дня. Получился не просто грипп, а целый букет болезней, обрушившихся на людей. Организм просто не успевал реагировать. Нанороботы не успевали прийти на подмогу лейкоцитам. Погибла половина нано в местах их компактного проживания. Чуть меньше в глухих деревнях. Выжил один из десяти экзо. К счастью, грипп быстро сошел на нет, в основном за счет полной изоляции поселений в момент начала карантина.

Экзо говорили, что это оружие возмездия нано. Только мальчику экзо в то время было все равно. Шестилетний пытался выжить. Хутор из трех дворов вымер полностью, и с этого момента он был предоставлен самому себе. Тогда он не думал о родителях. И еще долго не вспоминал о них, были дела поважнее. Например, выживание. Самое большее, что он мог сделать для своей семьи и для соседей, это поджечь каждый дом, каждую постройку на хуторе, чтобы не оставлять тела людей гнить и превращаться в прах. Это был хороший погребальный костер.

В те минуты, когда он шел между домами, аккуратно поджигая все, что могло гореть, его не волновало, что он остается без крыши над головой. Что завтра ему, возможно, будет нечего есть. Все равно он знал, что не сможет жить в доме, где на кровати, как будто обнявшись, лежали его мертвые родители.

И как только зарница от пожара исчезла за вершинами деревьев, он забыл. Забыл родителей, забыл детство. Зато, неожиданно, он вспоминал о них сейчас. Память – странная штука.

– В первом бою тебе подsunут нано. – Реальность в виде голоса Хаммера выдернула его из воспоминаний. – Так всегда делают, чтобы было веселее. Экзо против нано – классический бой. Кого-нибудь из городской молодежи. Это у нас так посвящают в мужчины, ты понимаешь. Много юнцов желает поскорее стать взрослыми и рвется разделаться с кем-нибудь на арене.

Хаммер вздохнул. Дрей вскинул голову, посмотрев на лидера группы, ощутив в этом вздохе странные нотки.

– У меня у самого сыну скоро на арену, – ничуть не смущаясь, пояснил Хаммер. – Но, видишь ли, среди этих молокососов считается наиболее крутым драться не до победы, а до смерти. По правилам арены до смерти бои идут только с пришельцами. Неважно с кем – с отребьем вроде тебя, случайно выловленным на окраинах, или с профессиональными бойцами, которые приходят в город специально, чтобы выйти на арену и получить приз.

Хаммер сжал кулак и приподнял его, как будто собирался прямо здесь придушить отсутствующего сына.

– Я своему недорослю этого не позволю! Пусть по простому выйдет и расквасит нос какому-нибудь нано, и концы у крайней хаты. А будет дергаться на навозников – сам придавлю. После двух трупиков старуха выдавила его на свет не для того, чтобы он подставлял свою башку на арене.

Экзо молча кивнул. Но спросил о другом, стараясь не уходить глубже в тему, которая была для Хаммера явно не самой приятной:

– Экзо живут вместе с нано?

– Это город, навозник. Мы – центр культуры и цивилизации. Нам до фени ваши предрассудки и правила. Если ты живешь в городе, то должен быть терпим к другим. Это правило номер один.

– Судя по всему, есть еще и правило номер два?

– Конечно, – важно кивнул Хаммер, – конечно есть.

Сделав театральную паузу, он добавил:

– Правило номер два: хороший навозник – мертвый навозник.

Люди Хаммера с готовностью заржали. Эту шутку они слышали уже не раз и лишь ждали момента, чтобы поиздеваться над пленником. К их глубокому сожалению, Дрей не слишком огорчился предлагаемой перспективе. Вместо этого он задал вопрос, который волновал его больше всего:

– И что, есть дети?

Поначалу Хаммер не сообразил, о чем спрашивает пришелец. Но когда понял, то побагровел от гнева, подскочил к беззащитному пленнику и выплюнул слова прямо ему в лицо:

– Ты совсем охренел, навозник? За такие прогонки мы ведь можем тебя прямо здесь на куски разделать. Культура культурой, но можешь ведь и языка запросто лишиться. На арену тебя можно выпустить и немым.

Постепенно успокаиваясь, он встряхнул головой и вновь начал входить в обычный ироничный тон:

– Надо же ляпнуть, а? – Хаммер обвел глазами своих людей. – Дети?! Да если я хоть увижу, что мой парень подойдет к шлюхе-нано ближе чем на метр, то я его собственноручно оскоблю, как Давид Голиафа. Правильно я говорю, парни? Такие вещи допускать нельзя.

Парни одобрительно загудели. Пару примечаний от нано насчет того, что не надо вот так уж всех их женщин называть шлюхами, потонули в общем хоре.

– Ладно, закрой пасть и молчи, как рыба об лед. И слушай дальше, а то не так далеко идти осталось...

Они были где-то в центре мурашника. Перед тем, как начать проникновение, Дрей долго изучал все найденные карты. К сожалению, он совершенно не планировал заходить так глубоко в каменные джунгли, поэтому сейчас с трудом представлял свое точное местоположение.

Хаммер и его люди вели доставщика к небольшому двухэтажному особняку, стоявшему недалеко от проспекта. Две дороги, разделенные посередине полосой деревьев. На этом небольшом участке мурашника оказалось неожиданно чисто. Был убран весь мусор, все обломки. Похоже, что пара зданий по соседству обвалились полностью. Но и от них остались лишь воспоминания – все обломки были куда-то вытащены.

Более того, в этом месте наводили порядок регулярно. Асфальт подметен, выбоины аккуратно заполнены свежим наноматериалом. Этот асфальт, с возможностями самовосстановления, был изобретен незадолго до десятилетия смут. Считалось, что дороги из него должны быть вечными. Дрею не раз пришлось убедиться, что это не так. Хотя кое-где наноасфальт еще пытался поддержать идеальное дорожное покрытие, но в большинстве мест он давно уже сдался под натиском времени.

Мурашник был полон сюрпризов. Не случайно, несмотря на все опасности, он постоянно притягивал к себе авантюристов. На самовосстанавливающийся асфальт, понятно, мало бы кто позарился, но Дрей не сомневался, что среди полуразрушенных домов было скрыто еще немало интересного и помимо мечты дорожного строителя.

Хаммер, уже минут десять хранивший молчание, тихо сказал:

– Сейчас тебя покажут мэру. Он весьма дружелюбен, но ты сильно губу не раскатывай и не смотри, что наш избранник обходителен в общении. Надо будет, он тебе лично хребет переломает, продолжая при этом улыбаться. Так что води себя правильно. А лучше вообще помалкивай. И помни, что я тебе рассказал. Понял?

Дрей молча кивнул. Они зашли в двухстворчатые деревянные двери, которые охранники, стоявшие снаружи, почти что вежливо распахнули перед ними. Взгляды охранников не при-

несли доставщику приятных новостей. Они как будто говорили – вот, еще одного бычка на убой привели.

Дрей впервые в своей жизни увидел галстук на человеке. Конечно, галстуков на дозакатных фотографиях он видел немало. Пару раз ему приходилось даже вживую поддержать ленты шелковой материи с этим названием. Один раз Дрей имел возможность наблюдать новогоднюю елку, на которой несколько таких лент ярких расцветок были развешаны вместо гирлянд.

Этот галстук был темно-синим, в аккуратную косую полоску. И использовался по его изначальному предназначению – он был слегка небрежно завязан на шее. Дрей прямо залюбовался, очень уж шел мэру этот атрибут его власти. Очень удачно он был подобран к светло-синей рубашке, тоже в неброскую полоску.

Сам представитель местной власти доставщику понравился не очень. Нормальный вроде мужик лет за сорок. Высокий, подтянутый, со слегка хищными чертами лица. Но очень уж не вязался со всем его внешним видом бегающий взгляд. Даже не бегающий – прыгающий, останавливающийся в одной точке лишь на мгновение и тут же дергающийся на новое место. Иногда движения зрачков оказывалось недостаточно, и мэр двигал голову, чтобы остановить взгляд на новой точке ради одному ему известных целей. А может, и неизвестных, может, это была просто плохая привычка.

Мэр был экзо. Не то чтобы это сильно обрадовало Дрея, но все-таки... На пару мелких побрякушек можно было рассчитывать. Допустим, бить все равно будут, но не будут увечить. Что-нибудь в таком духе.

– Ты кто, *Amigo*? – спросил властелин мурашника с ходу. Дрей еще пересекал просторный кабинет, единственным предметом обстановки которого был достаточно большой стол темного дерева. За ним в кожаном кресле с высокой спинкой сидел его нынешний собеседник.

Дрей ответил не сразу. Сначала дошел до той незримой точки, у которой его придержали за локти дюжие охранники, оба нано, как ни странно. Этот лишний десяток шагов ему понадобился, чтобы просто понять, о чем его спрашивают. Он так до конца и не был уверен, в чем суть вопроса, но нужно было что-то отвечать.

– Я доставщик. У меня заказ, надо кое-что клиенту добыть на западе города.

– Тогда тебе повезло, что мы тебя перехватили. *Afortunado*. У нас здесь хоть цивилизация, все культурно, без всяких там выкрутасов. А на западе у нас отморозки, их даже я не контролирую, своя власть. Там бы тебя живьем сожрали и косточки бы не стали выплевывать. *Ogro, ogro verdadero*.

– Каннибалы? Это правда?

– Я всегда говорю правду. За это меня здесь и уважают! У них на западе никакого порядка, делают что хотят, моих людей почем зря гробят. Ну ничего, еще годик-другой, я их к рукам приберу... Для наведения порядка, конечно, – тут же поспешил добавить мэр. – Там тоже люди живут. Им нужна цивилизованная власть. Чтобы спокойствие, чтобы все работали и наслаждались благами развитого общества. *Régimen existente* меня совсем не устраивает.

Дрей промолчал, но градоначальнику особо собеседник и не требовался. Десяток подчиненных, важно стоящих вдоль стен, внимали мудрости. И мэр вещал в основном для них.

– Мы тут многого добились. У нас порядок. Еды у всех вдоволь. Экзо и нано живут душа в душу. Развлечения есть, мы же все-таки крупный город, как-никак. Народу ведь всегда что нужно? Хлеба и зрелищ. *Basta!*

Мэр поднялся из-за стола и начал неторопливо прохаживаться по комнате, развивая тему, которая явно была его любимой.

– Сейчас еще немного в городе разберемся и будем думать, как объединить под знаменами новой власти окрестных навозников. Хватит им уже прозябать в нищете и невежестве.

Дрей все же не выдержал:

– А если они будут не очень на это согласны?

– *Peso de lider*. Тебе не понять. Меня поймут будущие поколения. Большое и сильное государство невозможно без насильственного объединения на начальном этапе. А бойцы у меня – лучшие. Не просто лучшие, а самые верные. И не потому, что я такой хороший, а потому что у нас порядок! Люди любят порядок. Каждый знает, что я от него жду. И знает, что за это получит.

Где-то сзади кашлянул Хаммер. Взгляд мэра тут же «прыгнул» в ту сторону.

– Да, кстати, по поводу награды. Хаммер, ты и твои люди молодцы. *Es un guapo verdadero*. Зайди прямо сейчас в хранилище, выдадут все обещанное, я уже распорядился. Побольше бы таких исполнительных командиров, как ты, давно бы уже вся округа вернулась к цивилизации. И на западе всех бы покрошили в мелкий винегрет. Кстати, Хаммер, не хочешь этим заняться?

– Я бы не против, господин мэр, – неуверенно откликнулся Хаммер. – Людей вот маловато, положим же всех, кто за порядком следить будет?

– Ну смотри, поговорим еще. Дело *merecer la atención*.

Взгляд мэра прыгнул на лицо Дрея:

– Значит, нарушил ты наши границы. Пытался тайком пробраться на суверенную территорию и изъять ценности, принадлежащие нам по праву. *Delincuente*. Хорошо хоть, сам признался... – Мэр с крайне задумчивым видом забарабанил пальцами по столу.

Если бы Дрей не пообещался заблаговременно с боевиками мурашей, он мог бы всерьез поверить, что сейчас решается его дальнейшая судьба. Но так как его успели слегка просветить о возможных вариантах наказания, то ему было даже слегка смешно. Наказание было одно.

– Ладно, – мэр решительно хлопнул по столу. – На первый раз простим, я думаю. Ты же не рецидивист, раньше на нашу территорию не залезал. Да и человек, я вижу, хороший. Поступим так: выступишь на наших гладиаторских боях. Выиграешь – да и дело с концом. Проиграешь – ну не судьба, значит, тебе.

– А что будет, если я выиграю? – невинно поинтересовался Дрей. – Отпустите?

– Выиграешь первый бой, получишь право на второй. Во втором бое участвуют претенденты на профи. Это значит, что если выиграешь второй бой, то станешь профессиональным гладиатором. А это почет, это уважение, *muchachas bonitas* и прочие прелести во всевозможном виде. – Взгляд мэра вновь остановился на Дрее, на этот раз дольше обычного. После чего градоначальник подмигнул пленнику, и тут же его внимание опять усакало куда-то дальше.

Подмигивание было многообещающим. Мэр давал понять, что Дрей скоро будет купаться в роскоши, менять женщин как перчатки, и остальное, что он сам себе придумает. И для того, чтобы получить все это, нужно закрыть лишь пару формальностей – выиграть два смертельных поединка.

– Мы любим, чтобы на арене бои были честные. – Голос испаноговорящего стал деловитым. – Поэтому ты должен честно нам рассказать обо всех боевых мутациях и геммах, которые у тебя есть. Расскажешь, или мне придется отправлять тебя на полный тест? К сожалению, у нас оборудование слегка *ser anticuado*, поэтому процедура может быть немного болезненной. Но я повторю – бои у нас честные. Никто не узнает о твоей карте, кроме организаторов. Нам ведь надо подобрать тебе достойного соперника. Так как?

Не то чтобы Дрей боялся болезненности процедуры, равно как он мало верил в то, что его генная карта останется тайной, однако у него были свои причины, чтобы не проходить тестирование. Причины достаточно веские. Да и Хаммер предупреждал, что рассказать о своих геммах стоит сразу – единственная возможность скрыть ряд приятных дополнений от будущих соперников.

– Конечно, раз вы говорите, что это останется между нами... – начал Дрей, – значит, из мутаций, относящихся к делу: нервный ускоритель три и четверть, «Геракл», «Стайер», «Лихорадка»...

– Базовая «Лихорадка»? На сколько хватает ускорения?
– Минуты на две, хотя я как-то стараюсь ей не пользоваться, сами понимаете.
– Да, понимаю, ощущения потом неприятные. А как сдерживаешь? Если это мутация?
– Как-то научился держать себя в руках. Химия, сами понимаете. Не будешь дергаться, лихорадка не начнется.

– Согласен. Ладно, *proseguir*.

– «Веретено» – это улучшение вестибулярного аппарата, один из подвидов «Центрифуги». «Четыре пробирки стихий». Стандартный модификатор ядов, хотя я не уверен, насколько это нужно.

– Не нужно, не нужно, у нас честные поединки, я же сказал. Еще что-нибудь?

– Не знаю даже. – Дрей сделал вид, что глубоко задумался. – Вроде все. Остальное я уже сам догнал.

– Ну ладно, поверим. И что там у тебя с геммами?

– «Набор путника», «Вортекс», «Кулак бога», «Тварь преисподней», «Ассимилятор», «Экзо» в вариантах два и четыре сигма, «Оракул» и «Бастард богов», «День защиты», «Тень-два», «Обитель зверя». Все. Прочие мелочи к делу не относятся.

Это было далеко не все, но и перечисленного хватило. Прихвостни мэра вдоль стены зашевелились, мэр довольно ухмыльнулся. Дрей подумал было упомянуть еще что-нибудь, чтобы добить их окончательно, хотя бы гемм «Кассир Харона». Но все же сдержался.

– *Impresionar*. – Мэр закивал, – очень впечатляет. А «Обитель зверя» – это что вообще?

– Рывковое увеличение мышечного усилия. Какие-то там модификаторы гормонов в кровь вбрасываются. – Дрей слегка лукавил. Он точно знал, какие вариации гормонов синтезируются его организмом. Но показывать себя слишком большим умником в этой аудитории как-то не хотелось.

– И что, все постоянное?

– Нет, не все. «Тень» подсунули негодную. Сначала чуть не сдох после инъекции. Потом оказалось, что мутация нестабильна и выветривается. Хотя, может, оно и к лучшему.

– Ладно, подберем тебе достойного нано. У нас молодежь, знаешь, тоже хорошо прокачана. Будет интересно, и народу удовольствие. Народу нужны зрелища. И мы эти зрелища народу даем. Так что давай, не подведи меня, – говоря это, мэр впервые подошел к Дрею. Только для того, чтобы похлопать его по плечу. Аудиенция была закончена.

Клетушка, в которой «поселили» будущего гладиатора, изящным убранством похвастаться не могла. Дрею было все равно. Койка присутствовала, да и ладно. Он улегся и тут же уснул. День выдался тяжелым, и ему хотелось хотя бы немного восстановить форму до выхода на арену. Может быть, предстояла встреча с сосунками, всего лишь молодыми неопытными нано. Но эти сосунки только и делали, что развлекались в драках, так что недооценивать их не стоило. Тем более, когда бои проходят по весьма упрощенной олимпийской системе – либо выигрываешь, либо труп.

Дрей не хотел, чтобы завтра с арены вынесли труп экзо.

За всю ночь он проснулся один раз, под утро. Просто приоткрыл глаза, когда тихо отворилась дверь. Это был Хаммер. В одной лапище он держал пластиковый поднос с едой. Каким образом ему удалось наняться на должность разносчика пищи, доставщик интересоваться не стал.

– Ты, дятел, – тихо сквозь зубы зашипел толстяк, поставив поднос и наклонившись к самому уху экзо. – Я же как маму тебя просил, не трепись. Зачем ты куковать начал, тетерев? Все геммы сдал! Действительно надеешься, что информация не расплзется? Совсем больной на голову? Как младшим родился, так дураком и помрешь.

– Не все, – коротко ответил Дрей. Этого оказалось достаточно. Зрочки Хаммера сузились, показывая сосредоточенную работу мысли. Он достаточно быстро осознал сказанное и развивать тему не стал. Заговорил о другом:

– Короче, ты влип, навозник. Влип конкретно. У одного из советников мэра сыночек как раз «на выданье». Он заставил папашу записать себя на сегодняшний бой. Папаша был против, особенно после того, как вчера узнал о твоём внушительном наборе, но сыночек уперся. Но папочка ведь не хочет смерти мальчика. А условия поединка завтра простые – с арены выходит один, второго выносят прямиком на запчасти и вытяжки.

– И что?

– Ты знаешь, что такое советники мэра? У них власти в городе ненамного меньше, чем у Самого. И возможностей тоже, не все у нас мэр решает. Поэтому считай себя ходячим трупом. Если ты грохнешь сыночка советника, то не доживешь даже до второго боя. Такого тебе не простят. Тупик. Проиграешь – труп, выиграешь – тоже труп. Не выкрутишься. Плакал мой выигрыш.

– Ладно, придумаю что-нибудь, – нарочито лениво и спокойно сказал Дрей. Идей у него пока не было, но Хаммера хотелось успокоить. В конце концов, это был единственный человек, который взял его сторону, хоть и по своим причинам.

– Да и выиграть тебе тоже будет нелегко. Сыночка накачали новыми цацками. По всему твоему списку встречные меры приняли. Парень и так был не слабенький, а на сегодня он вообще монстр. Однодневные культуры запрещены перед такими боями, но никто не будет перечить советнику мэра, никто даже не вякнет. Так что, возможно, твоя первая проблема даже и не возникнет.

– Не волнуйся. – Дрей оставался подчеркнуто спокойным. – Наш уговор в силе. Ставь на меня, только больше выиграешь, вот и вся разница. И... спасибо за информацию.

– Не за что. Не выиграешь хотя бы этот бой, я тебя сам за проигранную ставку грохну. Я три ампулы вечных «кровяных пловцов» поставил, с возможностью регенерации. Все, что было. И плазмидный вариант «Мании Гейгера».

– Вечный?

– Нет, мутировавший. На год хватит, не больше. Потом выветривается.

– Жаль, я бы взял.

– Ты выиграй сначала, потом поговорим. За вечный тебе не один десяток боев надо пройти.

– Ладно, потом так потом. Еще раз спасибо.

Место, названное ареной, навевало весьма мрачные ощущения. Возможно, зрителям так не казалось. Возможно, для местных все было как раз наоборот – для них это место было связано с одним из немногих «достойных» развлечений, существующих в мурашнике. Но у Дрея настроение было препаршивое.

Толстые стальные прутья, поднимающиеся на несколько метров вверх и резко сходящиеся под потолком. Их грубо приваренные поперечные собратья, делающие каркас практически непреодолимым. Путь были такие, что сразу же возникал вопрос – какие титаны должны были бороться внутри, на ринге. Таковую клетку даже бульдозером было сразу не взять.

Как полагается, две двери, оформленные полностью под интерьер, – для торжественного вступления на арену гладиаторов. Итого – круглая площадка радиусом не более пяти метров. Входят двое, выходит один. Вот и все правила, как их понял Дрей.

И зрители, ожидающие развлечения, лучшего развлечения в этом городе. Мэр был прав, для сохранения личной власти он давал этим людям основное – хлеб и зрелища. Со зрелищами, похоже, была некоторая напряженность, раз непроверенный боец выставлялся на ринг против неоперившегося юнца, который должен был отстаивать свое право называться мужчиной.

Либо советник мэра не был уверен в эффективности краткосрочных нанокультур, либо он слишком сильно обожал своего отпрыска. Но он решил убедиться в том, что выскочка-навозник знает, чем рискует. В принципе, сомнения в пользе от только что введенных в организм роботов Дрей готов был полностью разделить. В таких случаях важна сыгранность. Самого себя с собственным телом. А за день управлять новыми возможностями не научишься. Вот подрастерять бразды правления над тем, что у тебя уже есть – это да, это более вероятно. Хотя делиться с кем-либо своим мнением на этот счет Дрей, в общем-то, в текущий момент не планировал.

На место представления Дрея вели четыре охранника. Вели закованного в ручные и ножные кандалы, как какого-то заключенного прошлой эпохи. Ему приходилось семенить, и выглядел он слегка смешно. Во всяком случае, ему хотелось усмехнуться. Он и усмехался, про себя, надо же было хоть чем-нибудь заняться.

Как раз этих охранников небрежно отодвинули в сторону несколько откровенных громил, ярко выраженных нано, до такой степени нагруженных модуляторами, что Дрей готов был поспорить, что даже в их моче нанороботов больше, чем у среднего обывателя в крови.

Дрей увидел знакомое лицо и быстро сообразил, что к чему. Удивился. Оказывается, даже у советников мэра есть личные телохранители? Странная все-таки жизнь у них здесь, в мурашнике.

Не обращая внимания ни на охранников, ни на своих телохранителей, советник подошел вплотную к Дрею.

– Если ты еще не знаешь, навозная крыса... – Голос был ровным и лишенным каких-либо интонаций. – С тобой на арену выйдет мой сын. Если с ним что-нибудь случится, то твоя смерть будет долгой, мучительной и очень, очень болезненной. Советую тебе сдохнуть на арене.

Советник отодвинулся, повернулся и зашагал прочь. Охраняющие его контейнеры для наноботов двинулись следом. Ни одной эмоции, ни одного жеста, полное отсутствие мимики. Подошел, сообщил, ушел. Советник был опасной фигурой. И Дрей не сомневался, что свое обещание он сдержит. Хотя это мало что меняло.

Оставшуюся часть пути доставщик размышлял, что же все-таки было основой подобного отсутствия эмоций у советника – высокий самоконтроль человека с сильной волей, или все же не обошлось без популярной, хоть и в очень узких кругах, нанокультуры «Фарфоровый душитель». Полное подавление эмоций, причем необратимое, в наследственном варианте не существует.

Его расковали прямо на арене, вначале заперев дверь, через которую он прошел. Во всем этом было мало целесообразности – куда он мог деться, когда кругом было такое количество враждебно настроенных мурашей, немалая часть которых, судя по внешнему виду и наличию оружия, считала себя бойцами.

Зато в этом было много театральности. Злобный убийца, поедающий маленьких детей, схвачен и доставлен для справедливого суда. Сейчас вот еще судья выйдет и объявит приговор. Было видно, что ставка Хаммера должна сыграть. Ведь никто всерьез не верил в победу даже такого крутого чужака. Справедливость, как-никак. Зло должно быть наказано. А уж зло, которое привели в клетку в кандалах, наверняка будет наказано.

Дрей почти ожидал чего-то в этом роде. Что сейчас встанет со своего места в ложе мэр и произнесет суровую проповедь о том, что преступление и наказание связаны неразрывно, что враги не получают ни пяди их мурашника, что шпионы навозников будут выпалываться беспощадно...

Под приветственные крики на арену вышел сынок советника. Дрей смотрел на него равнодушно. Нужно было посмотреть внимательнее, но сейчас ему больше хотелось услышать мэра.

Мэр ожиданий Дрея не оправдал. Тон хозяина города был радушный. А смысл его речи полностью отличался от того, что предполагал доставщик.

– Граждане города! Мои дорогие избиратели. Сегодня мы рады приветствовать на этом ринге двух бойцов. Сильнейших бойцов из многих, которых мы видели. Мне даже немного жаль, что один из них может умереть, но таковы наши правила и наши законы. Мы призываем сильных, чтобы защитить наше мирное существование. Мы призываем молодых. Мы призываем тех, чья воля – это наши идеалы, чьи сердца наполнены любовью к нашему народу. – Мэр сглотнул. По его щеке скатилась одинокая слеза. И закончил коротко, чтобы подчеркнуть торжественность момента: – Пришла пора доказать, что вы можете быть достойны именоваться бойцами. Живыми или мертвыми.

Дрей вновь посмотрел на соперника. Из необычно оформленной речи мэра он понял одно: если мэр делал ставки на этот поединок, то он поставил именно на чужеземца.

Может быть, нано и был юнцом, но это был здоровый юнец. Мышцы бугрились при малейшем усилии, явственно выступающие вены показывали, что с доставкой крови в нужные места тела тоже было все в порядке.

Время от времени нано чуть подергивал руками, как будто наслаждался видом своей мускулатуры. Дрей знал, что это не просто подергивание, не просто игра мышцами на публику. Базовый нано, что ни говори. С более продвинутыми колониями нанороботов подобных проблем не возникало. Это подергивание означало накачивание отдельных частей тела наноусилителями. Базовая хитрость. Дернешь так мышцами разок-другой, и наноботы, как фагоциты, сойдутся к одному месту, чтобы в нужный момент увеличить мышечное усилие в разы, может даже в десятки раз.

Одновременно подергивание значило, что у парня рефлекс именно базового нано. Слишком тривиально. Слишком предсказуемо. Возможно, сейчас противник был накачан более продвинутыми культурами. Но рефлекс есть рефлекс, их за день не поменяешь. А тело привыкло работать с унаследованными от папы и мамы ботами.

Ударили в гонг. Никаких объявлений, пожатий рук и настойчиво высказываемых пожеланий по поводу честного боя. Бой без правил. Тысячелетия прошли, а не поменялось ничего. Арена, гладиаторы и зрители, жаждущие крови.

Боец был неплох. Даже со своими старыми ботами он справлялся весьма прилично, в чем Дрей убедился сразу, когда звон гонга еще не затих, еще вибрировал в воздухе. Противник одновременно, вернее, почти одновременно дернул мышцами левого бедра, потом правого, затем напряг левый бицепс.

На правый бицепс Дрей посмотреть не успел – противник атаковал. Удар левой ногой, удар правой ногой, удар левой рукой. Предсказуемо, еще раз убедился Дрей, но, как ни странно, ничуть не менее опасно.

Нано бил красиво и эффективно. Никаких тебе задираний ног для демонстрации растяжки и открытия паха под встречный удар. Жесткие и короткие удары по коленям, бедрам, которые пришлось встречать жесткими блоками на голень. Больно, надо полагать, было обоим.

Скорее всего, наноботы повысили болевой порог у противника. Дрей сознательно сдерживал использование гемма *SinDolor*. Не чувствовать боли – это хорошо, но слишком много побочных эффектов. Пока можно терпеть, лучше потерпеть. Поэтому сейчас в его крови бушевал обычный адреналин, позволяющий знать, что боль есть, но практически не обращать на нее внимания.

Третий удар, рукой, он пропустил. Сознательно пропустил. Удар был слишком слабый и излишне медленный. Удар был рассчитан на то, что на него успеют среагировать. Это была всего лишь начальная связка. Расчет на то, что Дрей начнет отступать, уклоняться и блокировать, позволяя своему противнику развернуть полную комбинацию.

Вместо этого нано получил два жестких столкновения голень о голень. А затем его кулак ударился в напряженившиеся мышцы груди экзо. Дрей шагнул навстречу, заставив комбинацию противника умереть в зародыше.

Дрею был нужен всего один удар, и он его сделал. После чего резко отскочил назад, изображая боль, страх и чуть ли не полное поражение.

Внешне удар выглядел как смазанный удар в челюсть, от которого нано успел уклониться. Поэтому кулак Дрея «промазал» чуть ниже ключицы. Но было еще кое-что. Короткое невидимое движение «неудачно» оттопырившегося большого пальца, ткнувшегося в лимфоузел под челюстью противника. Для обычного человека – ничего страшного. Для экзо – ничего страшного. Для большинства из нано – тоже ничего страшного...

Нано пошел в повторное наступление. Сейчас нужен был спектакль, чтобы не разочаровать зрителей. Если зрители будут довольны, то будет доволен и мэр. Если будет доволен мэр, то сложнее будет хоть в чем-нибудь обвинить чужака.

Экзо прыгнул. Это был красивый маваши в прыжке. Эффектно выглядящий, легко принятый на предплечье противника. До головы Дрей, конечно, достал, но обычные зрители не могли знать, что головы он скорее коснулся, нежели ударил в полную силу – основной удар был принят рукой противника.

Волей-неволей и нано вовлекся в красивый обмен бессмысленными ударами. Сильными, мощными и бесполезными против мало-мальски опытного противника.

Для среднестатистического нано задетый лимфатический узел не означал бы ничего, но, судя по тому, что рассказал Хаммер и до чего Дрей додумался сам, была большая вероятность того, что этот юнец накачал себя наноботами одной из культур т-симуляторов. Скорее всего, внешними подобиями т-киллеров, что-нибудь вроде «Тополиного пуха». Эти боты были великолепны для ускорения вывода из крови продуктов метаболизма и позволяли увеличивать выносливость бойца. Одна проблема, связанная со всеми роботами этого вида, подделками лимфоцитов, заключалась в том, что при резком механическом возбуждении лимфоузла их концентрация неоправданно возрастала, приводя к непродолжительной коме, крайне напоминающей смерть.

Дрей это знал. Потому что был любопытным. Сама по себе подобная информация приносила мало практической пользы. Убить человека было значительно проще, чем правильно ударить по лимфоузлу нано. Но вот гляди-ка, и эти сведениягодились.

Теперь он ждал, устраивая красочное шоу. Ждал, когда его удар в самом начале поединка принесет видимые результаты и можно будет эффектно завершить бой.

Это было балансирование на тонкой грани. Могло оказаться, что ни «Тополиного пуха», ни его аналогов у нано нет. Могло оказаться, что удар Дрея будет не псевдо, а по-настоящему смертельным.

Выбор у него был небольшой. Просто убить противника было бы неразумно. Просто умереть на этом ринге самому? Не лучше.

Нано решил перевести бой в партер. Может, уже почувствовал слабость, возможно – просто предпочитал борьбу. Зато Дрей обниматься с противниками любил не очень, поэтому его удары стали резче и короче. Пусть слабее – зато меньше шансов, что противник успеет сделать захват.

К сожалению доставщика, в ограниченном пространстве крайне сложно удержать дистанцию. Крайне сложно избежать захвата. А как только захват сделан, дорога одна – к удушаю-

щим и болевым приемам. Дрей был уверен – что и те, и другие не сильно-то подействуют на переполненного ботами нано. Оставалось сразу ломать кости и суставы.

И захват был сделан. Нано, вместо того чтобы поставить очередной блок, принял удар корпусом и захватил руку Дрея. После чего тут же повалился на пол, увлекая за собой экзо.

Кисть оказалась заломлена, рука держалась на изломе суставов, шея – в удушающем захвате ногой. Крайне неудобная позиция для продолжения боя. Но опять же, излишне банальная, чтобы не суметь из нее выбраться.

Удар свободной рукой, удар почти из невозможного положения мыском босой стопы. Захват значительно ослаб, и Дрей тут же ужом освободился от удушающей шеи ноги, а затем, извернувшись неестественным, как могло показаться зрителям, образом высвободил и руку.

Еще мгновение – и он уже душил нано сгибом локтевого сустава. Занятие абсолютно бесполезное. Продавить накачанные мышцы нано таким захватом было нереально, а задушить – заняло бы несколько минут минимум, до того момента, когда нано начнет слабеть. Нереально, столько Дрею его было не удержать.

Да не больно-то и хотелось. Зато тянуть время на таких приемах было одно удовольствие. Что сейчас Дрею и требовалось.

В реальном времени бой длился не более десяти минут. Публика была счастлива. Публика орала, визжала, швыряла в решетку бутылками. Наиболее активные ее представители пытались пробраться на арену, чтобы помочь одному из гладиаторов.

В какой-то момент Дрей наконец почувствовал, что его оппонент существенно слабеет, сам того не понимая. Особенность сбоя наноботов культур «Тополиного пуха» в этом и заключалась – вроде ничего не чувствуешь, а потом неожиданно оказываешься в коме.

Надо было действовать, пока слабость противника не стала очевидна окружающим. Пришла пора эффектной концовки. Дрей высвободился из очередного захвата и вскочил на ноги.

Это было три удара, из которых значимым был первый. Первый удар отправил противника в нокаут. Второй и третий были сделаны для виду, но зрителям должно было показаться, что именно они – смертельные.

Дыхание нано должно было почти остановиться. Пульс – замедлиться до предела. Конечно, это скоро обнаружат. Но не слишком быстро, чтобы попытаться привести лежащего в сознание и заставить Дрея его добить. Все соблюли лицо. Все довольны, и никто не умер.

А если кто и останется недовольным или что-то заподозрит, то Дрею было на это начинать. Мэр, возможно, был умным политиком, но убивать людей, чтобы позабавить зрителей и укрепить чью-то власть в мурашнике, доставщик не собирался.

Краем глаза он заметил, как на арену бросился советник мэра. Надо было дать ему возможность изобразить безутешного отца без необходимости проявлять актерский талант. Но экзо опасался, как бы советник не начал исполнять свои угрозы прямо сейчас.

Доставщик покачнулся, как будто теряя сознания, и неожиданно сделал пару неуверенных шагов в сторону, практически упав на ворвавшегося через открывающуюся дверь советника. На какие-то мгновения ухо политика оказалось прямо напротив губ Дрея.

И Дрей произнес, спокойно и негромко, без эмоций и без сбившегося дыхания, как будто не он только что провел на ринге трудный бой:

– Ваш сын жив, советник. В коме. Советую вам пока об этом помалкивать. А если захотите побыстрее поставить его на ноги, то обратитесь попозже ко мне. Ко мне живому. Боюсь, вам придется теперь меня очень беречь.

Почему бы немного и не поблэфовать?

Первый бой Дрей выиграл. По все статьям.

Хаммер должен был быть доволен.

Глава третья. Улицы

Меня поддерживает уверенность в том, что жизнь имеет значение. Как и смерть.

Фраза-апокриф, приписываемая Дину Куницу

«Логик подворотни». Просчет комбинаций в оперативном бое (рукопашная, рукопашная с холодным оружием, смешанная рукопашная с использованием огнестрельного оружия). В ряде случаев рекомендуется для ведения перестрелок на относительно близких дистанциях.

Использование наиболее эффективных комбинаций ударов, бросков, выстрелов и уклонений. В зависимости от подготовки носителя, его физических и – особенно – умственных способностей, а также наличия других геммов и мутаций (см. таблицу базовых комбинаций), носитель может осуществлять инстинктивный просчет комбинаций до десяти движений вперед. В ряде случаев до двадцати – двадцати пяти (не подтверждено).

Просчет боевых комбинаций учитывает действия союзников. В зависимости от психотипа носителя это позволяет, в ряде случаев, эффективнее использовать действия всей группы.

Теоретически возможно управляемое срабатывание. Для полного управления необходимо, чтобы носитель имел нервный ускоритель (наследственно) не менее чем на две целых четыре десятых.

Состояние после применения: тошнота, потеря сознания (75 % вероятности) на длительное, до нескольких часов, время. Летальный исход в пяти процентах случаев. На уменьшение вероятности летального исхода существенно влияет наличие наследственной мутации «Веретено» (см. соответствующий раздел). В 10 % случаев – временная глухота, в 15 % случаев – слепота, также временная.

Использование сыворотки «Феникс» в базовой вариации позволяет существенно снизить негативные эффекты использования «Логика подворотни». Внимание: необходима инъекция «Феникса» в течение пяти минут после потери сознания.

Все вышеизложенное означает, что наличие в группе бойца с описываемым геммом позволяет существенно повысить шансы группы на выживание. С другой стороны, мы не рекомендуем использование этого гемма бойцами-одиночками ввиду практической невозможности защитить себя после завершения его действия.

Библия Экзо. Приложение 2 «Наши знания о геммах». Указанный источник: предположительно Лаборатория изучения современных биологических угроз и контроля мутаций, Саратов, 2011 д.з.

Мэр произнес торжественную речь по поводу победы чужака. Торжественную, но не слишком вдохновляющую. И не слишком длинную. Мэр уже считал навозника трупом.

Даже его власть была ограничена. Хотя, скорее, он и не стал бы разменивать свои политические козыри ради человека со стороны, от которого не мог получить никаких дивидендов.

Каждый был сам за себя. Советник пока что проявил максимум заботы о ближнем. Он хотя бы побеспокоился за свои родные гены, за выживание наследственных культур наноботов или за что там должны беспокоиться нано.

Каждому было наплевать, выживет ли чужак, или сдохнет, как только исчезнет из поля зрения. Но ни на что другое Дрей и не рассчитывал. Ничего другого этот мир ему никогда и не предлагал. Или почти никогда.

Так повторялось каждую доставку. Расчет только на себя. Ни от кого не ждать помощи, ждать только неприятностей. Присказка о том, кто является самым опасным зверем в природе, приобрела ультимативное выражение. Опасней человека не было никого. Даже голого и безоружного человека, что уж говорить о мурашах, обвешанных средствами уничтожения себе подобных. Или о мэре с его слегка съехавшими набекрень мозгами и неумной жаждой власти.

Празднование его победы было недолгим. Может, для некоторых, особенно из команды Хаммера, оно и продолжится еще всю ночь, однако Дрея через десять минут вели обратно в его конуру.

За свое ближайшее светлое будущее Дрей был спокоен. Как только мэр поймет, что чужак ловко обманул всех, но при этом оставил в живых сыночка советника, дал возможность всем достойно выйти из ситуации, то все успокоится. На некоторое время уж точно.

Его вывели на улицу из той пародии на Колизей, в которой он только что сражался за свою жизнь. За жизнь, но не за свободу. Он снова был в жестких наручниках, хотя на этот раз стреноживать его не стали. Зачем? Он же должен был чувствовать себя победителем, перед которым открываются широкие горизонты. Перед которым скоро должны распахнуться все двери этого мурашника.

Это было парадоксально. Теперь он стал лучшим другом охранников. По крайней мере двоих из них. Двое остальных, похоже, ставили на сынка советника. Поэтому заводить дружбу с заключенным как-то не торопились и молча шагали позади. Зато заработавшие на бое нано шли с ним чуть ли не в обнимку.

Дрей не раз задумывался о корнях, о первопричинах вражды между экзо и нано. Кто-то на высоких постах, когда они еще существовали, специально стравил две «расы» между собой? Или это сработала извечное стремление людей сбиваться в стаи? Когда не с кем становилось сражаться, стая дробилась и находила «внутреннего врага». Не случайно же все более или менее сильные властители прошлого искали врага внешнего? Зачастую оказывалось, что им удавалось удержаться на грани мира и войны, одновременно избежав междоусобиц.

Домыслы, досужие рассуждения, которых Дрей, по большому счету, не любил. Конкретные дела, конкретные задания. И кровь людей на руках выглядит все равно как кровь, какие бы мотивы ни стояли за причинами ее появления.

Тем не менее вражда экзо и нано не угасала. Только затухала, чтобы в любой момент вспыхнуть с новой силой. Откуда бы ни брались ее истоки. Пока все, к чему два подвида сумели прийти – это расселиться по разным местам, пятнами раскиданным по карте. Расселиться, изжить друг друга. Победить в одном месте, быть подвергнутыми геноциду в другом. Приспособиться к местной радиации, вирусам и составу воды в одном ареале обитания. И оказаться сметенными непрерывно мутирующими вирусами в другом.

И откуда бы эта вражда ни взялась, ей успешно пользовались все местные царьки, которых Дрей успел увидеть. Вот и сейчас его, экзо, вели под конвоем не кто-нибудь, а четверо нано. И как бы то ни было, но даже в эйфории полученного выигрыша ни о какой услуге у них просить не стоило.

Сейчас места хватало. Множество территорий вообще не были заполнены. Дрей знал очень много мест, о которых ходили только смутные слухи и легенды, вплоть до бакк про оборотней, зомби и вампиров.

Сознание альтруистов слегка параноидально. Даже если альтруисты они тайные и тщательно маскируются. Решающим для Дрея стало то, что двое нано, шедшие по бокам и весело обсуждавшие, на что потратят немеряный выигрыш, его, этот выигрыш, уже получили. Успели обернуться до того, как их подрядили отвести навозника обратно в его клетушку.

Они и легли первыми. Руки его были скованы за спиной, поэтому бил он ногами. Того, что шел слева, он положил ударом в бедро, настолько сильным, что не ожидавший нападения нано на некоторое время отключился от болевого шока.

Второй нано, охранявший его справа, получил в лоб пяткой той же ноги, вернувшейся на обратном движении от бедра первого. Чуть бы ниже, и его переносица просто вошла бы в мозг, но убивать не хотелось.

Двое сзади. Доставщику повезло – они подошли слишком близко, значительно ближе, чем им следовало бы. И не держали оружие под рукой. Эти двое могли очень сильно не любить залетного навозника, но и они не представляли, что он попытается сбежать после только что выигранного боя. И совершить эту попытку в самом центре обжитой части мурашника.

Дрей прыгнул, вверх и вперед. Прямо в прыжке достал ногой следующего и успел просто повалиться на последнего.

Четверо нано лежали на земле. Тот, что был под ним, еще шевелился, но его короткоствольный АКС74-У был до этого у него за спиной. А теперь, соответственно, под ней.

Дрей успел взглянуть в расширившиеся зрачки нано. И ударил лбом, на этот раз по переносице.

Теперь все четверо не шевелились. Еще мгновения ушли на то, чтобы найти ключи от наручников, убедиться, что все четверо полежат еще какое-то время, собрать оружие. Вернее, подобрать оружие по вкусу.

Экзо огляделся. Время оказалось выбранным очень удачно. Мало того, что никто из мурашей и подумать не мог, что узник решится на побег именно сейчас, так еще большинство из них все еще было около арены – делились впечатлениями, получали заработанные призы, с руганью прощались с проигранным.

Улицы вымерли. Не то чтобы и раньше на них народ прогуливался толпами, но сейчас не было вообще ни души.

Дрей взглянул на четыре неподвижных тела и быстро оценил варианты. Решил, что прятать и связывать своих незадачливых охранников не будет. Возни много, а выигрыша по времени, скорее всего, не очень.

И отправился на восток.

Ему не хотелось терять рюкзак. Его содержимое слегка превосходило размер возможной премии за текущую доставку. Дрей был не уверен, что сумеет вообще осуществить эту доставку без рюкзака. Плюс, он справедливо полагал, что здесь, в мурашнике, не зарекомендовал себя полным идиотом. Подумать, что он двинется в обратную сторону, туда, где его совсем недавно поймали, местные власти, конечно, могли. Но только в том случае, если считали бы его невменяемым.

Так что теперь он снова бежал. Обжитые кварталы закончились очень быстро. Если их можно было назвать обжитыми.

Достаточно быстро он снова попал на улицы, заваленные мусором, забитые ржавыми остовами автомобилей и, иногда, кусками бетона. Здания были не вечные. Они уже начинали разрушаться. Весь мурашник рано или поздно должен был превратиться в один большой курган, и вряд ли этот процесс смогут остановить мураши, даже с самым хитроумным мэром, какого сумеют найти.

Это было похоже на росток, пробивающийся из пыльной и бесплодной земли. Развалины города, мурашника – и в нем выживало новое поколение людей. Почти чудо. Города не останутся, но останутся нано, останутся экзо. Останутся их потомки, приспособленные к жизни в любых условиях, при любой радиации. Способные терпеть жару, спать в снегу, не дышать под водой по полчаса. Что еще? Доставщик не знал.

Так и не обнаружив признаков погони за спиной, Дрей позволил себе слегка сбавить темп. Он неплохо представлял себе дорогу, но все равно – до нужного ему места несколько часов легкого бега. А если соблюдать хоть какую-то осторожность, то даже больше.

Вполне могло оказаться, что группы наружного охранения дежурят на подходах к мурашнику непрерывно. Дрею не нравилась идея вновь предстать перед очами мэра. Поэтому осторожность не повредит.

Рюкзак валялся точно там, куда он его закинул. Это было хорошо.

Дрей не остановился. Не присел передохнуть, отметить прохождение промежуточного рубежа.

Дрей не останавливался. То, что ему удалось сохранить походные вещи, было большой удачей, и он улыбался, но не останавливался.

Именно так, с широкой ухмылкой, выглядевшей очень глупо с учетом его полного одиночества на текущий момент, он развернулся и вновь побежал. Теперь уже в противоположную сторону.

Хотя, если задуматься, то почему человек, улыбающийся в полном одиночестве, должен выглядеть глупо? Это неправильно, он не может выглядеть глупо хотя бы потому, что некому назвать его глупым. Улыбаться, когда ты один – самое удовольствие, которое никто не может испортить. И Дрей этим всю пользовался.

Он вновь бежал, не переставая улыбаться. Повышенная радиация за западными границами города. По словам мэра, людоеды примерно в том районе, где ему необходимо было найти товар. Толпа в центре города, в эти самые мгновения наверняка разворачивающаяся на его поиски. И не для того, чтобы поблагодарить за красивое выступление в Колизее. Ему предстоял непрерывный бег по закоулкам мурашника, и он до сих пор не придумал никакого способа, чтобы скрыться от сканеров.

Но он улыбался, так как его вещи были с ним, он был свободен, он был здоров. И он был при деле, что всегда вводило его в состояние небольшой эйфории.

Сканеры. Нет, сканеры не были основной проблемой. Конечно, уйти, если его засекут сканером, будет крайне трудно. Но сперва они должны еще выйти на него, засечь. Больше его волновали сплошные патрули, которые мог выслать мэр во всех направлениях.

Конечно, под самое пристальное внимание боевиков мэра должно было попасть западное направление. Но или сам мэр, или кто-нибудь из его советников мог оказаться достаточно умен (или осторожен?), чтобы разослать небольшие отряды во все стороны.

Дрей прямо на бегу протянул руку назад и на ощупь нашарил сверток со шприцами. Пришла пора «Барабанной дроби».

Не любил он это дело. Ох, не любил. Дрей прямо на бегу вонзил иглу одного шприца, который он безошибочно выбрал среди остальных, в вену на руке. Все эти временки, расплачиваться за использование которых потом приходилось головными болями, лежанием неделями пластом. И хорошо, если в теплой кровати, – а если под деревом в лесу? Еще можно было просто сдохнуть. Мгновенно – в лучшем случае, помучиться – в вариантах чуть похуже. Или остаться инвалидом, при этом гипотетически бессмертным.

Эта «дробь» была взята, конечно, из очень надежного источника. Как и содержимое остальных шприцев. Более того, «источник» утверждал, что барабаны будут бить не меньше недели. Но риск всегда оставался – в конце концов, ни один продавец не мог попробовать сам свой товар. Не весь уж точно. А все остальное было только словами.

Были продавцы, которые при клиенте тестировали товар на добровольцах (или не совсем добровольцах), но Дрей с такими дел предпочитал не иметь.

Но перестройка уже началась. Жаловаться и бояться было поздно. Откуда-то всплыл детский стишок:

Барабашка барабан
Был ужасный хулиган.
Даже мир и тишину
Поднимал он на войну¹.

И под этот стишок на лицо Дрея вернулась улыбка. Появилось желание произнести что-нибудь типа «Вы хотели войны?! Будет вам война!»

Впрочем, гемм был достаточно безобиден. Так, обострение трех чувств. Всего ничего. Если только не знать, что все модификаторы, так или иначе влияющие на сенсорику, всегда были самыми сложными в изготовлении. И самыми дорогими. А «Барабанная дробь» не просто влияла. Она влияла избирательно, причем на зрение, обоняние и слух одновременно.

То есть сам по себе слух вроде как и не обострялся. Но вот если в паре кварталов отсюда раздастся лязг металла (передергивание затвора), топот (противник бежит), учащенное дыхание (противник устал, возбужден), то «Барабанная дробь» должна позволить все это услышать. В теории. На практике сейчас и придется все это попробовать. Главное, чтобы этот барабашка случайно не заставил его загнуться прямо здесь.

В нынешнем послезакатном мире надежных поставщиков не было.

Дрей чуть сбавил шаг и огляделся. Одна из его проблем состояла в том, что из точки, в которой он находился, в то место, куда ему необходимо было попасть, вело не так много путей. Вариант полного отступления и попытку войти в город с запада он даже не рассматривал. Просто замена известных проблем на неизвестные.

Чуть подумав, он по памяти восстановил карты мурашника, которые видел, и в итоге выбрал один из возможных путей. Не самый короткий, не самый безопасный. Так, ни то ни се. Почему бы и нет?

Уходить севернее, пару десятков кварталов. Длинная дуга вдоль внутреннего кольца в мурашнике, потом дальше, прочь от центра, от мэра, от смеси экзо и нано. Это совместное проживание двух разошедшихся в развитии видов его и пугало, и завораживало одновременно.

Дрей бежал почти час перед тем, как позволил себе замедлиться. Тут был один неприятный участок, если он правильно помнил карту. Тот же вариант, что и на востоке, когда он попал в западню. Слишком удобное место для засады, и слишком длинный путь придется проделать, если двигаться в обход.

Он прислушивался, принюхивался, всматривался, но пока не чувствовал ничего.

Лишь пыль. Трава. Асфальт. Весь мурашник состоял только из этого. Пыль, бетон и асфальт. У него начинался какой-то приступ, скорее всего вызванный «Дробью». А если даже не вызванный, то наверняка усиленный. Он начинал ненавидеть этот город. Вроде был жив-здоров. Вроде свободен. Благодать?!

Но нет. Ему все острее хотелось в лес. На волю... Вырваться из геометрически слишком правильных, но при этом остающихся неестественными конструкций. Вырваться туда, где стихийный рост создавал такую гармонию, какая и не снилась плановой застройке.

Только фобии Дрею сейчас и не хватало. Свежезаработанной. Утешало лишь то, что он и так не собирался задерживаться в мурашнике дольше необходимого. Но с приступом надо было что-то делать.

«Только бы не загнуться», – еще раз подумал Дрей и остановился, переводя дыхание. Надо было успокоиться. Возможно, полежать чуть-чуть, совсем немного, где-нибудь в тенечке.

Дрей начал вспоминать сквозь затуманенное сознание, что именно говорил ему продавец:

¹ Александр Карпенко.

«Среднее время активации – обычно от получаса до нескольких часов до срабатывания. После этого – активная фаза. Начинается с неприятных ощущений, сказать точнее не могу, проявляться может по-разному. Знай одно: если тебе хреново, значит – начало действовать. Потом день-другой активная фаза. Потом – пассив, активизация только при выбросе в кровь достаточного количества гормонов, прежде всего адреналина. Но, конечно, чувствительности как в первый раз уже не будет».

«Значит, барабанчики начали стучать», – подумал Дрей. И все-таки прилег. Пусть не в тенечке и прямо на мусор, валявшийся на асфальте, но сил стоять больше не было. Хорошо хоть, асфальт был теплый.

Немного получше ему стало только через полчаса. Дрей зашевелился и тут же почувствовал дискомфорт, причем никак не связанный с его состоянием.

Он был не один. Он буквально ощущал дыхание еще двух человек. Разве что не чуял их запах. Ориентироваться с его благоприобретенными способностями пока что удавалось с трудом, но после нескольких небольших экспериментов, поворачивания головы так, чтобы звуки раздавались то в одном, то в другом ухе, он осознал, что немедленной опасности ему не угрожает.

Два человека. Примерно в двух кварталах отсюда. Затаились, ждут, и явно ждут давно – дыхание ровное и спокойное. Его не обнаружили – опять же слишком уж нейтральное дыхание, значит, сканера нет.

Какой-нибудь пост, выставленный на всякий случай? Возможно, даже и не по его душу, а так – внешнее охранение?

Как бы то ни было, эти двое расположились стратегически правильно. Ни обойти, ни объехать. Либо переть напролом через них, либо возвращаться и терять еще полдня на обход.

Дрей двинулся напролом. Что, впрочем, не помешало схитрить. В конце концов, постовые о нем не знали. А он о них знал прекрасно, знал точно, где они расположены и что они не готовы к встрече.

Осталось только подойти и взять их тепленькими, если удастся. Хватит бегать. «Даже мир и тишину поднимал он на войну». Или это незафиксированные дополнительные свойства гемма? Боевитость и решительность? Не самые лучшие качества для выживания.

Но вариантов все равно было немного. Пост засел на открытой веранде двухэтажного здания. До веранды можно было добраться, не так уж и высоко – но все же добраться не мгновенно. Плюс отличный обзор на три стороны – они должны были увидеть Дрея раньше, чем он успеет добежать. Почти сто метров открытой местности, как назло.

Чувствовалось, что Хаммер это место выбрал не случайно. Что это было место одного из стационарных постов, которые выставляли мураши.

Да, это был Хаммер. И с ним еще какой-то молодой пацан, не старше того нанобойца с арены.

Двое. Сто метров и взобраться на второй этаж. Попробовать можно.

Вместо этого полностью спланированного рывка Дрей просто вышел на открытое пространство и неторопливо пошел в сторону толстяка. Как-то не верил он, что Хаммера могли послать просто посидеть на посту. Тем более, без отряда. Не было смысла.

А значит, Хаммер начал свою игру. Так почему же и не поиграть вместе с ним? Все-таки Дрей был бойцом, настоящим бойцом, и пару-другую козырей он мог вынуть из рукава всегда, если уж дело дойдет до стрельбы.

Его заметили не сразу. Он успел пройти метров двадцать. Пройти тихо и никуда не спеша. Заметил его молодой, начал было вскакивать, поднимать оружие. Но Хаммер положил руку ему на плечо, лениво поднял вторую и также лениво помахал Дрею.

«Какие мы все сегодня расслабленные, – с ухмылкой подумал Дрей. Потом еще раз взглянул на горе-постовых. – А ведь это его сын». Что-то такое было в том, как Хаммер держал руку на плече паренька. Либо сын, либо любовник. Из того, что он успел узнать о Хаммере – не любовник.

Раз все вокруг расслаблялись, то Дрей решил не нарушать гармонии. И достаточно лениво, не торопясь, продолжил шагать в сторону сидящей парочки.

Барабаны продолжали стучать. И если разбуженные инстинкты древних племен не обманывали, то эти двое экзо были единственными в округе. Если и засада, то весьма глупая.

Дрей улыбнулся вновь. От Хаммера, конечно, ответной улыбки он не дождался. Однако разулыбался паренек. Видел наверняка бой. Наверняка мнит Дрея своим кумиром и идеалом для подражания как для себя, так и для любого юного экзо. Нелегкая...

– Чего здесь? – подходя, спросил Дрей. Вопрос банальный, но надо было с чего-то начинать разговор.

– Так я, в отличие от многих, еще и умный, – в тон ответил Хаммер. – Не такой шустрый, как ты, конечно, но и не дурак, всяко разное. Как ты свинтил, бучу подняли только через час. Всем было понятно, что если ты решишь срулить, то в городе тебя уже нет.

– И все расслабились и не стали начинать поиски? – с легкой надеждой в голосе продолжил Дрей.

– Как же, разбежался. Просто мэр решил, что если ты сбежал, то сбежал. А если решил все-таки снять куш и дойти до товара, то пойдешь за ним напрямки, на запад. И послал всех туда. Правильно, в принципе, решил. Там тебя либо наши, либо... не наши. Кто-нибудь да достанет.

– Ну а ты чего ж?

– А я почти такой же умный, как и мэр. Только раз тебя здесь встретил, то получается, что еще умнее. Вспомнил я, что вроде как рюкзак при тебе был, когда ты от нас бежал. Недоумки Лоскута трепались. Мы-то и не знали, так что не искали. А они как узнали, что мы тебя взяли, то подумали, что взяли мы тебя с рюкзаком. Только не брали мы тебя с ним, понимаешь. А зная жадность навозников, решил я, что не бросишь ты рюкзачок...

– Ну и?..

– А дальше просто. Дальше я решил так же, как и мэр, что с доставки ты не срулишь. То есть маршрут твой был ясен. Если еще знать город, а я его знаю, то была пара мест, где ты наверняка бы прошел. Это – одно из них. Вот и сидели, тебя ждали... Сын мой, кстати.

Хаммер вновь положил руку на плечо паренька. Сын сыном, но похожи они были слабо. Обычно, хоть и не всегда, наследственные черты у экзо проявлялись отчетливо, поэтому Дрей несколько раз перевел взгляд с одного на другого, пытаясь выявить хотя бы некоторые из них.

Хаммер верно определил сомнения Дрея.

– Ты это, задолбал! Сказал сын, значит сын, – рассерженно произнес он. – Не порти пацана своими приколами. Я тоже так глядел, но гениальное сравнение не обойдешь. Просто телом в деда пошел. Мой батяна такой же был, худой да высокий. И тоже волосы вились.

– Да ладно, мне-то что, – пожал плечами Дрей. – Сын так сын. И вообще – на арену выходить можно, а тут чуть чего – так сразу не порти. Странные вы... Ну, так и чего дальше-то? Чего ты с мэром своими блестящими идеями не поделился?

– Да надоел он мне слегка, мэр... – неожиданно начав растягивать слова, ответил Хаммер. – Понимаешь, я-то еще куда ни шло. В жизни устоялся, команда какая-никакая подо мной. Но чего-то не хочется мне, чтобы сынок в этом болоте крутился. Как я. Ты знаешь, сколько бойцов каждый год кладут? Каждого пятого. Либо снаружи города, либо с запада, либо свои же помогают.

– И?..

– Не хочу. Сам через все это всю жизнь тащился. Для сына не хочу. Хочу, чтобы с тобой он ушел. Подучишь его, как да чего в вольных лесах?

Дрею пришлось думать, как и что отвечать. Отказывать сразу вроде было нельзя, но и ввязываться в эту авантюру как-то не входило в его планы.

– Понимаешь, Кувалда... В лесах-то тоже... до старости редко доживают. Банд не меньше, мутантов больше. Заразы – тоже. Жизнь не мед.

– Я догадываюсь, – кивнул Хаммер. – Да только как-то в городе совсем кисло стало. Молодежь-то не видит, да только народу с каждым годом все меньше. И даже не мэр виноват, он еще ничего, хоть и с заскоками. Просто жизнь такая. То одно, то другое.

Хаммер поднял руку, прерывая очередные возражения Дрея:

– Да послушай ты! Я же все понимаю. Вообще все спонтанно получилось. Пришлось на лету думать. Просто шанса у Лешки может больше и не быть. Одному тоже в лес не уйти. Да и к навозникам пристать еще постараться надо. С окрестных поселков вообще по городским стреляют без предупреждения, и не без причин. А дальше он вообще ничего не знает.

– Дальше тоже... стреляют и имени не спрашивают, не волнуйся. Везде так, говорю же.

Хаммер покачал головой:

– Возьми, а? Ты же понимаешь! Я тебе помог. Бой помог выиграть. Сейчас не сдал. Помогу до запада добраться. Выведи парня. Я уж смирился и в городе сдохну. Но детей-то у меня больше нет и не будет. Тут тоже гейгерит. А это кровь моя. Мои гены. Хочу след оставить. Хоть такой.

– Я всегда один.

– Так и броди один. Ты его только выведи. Да помоги где осесть для начала. А потом – ходи один, как ходил. Ты пойми, один ты на запад без нас все равно не пройдешь.

Дрей молчал.

– Короче?! Берешь, нет? Есть две дозы «экзо», мутация пять дельта, чистые и пожизненные. Одну сыну, одну себе берег. Тебе отдам.

– А чего ж ты ее берег? Сразу бы и промутировал?

– Я запасливый. На черный день держал, мало ли что да как. Как видишь – не напрасно.

– Пять дельта – это мощно. Оставь себе, Хаммер. Парня я возьму, только не обессудь, от пуль я его прикрывать не буду. Сам справится – выйдет. Нет, так и меня не вини. Сам видишь, полмурашника... полгорода за мной бегают. Теперь и за ним будут. И вряд ли они теперь будут до арены меня тащить.

– Это точно, – кивнул Хаммер. – Мэр просил сразу голову. Много чего обещал. Так что сейчас все на твоём следе. Даже те, кто с твоего боя немалый куш снял. Даже те, кому до тебя никогда не допрыгнуть. Все.

– Мэр, да... – ехидно произнес Дрей, – мэр у вас любит призы раздавать... и обещания.

– Срулил ты знатно, – сказал Хаммер, поднимаясь. Он решил, что поскольку договоренность достигнута, то пора было двигаться. – Никто не ожидал. Даже я, дурак старый, был уверен, что ты второй бой попытаешься выиграть, дождешься, когда тебя на вольные хлеба переведут, а потом и свинтишь.

– А что, такие финты кому удавались?

– Не знаю. У нас и первый-то бой редко кто выигрывал, а уж второй. Спецы, тем более бойцы, нечасто в город заходят. Умные «архи» по окраинам крутятся, но там их не зацепишь. Так что не знаю. Конечно, профи хорошо живут и свободно. Поэтому никто из них бежать нигде и не думает. Может быть, выиграй ты бой, так вообще бы по-тихому ушел.

– Не верю. Но неважно. У меня заказ. И сроки скоро поджимать будут. Некогда мне было вашей толпы девственников дожидаться.

– Ну и я говорю – хорошо ты свинтил, неожиданно.

Паренек темп держал. Худошавый, что было редкостью. Чаше приходилось встречать ходячих бронтозавров. Дурное дело нехитрое. По нынешним временам качнуть мышцы было не такой уж и трудностью. Так что Лешка либо еще в возраст не вошел, либо во вкус. Но темп держал второй час. И это Дрея более чем устраивало.

– Дрей – это что за имя? – пыхтя сзади, на бегу спросил Хаммер. То, что он также держал темп и не отставал, удивляло и радовало доставщика даже больше, чем в случае с сыном.

– Так, больше кликуха. Андреем меня зовут. Иногда. Когда время есть. Долго еще?

– Нет, не долго. Только скоро придется тормозить и слушать. Заслоны если где и есть, то впереди. Банальные я обойти помогу. Да только не везде обойдешь, где-то придется ползком, где-то наудачу.

– А сканеры? – уточнил Андрей.

– Вот-вот, еще и сканеры. Их пять во всем городе. Один поломан. Один, когда мы уходили, где-то у южного патруля на руках был. Но еще три по твою душу эфир прочесывают.

– Так и чего? Как пройдем?

Хаммер пожал плечами:

– Кто знает. По ситуации...

– Хороши проводники, – фыркнул Дрей. – Так и я мог идти. По ситуации...

– Только ты бы даже досюда не добежал, – спокойно ответил Хаммер, переходя на шаг. – Это же город. Тут тоже ходить надо уметь. Не на ту улицу зашел, потом, шаг за шагом, и ты уже на развилке с усиленным постом. Все просто. Много так навозников переловили.

– Все с вами ясно. – Вздыхнул доставщик. – Куда дальше?

– Подвальчик тут один есть, зайдем. – Хаммер указал направление.

Подвальчик действительно был.

Как только они спустились, уверенность Хаммера начала быстро испаряться.

– В общем, так. Расклад простой, – описал он ситуацию. – Если пойдем поверху, то придется прорываться сквозь две-три бригады. И много бегать. И хорошие шансы, что нас достаточно задержат, чтобы остальные подтянулись. Но если идем здесь...

– Что? Постараюсь угадать – здесь совершенно безопасно.

– Не знаю, – честно ответил Хаммер. – Мальцом еще по этим местам бегал. Тогда нам здесь пошататься гроша выеденного не стоило...

– Яйца ломаного, – автоматически поправил его Дрей.

– Ну да, – невозмутимо кивнул Хаммер. Взгляд Алексея явственно выразил его сомнения в ясности рассудка обоих собеседников.

– Мы тогда здесь как раки зимовали. – Взгляда сына Хаммер явно не заметил. – Только вот потом... Раз пацаны не вернулись. Другой – лишь ошметки нашли. Дети лазать по тоннелям перестали. Бойцы пару раз забирались на разведку, но то никого, то только вой вдалеке. В общем, никто теперь под землю без крайней нужды не суется.

– Ну, а у нас, как я тебя понял, как раз нужда крайняя, – подытожил Дрей. – Кто там? Мутанты? Нанозомби? Кого встретим?

– Знать бы прикуп, катались бы как сыр за пазухой. Есть надежда, что никого. Поэтому и предлагаю рискнуть. Наверху точно по трупам придется идти. И хорошо, если по чужим.

– Ладно, тогда пошли потихоньку.

Хаммер начал открывать круглую крышку люка, поддев ее найденной поблизости железкой.

Поначалу быстро адаптирующееся зрение экзо позволяло им хоть что-то видеть в сумраке. Но тоннель уходил вглубь, порой это углубление в недра сопровождалось десятком ступенек, но чаще это просто был наклон пола. Ниже и ниже.

Через несколько минут они достаточно далеко отошли от вскрытого люка, из которого падал хоть какой-нибудь свет, и вокруг них сомкнулась полная темнота.

Дрей зажег фонарь. Хаммер покачал головой и вытащил из набедренной сумки зеленые химические лампы, взамен слишком ярко горящему электрическому фонарю доставщика.

Они шли тихо. «Барабанная дробь» продолжала стучать у Дрея в ушах. Но никаких признаков живого он не чувствовал. Это успокаивало.

– Долго нам еще? – прошептал Дрей.

– Еще пока и не начали. – тихо ответил Хаммер. – Нам по этой норе надо забраться поглубже. Потом выберемся наверх, там лючок один я помню. Осмотримся. Если кто наверху будет, то придется опять вниз уходить. Вот тогда уже надолго.

– Семья Сусаниных. – пробормотал Дрей.

– Вариантов у тебя немного. Один был – сразу из города рвануть, но это я тебе и предлагать не стал. Если бы ты об этом думал, то мы бы тебя и не встретили больше. Раз идешь – значит идешь.

Дрей кивнул. Говорить не стал. Нанозомби – вещь неприятная, даже если здесь их и не было.

Термин появился после Заката. Не сразу, прошло лет десять. Что почти наверняка говорило о том, что зомби не были еще одним оружием «последнего удара», которого наплодили перед Закатом немало. Это, с одной стороны, радовало – не за все беды вокруг отвечали мозги людей. С другой стороны, это показывало, что людям теперь недостаточно было раз и навсегда справиться с теми бедами, которые оставила за собой ушедшая цивилизация.

Это означало, что воевать за выживание придется дольше, погибнет больше. И врагов будет не счесть. Сегодня они одни, а завтра могут быть совершенно новые.

К счастью, таких вывихов, как нанозомби, возникало не так уж и много. Никто не знал истоков этой заразы. Рождались такие твари или только зомбировались. Очевидцев, присутствовавших при рождении первого зомби, не существовало. А если они когда и были, то давно шагали с другими не до конца мертвыми.

Вот только теперь, то здесь, то там, можно было нарваться на колонии зомби. Вышедшие из-под контроля боты разрушали деятельность головного мозга. Что в базовой нано-эволюции подразумевало смерть носителя, и на этом дело бы и закончилось.

Возможно, так окончили жизнь немало нано. Но зомбиботы не убивали «контейнер», только разрушали высшую нервную деятельность. Нано оставался жив, относительно здоров, глуп, как деревенский дурачок, но при этом имел одно занятие – заражение. Зомби-боты могли размножаться, как вирусная инфекция. Заражение крови – обычно укусы. Мгновенная передача ботов от носителя к жертве. Час до судорог. Три часа до перестройки необходимых синапсов. И готов ходячий мертвец расы нано. Заражаемость – семь из десяти нано, восьмой и девятый гибли в процессе, лейкоциты и боты нано – иммунитета десятого справлялись с заразой. Шесть из десяти экзо умирали. Один становился нанозомби. Трое чихать хотели на подобные мелочи.

Только это и спасало. Спасло в свое время. Сейчас зомби были уже редкостью. Заразу быстро взяли под контроль именно потому, что экзо, в силу естественного барьера против любых внешних примесей в организме, были иммунны. Плюс еще экзо-добавки против ботов. Любых ботов. Какие там дети между экзо и нано, это даже на шутку не тянуло, только на издевку. Хаммер в свое время не зря даже не сразу понял, о чем Дрей говорил.

Популяция нано в некоторых местах была ополовинена. Но зомби, как им и полагалось, были медлительны, неуклюжи, и как только информация о новой заразе распространилась, с ними справились. Теперь только вот в таких тоннелях, в зонах Гейгера да в глухих лесах на них еще можно было нарваться. Что не облегчало жизни путешественников. Много нанозомби или

мало осталось на свете, но встреча с колонией в темных тоннелях не сулила ничего хорошего. Не заразят, так сжуют заживо.

– Выходим, – голос Хаммера прозвучал для задумавшегося Дрея слегка неожиданно. – Осмотримся, а вдруг они прошляпили, кто знает. Надо проверить.

– Не засекут? Сканер? – Дрей смотрел на металлические скобы, идущие вверх по стене колодца.

– Могут, а что делать? Сюда они за нами сунуться все равно не рискнут. Да и вряд ли они сюда сканер притащат – не основной путь. Тут только запасные могут околачиваться.

– Хорошо, дай-ка я слазаю. Люк мне нюхать мешает.

– Нюхать? Ты себе «Крота» вколол?

– Не «Крота», лучше. Неважно.

Дрей полез вверх. Действию «Дроби» люк действительно сильно мешал. Звуки, запахи – не поймать было ничего. Он мог уверенно сказать, что на ближайшие сотни метров по тоннелям в любую сторону никого не было. Но не рискнул бы заявить, что наверху, прямо рядом с люком не стоит какой-нибудь охотник.

Забравшись под самый люк, он аккуратно и медленно сдвинул крышку. Ненамного, буквально на пару сантиметров. Только чтобы дать возможность щупальцам своего обостренного восприятия пробраться наружу и прозондировать местность.

После чего замер, ожидая результатов. Воздух подземелья начал смешиваться с воздухом улицы. А вместе с ним сверху пришли и звуки, самые разнообразные, которые даже не воспринимаешь, если слышишь их достаточно долго.

И как только эта смесь достигла рецепторов Дрея, он быстро, хоть и также аккуратно, прикрыл люк и скатился по колодцу вниз, почти не пользуясь скобами. Просто прыгнул вниз, метров на десять, лишь иногда цепляясь за скобы, чтобы чуть-чуть притормозить падение.

Приземлившись рядом с семейкой Хаммеров, предусмотрительно державшихся чуть в стороне от колодца, Дрей выдохнул:

– Несколько десятков. И все-таки со сканером.

– Видел, уверен? – удивился старший.

– Они меня засекли, как только я вскрыл люк. Изменилось сердцебиение, некоторые побежали. Двести метров максимум, сейчас будут здесь.

Хаммер кивнул:

– Уходим. Углубимся в тоннели, лезть за нами они не решатся.

Хаммер недооценивал либо смелость отрядов охотников, либо размер премии, обещанной мэром. Но не прошло и десяти минут, как стало понятно, что стряхнуть охотников будет совсем не так просто, как ему казалось. У тройки было преимущество – они хоть немного подготовились к продвижению по подземным тоннелям.

У них был свет, и одно только это помогало им обгонять преследователей.

Но тот же свет и сканер, который кто-то упорно тащил позади них, не позволяли им спрятаться, заставить охотников заблудиться в рукотворных пещерах и потерять их из вида.

– Десятка два позади, – бросил Дрей, поворачивая за очередной угол. Он даже не пытался анализировать, как Хаммер выбирал направление, исходя из чего в каких-то местах проводник бежал прямо, а где-то резко уходил в сторону и начинал петлять. – Обойти нас не могут?

– Не могут, – уверенно бросил Хаммер. – По низу мы идем кратчайшим путем. А наверху здесь проходов нет. Ни одного известного мне.

Бег с препятствиями в полутьме подземных коридоров отнимал немало сил, и фразы, которые они бросали друг другу, становились все короче.

Вправо, сто метров прямо, влево. Еще влево и сразу направо через десяток метров. Перескочить через провал, уходящий куда-то вниз, к земному ядру. Сразу вправо, прямой коридор

на несколько сотен метров. Перелезть через завал. Хорошо хоть небольшая дыра под потолком все же осталась. Иначе как бы выбирались из тупика?

Дрей бежал последним, сразу за младшим из Хаммеров.

Стрельба началась как раз тогда, когда он уже пролез сквозь узкую щель и спускался обратно. Чуть выше него пуля выбила искры из бетона на потолке. Пока еще стреляли просто на свет, но это пока.

Игры заканчивались. Преследователей было достаточно много, чтобы так или иначе, но постепенно нагонять тройку.

Дрей выдернул из рюкзака гранату. Не совсем гранату, скорее мину с таймером. Задержка до минуты, но столько ему не требовалось.

Прикинув, доставщик выставил гранату на двадцать секунд и швырнул ее себе за спину, к основанию завала.

Остановился у очередного поворота и затаился. Пять секунд.

Преследователи оказались шустрее, чем он рассчитывал. Первая тень закрыла щель секунд через десять. Теперь для Дрея это был не преследователь. Мишень.

Короткая очередь из заемного автомата остановила форварда. Не только остановила. Заодно его тело почти перекрыло проем, не позволяя остальным быстро проскочить опасное место. Не то, чтобы остальные спешили это сделать, но... Пятнадцать секунд.

Кто-то начал оттащить тело назад, расчищая проход. Двадцать секунд. Дрей укрылся за углом и дождался, когда сработает мина.

Эхо взрыва еще металось по подземелью, а он уже бежал дальше. Хаммер ждал его в полусотне метров.

– Пара минут у нас есть. Пока они через завал решаться дернуться, – сообщил он отцу с сыном.

– Твои любимчики, кстати, – бросил в ответ Хаммер, передавая Дрею наушник тактической связи. – Я вышел на их волну. Это Лоскут со своей командой. Те еще загонщики. Как вцепятся – не слезут.

– Может, здесь их встретим? Позиция удобная.

– Без шансов. Тут параллельных ходов кругом столько, что обойдут влет. Уходим дальше.

– Долго еще? – Дрей прощупывал своим обострившимся восприятием пространство вокруг. Барабаны говорили, что все преследователи по-прежнему сзади. И их по-прежнему два десятка. Никто не отстал, ни свалился в провалы, не сломал ногу... Дрей начинал думать, что лучше бы было разобраться с десятком зомби. Те хоть безмозглые...

– Пока кому-нибудь не надоест. Твой «Логик»... как?

Дрей нацепил наушник, на ходу размышляя над вопросом. Конечно, «Логик подворотни» штука полезная, особенно сейчас. Но это был еще один гемм, действие которого он научился активировать по своему собственному усмотрению. И знал, что похмелье будет тяжелым. Но доставщика волновало даже не это, а то, как «Логик» сойдется со все еще действующей «Дробью».

– Пока не надо, – наконец ответил он. – Если совсем припрет, то посчитаю. А так – как бы вам меня на себе тащить не пришлось после подобных подсчетов.

– Ну, на вкус и цвет фломастеров не напасешься, – согласился Хаммер и побежал. Алексей двинулся за отцом.

Дрей бросил на бетон еще одну гранату, поставив задержку на максимум. Огляделся и замкнул тройку.

Загонщики пыхтели сзади. Еще пара оставленных за спиной мин слегка поостудили их пыл. По крайней мере, они уже не лезли на рожон и не старались во что бы то ни стало нагнать тройку в кратчайшие сроки.

Лоскут всю команду командовал. Хаммер и Дрей выслушивали его команды и уходили от регулярных попыток обойти их с флангов и окружить.

Пока что загонщики даже не догадывались, что Дрей идет с хорошим проводником. И в пылу погони еще не успели задуматься, откуда, собственно, у него взялись гранаты. Это были плюсы.

Минусом было то, что Лоскут, похоже, знал эти места не хуже Хаммера. Приемник в ухе у Дрея не замолкал.

– Кто отстал? – Лоскут.

– Двоих задело миной. – Кто-то из бегущих позади. Сказали, что сами выползут. Остальные догоняют.

– Гладиатор в двух сотнях метров впереди и правее. Кто мне скажет, крысы, откуда он взял сопровождающих? Что-то уж больно уверенно они по подвалам чешут. Когда и с кем из города он успел спеться?

– Не знаю, шеф, – незнакомый голос, кто-то из тех, кому пора было отстать. Дыхание уже сбито. – Наши все здесь.

– Бритый, Кожа, Серый, Пушок. Сейчас по коридору вправо, бегите что есть ног. Через полкилометра он сойдется с основным. Получится – обойдете их и остановите.

– Серый с осколком в брюхе сзади валяется, – буркнули в ответ.

– Тогда втроем. Бегом, падлы, а то опять уйдет! – от спокойствия Лоскута давно не осталось и следа. Но это по-прежнему не мешало ему неплохо организовывать погоню.

Хаммер чуть притормозил, дождался, когда Дрей его догонит, и обрадовал:

– Сглупил я все же чуть-чуть. Если они шустро побегут, то мы нос к носу с ними впереди столкнемся. Трое на трою. Придется шевелиться. Иначе остальные добегут.

– Ладно, – бросил в ответ Дрей и выдернул из рюкзака запасной нож. Надо было прорываться без остановки, просто пройти этих троих, пока они не очухались. И желательно не успеть словить пулю.

Он обогнал спутников, перейдя в авангард.

Дрей успел пожалеть о своем любимом клинке с лезвием в полторы ладони длиной. Прекрасно сбалансированный, с удобной рукояткой, он сейчас был бы очень кстати. К сожалению, как и большая часть оружия, клинок был при нем в тот момент, когда пули Эльфа выбили из него дух.

Запасной нож был не то чтобы хуже. Скорее попроще. Так, Дрей держал его на всякий случай в рюкзаке. И как любая вещь, которая отправлялась с ним в поход, этот ножик получал свою порцию ухода и заботы, был аккуратно наточен, и даже в неверном свете химических фонарей можно было заметить, как блестит его тщательно смазанное лезвие. Но он был «про запас».

Поэтому Дрей успел мысленно вздохнуть на бегу, понимая, что своего любимого ножа он уже не вернет.

Он выбросил светящуюся палочку, продолжая двигаться дальше в темноте.

Из наушника неслись переговоры загонщиков:

– Почти на месте, – интересно, это Пушок или Бритый? Или, может быть, Кожа? Нервный голос. Наверное, все-таки «Пушок». Образ бойца с кликухой «Бритый» как-то не вязался с интонациями в эфире. – Нам как, их сразу валить или держать, пока вы подберетесь?

Темнота вокруг превратилась почти в идеальную.

«Идиотский вопрос. – Дрею до развилки оставалось тоже недалеко. – Точно «Пушок». Ни один нормальный «Бритый», не говоря уже о «Коже», не будет задавать таких идиотских вопросов. Молокосос».

Начинал действовать «Кассир Харона». Один из геммов, наличие которого не раз спасало Дрея от неприятностей, но, с другой стороны, была бы воля доставщика, то «Кассир» оказался

бы первым в списке на удаление. Слишком уж он был неуправляемым. И совладать с ним Дрей не мог. Эйфория, предбоевая лихорадка, сопровождаемая при этом абсолютно неуместным чувством юмора. Идиотским чувством юмора, как выразился бы сейчас сам Дрей. Юмором, простые воспоминания о котором впоследствии обычно вгоняли доставщика в дрожь и желание найти продавца, впарившего ему этот гемм, и сделать ему что-нибудь нехорошее.

Ему всегда было интересно, являлся ли подобный юмор обязательным сопровождением боевого гемма, или так повезло только ему. Но, к его большому сожалению, он еще ни разу не встречал ни продавца, ни кого-нибудь из экзо, привившего себе эту модификацию. Даже в приложениях к Библии Экзо «Кассир» упоминался только мельком, без нормальной расшифровки.

Три метра до развилки. Впереди свет.

Да, Дрей просто мечтал избавиться от этого гемма... Только вот не избавишься так просто от генных изменений, даже не наследственных. Даже для nano избавиться от какой-либо культуры ботов – практически нереально. А это всего лишь боты, которые, по идее, не меняли генную карту. Так плавают себе в крови или еще где им заблагорассудится, занимаются своим делом, никого не трогают. Только попробуй начать очистку, и они начнут размножаться, выполняя свою, только им известную задачу.

Развилка.

Кто-то башковитый ведь думал над всей этой мешаниной. Создавал системы безопасности, внахлест одна на другую. Программировал боты на практическую неуничтожимость. Нужно ведь это все было кому-то. А теперь и не поймешь. То ли ты контролируешь свой организм, то ли твои гены – тебя. Или боты – расу nano.

– Привет, Пушок, – прошептал Дрей, наотмашь чиркая ножом и вскрывая артерии на шее первого. – Пока, Пушок.

В кассовой будке у грубо сбитого причала открылось окошечко и жуткая рука кассира вытянулась вперед – не за деньгами.

Доставщик прыгнул на начавшего заваливаться nano. Не для того, чтобы добить – из шеи хлестала артериальная кровь, после такого даже nano выживают плохо, – а просто для того, чтобы убрать труп с дороги. Может, и не труп – но только в случае немедленной и полноценной медицинской помощи.

– Привет, Бритый, – достаточно отчетливо произнес Дрей, одновременно обрушивая кулак на лысую голову второго и тремя короткими ударами выводя его из игры. Почка, сердце, шея. Три укола, боевая комбинация, которая позволяла вывести из строя даже противника, перекачанного ботами, даже нанозомби. Хотя зомби могли еще подергаться секунд двадцать, но не больше.

Счет душ продолжался. Мест в лодке всегда хватает, сколько бы касса ни оставалась открытой.

– Кожа, – коротко кивнул экзо, как бы здороваясь. Даже в неверном мечущемся свете падающих фонарей первых двух nano было видно, что у третьего явно что-то не то с дерматологией. Кожа была не просто плохой – она была темно-серой. Скорее, всего, очередной сбой в программе размножения какой-нибудь культуры наноботов. И получайте – красивый и здоровый цвет лица.

Дрей ударил ножом. Почка. Кончик лезвия обломился, как будто нож ударился о камень. Цветом лица новая нанокультура решила не ограничиваться. Что-то не слышал раньше экзо о ботах, которые могли превращать nano в серую вариацию голема. Но Дрей много о чем не слышал, и сейчас это мало что меняло.

Удар огрызком ножа в глаз. Ага, глаза не окаменели. Дрей отпустил рукоятку ставшего бесполезным ножа, отступил на шаг и пяткой вогнал нож в глубь черепа. Развилка была свободна.

Хаммер уже пробежал мимо, лишь мельком взглянув на оседавших на пол противников. Алексей последовал за отцом, почти полностью копируя его движения. Только короткий взгляд на трупы и вперед, дальше по коридору.

– Касса закрыта. Открывается по требованию. – Эти слова вырывались из него каждый раз после окончания действия «Кассира Харона». Он не знал, было ли это его личным изобретением, или произнесение этой фразы как-то программировалось геммом. Хотя поверить в подобное было сложно.

Андрей вновь пристроился сзади. Теперь за ними было двенадцать или чуть больше охотников. Жить можно.

– Что там? – голос Лоскута в наушнике впервые звучал слегка неуверенно.

– Положили всех троих. – отчитался кто-то из его бойцов. – Пушка еще можно поднять, но придется повозиться.

– Клизма, остаешься. – скомандовал Лоскут. – Кольни Пушка и догоняй. Далеко они теперь не уйдут. Все коридоры когда-нибудь кончатся.

– Тут он прав, – подтвердил Хаммер из темноты впереди. – У нас еще пара километров, и надо будет подниматься.

Под ногами захлюпала вода. Если до этого все тоннели, по которым они двигались, были полностью сухими – все-таки дождей не было уже давно, то здесь, тем не менее, была вода. И немало воды.

Уже через минуту они бежали по колено в медленно текущем потоке.

– Река почти над нами, – прокомментировал Хаммер. – Тут есть тоннели, которые теперь полностью под водой. Лоскут некоторых лазеек может все же и не знать. Как, не боишься воды, доставщик?

– Я сумею с собой справиться.

– Тогда сейчас ныряем. Двадцать метров прямо, потом держитесь за мной, там надо будет направо и вверх уйти. Потом сразу вниз. Только не дергайтесь вверх – там тупик, полностью залитый. Держитесь за моим фонарем. За минуту можем проскочить. А потом Лоскут пускай смотрит на свой сканер и гадает, что ему делать.

Этот маневр им неплохо помог. По крайней мере какое-то время они продвигались вперед, не думая, что их вот-вот кто-нибудь обойдет с фланга.

Дрей выскочил из люка, как пробка, успев, вылезая, крутануться и осмотреть все на триста шестьдесят градусов.

Вокруг было пусто, и, что удивило экзо больше всего, на поверхности по-прежнему был день. Более того, в общем-то и солнце не сильно сдвинулось со своего места. Они бегали по подземельям не больше часа, хотя Дрею казалось, будто он провел в темноте почти полжизни.

Хаммер закрыл люк, и его сын тут же навалил на него сверху немаленький кусок бетона.

– Толку мало, – качнул головой провожатый. – Тут этих люков с десятков в округе. И я еще знаю далеко не все. У нас минут пять. Потом они снова на нашем следе.

– Куда дальше? – Дрей продолжал по инерции оглядываться. Улицы были такими же, дома тоже. Окна верхних этажей. Крыши. Везде было пусто.

Ему показалось, что в этой части города было чуть почище, чем на востоке, где доставщик заходил в город в первый раз. Кто-то уже во время Заката продолжал уборку, несмотря на ее бесполезность. Кто-то убирал сломанные машины с улиц. Убирал мусор, а под конец, возможно, еще и блоки бетона, вырванные землетрясениями и обычными взрывами.

А может быть, в этой части города народ просто меньше мусорил.

– А куда тебе надо? – вернул вопрос Хаммер. – Мы, собственно, на западе. До окраин не так и далеко. До щелкающей зоны – еще ближе. Тут есть небольшая, пятнышко. И щелкает не

так сильно, можно даже сунуться, если совсем край. Харкать кровью потом, конечно, будешь, но выживешь.

– Мне на ее окраину. В саму зону залезать не придется. Но там есть одно очень высокое здание неподалеку...

– Знаю такое, – кивнул Хаммер. – Только взбираться по нему не советую. Очень хилое здание стало. Того и гляди, обвалится. Никакие геммы потом не помогут.

– Сколько до него?

– Пять-шесть километров. Где-то так. Только места здесь уже не наши. Можно нарваться.

– Лоскут сзади, – напомнил Дрей. И выдал пророчество: – Если что, поможет.

Улыбнулся даже Алексей.

Переговоры загонщиков отчетливо зазвучали в их наушниках минут через пять. До этого заглушенные, больше похожие на шорохи статики в эфире, почти не пробивающиеся через толщу бетона и асфальта, теперь короткие фразы мурашей слышались даже яснее, чем Дрею бы хотелось еще несколько минут назад.

Только тройку это сейчас не волновало.

Им пришлось забраться по пожарной лестнице. Третий этаж пятиэтажного дома. А внизу, по улице, металось с полсотни тварей.

– Экзо, – определил Хаммер. – Это оборотни? Никогда не видел оборотней. Должно быть, они.

– Нет, не оборотни. – Дрей мотнул головой. – Поверь мне, если ты увидишь оборотня, ты его ни с чем не спутаешь. Да и потом, оборотни потому оборотнями и зовутся, что днем почти не метаморфируют. Не любят.

– Тогда что?

– Просто мутанты. Только много, очень много. А это значит, что мутанты пришлые. Они бы не выжили в мурашнике долго в таком количестве. И в любом случае, вы бы об этих тварях знали.

– Да уж, прятаться они точно не стараются. Опять, значит, одна из западных зон кого-то народила.

– Кого она там родить может? Там давно народу остаться не должно. Передохли или сбежали. Не из камней же такие выводятся.

– Ну, не обязательно и из людей, – пожал плечами Хаммер. – Посмотри, может, эти людьми никогда и не были. Ни в каком колене.

– Ладно, как дальше?

Хаммер задумался. Дрей задумался. Алексей и так молчал, так что можно было считать, что его размышления даже не прерывались.

Через какое-то время Дрей ответил сам себе:

– Подождем. В конце концов, у нас всего три варианта: бежать, нападать или ждать.

– Как и у питекантропов, – кивнул Хаммер.

Дрей ухмыльнулся:

– Как будто мы сильно отличаемся. Подождем. Может, Лоскут ввяжется.

– Сканер у него, – возразил Хаммер. – Можем вообще завязнуть.

– Да и у этих тварей, похоже, что-то типа сканера есть.

Это была правда. Сканер или нет, но твари вышли на беглецов как-то на удивление слаженно. И это всего за несколько километров до цели!

Доставщик бежал впереди, когда мутанты повалили со всех сторон. Из боковых улочек, из дворов, некоторые даже выскакивали из подъездов. Складывалось ощущение, что они готовили эту засаду задолго до прибытия тройцы. И с точностью до секунды знали, когда они появятся. Появятся именно на этом месте.

Если честно, то Дрей просто растерялся, чего не бывало с ним уже довольно давно. Именно поэтому он даже не попытался прорваться, что сейчас начинало казаться ему более разумным решением. Вместо этого он утянул за собой Хаммера с сыном на пожарную лестницу, так удачно оказавшуюся неподалеку.

Это решение позволило им избежать немедленной схватки.

Но только при этом они перестали контролировать ситуацию. Отдались воле случая.

Зачастую это оказывается гораздо опасней прямого столкновения.

Твари лезли вверх. Кто-то при их создании очень сильно полагался на психологический эффект. Это были ходячие кошмары. Некоторые из них передвигались на задних конечностях, некоторые на всех четырех. У некоторых конечностей вообще было не четыре. И хорошо еще, если четное число. С шестью конечностями Дрей еще как-то мог смириться. Даже уродливая, но симметрия его вполне устраивала. Но когда их было пять, или семь, когда «лишняя» рука или нога вырастала из совершенно невообразимых мест, его начинало мутить.

– Точно экзо, и мутации не в первом поколении, – Хаммер успел приглядеться.

– Разумны, как считаешь?

Хаммер покачал головой, одновременно пожимая плечами. Что означал этот жест, Дрей уточнять не стал.

Из наушника доносились команды Лоскута:

– Ежик, бери правее. Рыло – левее. Давайте, сейчас мы их возьмем.

– Лоскут, ты на сканер смотришь? – голос показался доставщику слегка испуганным.

– Смотрю, а что?

– Почему их стало не трое, а почти сотня?

– Контакт! – другой голос. И уж этот-то точно был испуганным.

Твари разделились. Большая часть из тех, что до сих пор бродила внизу, по улице, рванула в ту сторону, с которой приближались загонщики. Но те, что уже начали взбираться по лестнице, даже не приостановились.

Дрей посмотрел на первого мутанта метров с трех. И выстрелил. Выпустил очередь, слишком длинную, и только одно это могло говорить о том, насколько ему не понравилось увиденное.

Лоскут с людьми засекли их положение, так что таиться дальше не было смысла.

Три метра – достаточно большое расстояние, позволяющее не видеть излишних деталей. Но сейчас, выпуская очередь, Дрею очень хотелось, чтобы эти три метра превратились в тридцать.

На голове первого мутанта росли густые волосы, развевающиеся на ветру.

Только ветра не было. Не было волос. То, что Дрей сначала принял за волосы, было какими-то отростками, живущими самостоятельной жизнью, своими желаниями. А сейчас это желание было дотянуться до добычи, потому что, куда бы ни поворачивал голову мутант, крохотные окончания щупалец на его голове постоянно были направлены вверх, в сторону Дрея.

Даже если бы Лоскут их окончательно потерял и был бы шанс стряхнуть преследователей со следа, доставщик бы выстрелил все равно.

Старенький автомат был неплохо отцентрирован. Пламегаситель позволил удержать его в руках, и даже четвертая пуля вошла в мутанта. И именно она частично исполнила желание доставщика, выбросив уроды через перила пролета на асфальт внизу, разом увеличив расстояние между этими кошмарными щупальцами-волосами и Дреем.

Во второго, который поднимался метром ниже первого, начал стрелять Хаммер. Затем к нему присоединился его сын. Первый мутант по сравнению с этим мог бы считаться почти нормальным.

В наушнике продолжал кричать Лоскут:

– Сгруппироваться! Кладите каждую тварь в поле зрения! Держите левый проулок, они сейчас оттуда полезут!

– Контакт справа! – еще один голос, теперь уже даже не испуганный. Если бы можно было подобрать определения интонациям, прозвучавшим в наушнике, то Дрей бы сказал, что это голос человека, который почувствовал себя мертвым. Которому до смерти осталось всего ничего, и ему об этом только что сообщили.

– Кто-нибудь видел этих тварей раньше?! – Лоскут.

– Мы по западу патрулировали. Ни разу. Но они не умирают! Даже не останавливаются!

Это было правдой. Во втором мутанте сидело уже пара десятков пуль, а он по-прежнему продолжал подниматься. Разве что замедлился слегка. Но поднимался.

– Алексей, лезь выше, – скомандовал Дрей. – И следи за лестницей сверху. Они могут полезть откуда угодно.

Наконец, Хаммер вогнал последнюю пулю в башку второго, или то, что можно было условно назвать головой, и это остановило тварь. В метре от Дрея.

Труп повалился, на какое-то время придержав и третьего мутанта, позволяя людям взбежать еще на пролет вверх.

– Прикройте! – крик в наушнике захлебнулся. Лоскут только что не успел кого-то прикрыть. Его люди еще могли отойти, но в дело уже вступили неподвластные ни Хаммеру, ни Лоскуту законы.

За два-три поколения развития экзо и нано у каждой из рас начали появляться новые инстинкты. И одним из основных, базовых инстинктов стала ненависть к мутантам. В латентном состоянии эта ненависть присутствовала в людях всегда. Но раньше, когда мутанты рождались значительно реже, да и условия выживания были значительно мягче, эта ненависть сдерживалась. Приобретала более мягкие формы, такие, как брезгливость, отвращение. Тоже ничего хорошего, но до Заката никто из людей не тянулся к кобуре, завидев уродца.

Это было смешно, но это было так. В мире, где каждый был по своему уродом. Где ни у экзо, ни у нано не осталось чистой генной истории. В этом мире уроды ненавидели еще больших уродов. Поэтому никакой команды об отступлении не прозвучало. Как только загонщики вошли в непосредственный контакт с аттракционом уродцев, начали работать инстинкты и рефлексy.

Этот рефлекс нельзя было назвать безусловным. Три поколения для такого – срок явно недостаточный. Но внутри человеческих групп быстро создавались рефлексy групповые. Для каждой отдельной особи он был условный – если побежишь, заплатишься по возвращении за трусость.

Общины в данном случае действовали беспощадно и жестоко. Впрочем, наверняка не все. Возможно, были и те, что пытались проповедовать ненасильственный путь очищения генофонда. Вероятно, были, с точностью Дрей об этом сказать не мог, потому что такие общины не выжили.

– Я его положил! – кричал кто-то в эфире. – Я положил этого урода! Я в него весь рожок выпустил, но положил!

Голос захлебнулся. Видимо, урод был не один, а рожок еще оставался пустым.

Дрей попробовал прочность перил:

– Придержи меня. – Не дожидаясь, пока Хаммер исполнит его просьбу, он зацепился ногами за металлические пруты и выгнулся далеко вперед. Повиснув в воздухе на высоте нескольких этажей, он выпустил несколько пуль в четвертого мутанта, поскольку третий до сих пор барахтался под трупом второго и был хорошо им прикрыт.

Но не это было целью. Активировав в гранате контактный взрыватель, Дрей швырнул ее на площадку где-то в районе первого этажа. Попал.

Взрыв снес обратно на землю еще четверых мутантов, но то, чего ожидал Дрей, не произошло – металлическая конструкция выстояла. Выше взрыва к ним продолжали ползти еще шестеро. А у основания лестницы возникла небольшая куча мала, состоящая из тел убитых, раненых, просто вышвырнутых с лестницы и, возможно, вполне дееспособных мутантов. Отсечь их доставщику не удалось.

– Еще выше, давайте на крышу, – приказал Дрей, возвращаясь на площадку.

– Кто жив, отходите к нам! – отозвался голос Лоскута из наушника. – Здесь продержимся какое-то время. Отступайте ко мне, мы их держим!

Так это было или Лоскут приукрашивал действительность, но ясно было одно – мутанты успели сильно проредить ряды загонщиков.

Хаммер был уже на крыше. Его сын тоже перегнулся через край рядом с лестницей и стрелял одиночными. Позиция Алексея была удобной – он отошел на пяток метров в сторону и теперь мог простреливать всю лестницу.

Дрей качнул головой, предлагая Хаммеру последовать примеру сына, а сам устроился прямо над лестницей. На тот случай, если кто-нибудь все же прорвется.

У него почти не было патронов, а просить времени не оставалось.

– Эй, кто еще жив?! – Лоскут в наушнике. – Мы закрепились. Подтягивайтесь! Рыло, Косторез, вы где?

– Косторез лежит, я видел, – ответил кто-то. Да и мы сейчас ляжем, по сканеру их еще десятка два. И недохнут, заразы!

– Держимся! Здесь они нас не возьмут, пока патроны есть.

Под перекрестным огнем ни один урод пока еще не добрался до последнего пролета, туда, где в дело мог включиться Дрей. Поэтому у него появились доли мгновений для того, чтобы оглядеться.

То, что доставщик увидел, ему не понравилось.

– Дай мне рацию, Хаммер! – крикнул Дрей, глядя на движение по улице неподалеку. Это была еще одна группа мутантов. Не намного больше первой, «всего лишь» еще полсотни. И двигались они явно в сторону окопавшихся Лоскута и остатков его людей.

Хаммер проследил за взглядом доставщика и перекинул ему рацию, прекратив стрелять буквально на пару секунд, не более.

– Это гребаное нашествие мутантов, – крикнул он, – Я вовремя вывожу сына из города! Это гребаное нашествие. Завтра в городе ни одного нормального не будет.

Экзо не мог с ним не согласиться. Бродившие вокруг стаи навевали только подобные мрачные мысли. Их было слишком много. Эти твари были не отсюда. Если это волна, то она захлестнет мурашник и даже не заметит вооруженного сопротивления.

Дрей присутствовал при отражении подобной волны мутантов только один раз. И отлично знал, что единственным действенным средством защиты являются высокие стены. Без окон, без лестниц и желательного потолка. В городе народу было не выжить. Деревни и поселения крупнее могли продержаться за частоколами, пока мутанты не схлынут или не сдохнут.

Дрей включил рацию на передачу и начал говорить сразу, без подготовки:

– Лоскут, слышишь меня, Лоскут?

– Это ты, беглый вояка? Так ты, козел, нас слушал всю дорогу?

– Лоскут, к тебе сейчас еще команда тварей идет, штук с полсотни. Так что сматывайтесь.

– Точно знаешь?

– Рядом бегут, прямиком к вам. Сматывайтесь. Доберитесь до центра и готовьтесь к обороне. Это долбаная волна.

– Откуда могла взяться волна? Всех мутантов давно покрошили или загнали в пещеры.

– Ты меня не спрашивай и не рассуждай. Сматывайся, у вас пара минут осталась.

– Ладно. Если правду сказал, то спасибо. Сам-то как? И кто это там с тобой?

– Сам буду что-то придумывать, – закончил разговор Дрей, оставив второй вопрос без ответа. Кинул рацию обратно хозяину.

– Уходим, придурки, уходим! – В рации еще кричал Лоскут, но Дрей его уже почти не слушал. Эту страницу можно было перелистнуть. Выживет Лоскут – хорошо, хоть кому-то доставщик не дал сдохнуть понапрасну, тем более от рук... или лап мутантов. В любом случае, о погоне Лоскут забудет.

Оставались еще мутанты.

– Я их вроде держу, – сообщил Хаммер. – Двое на лестнице еще дергаются, но уже даже не поднимаются. Под лестницей еще несколько. Надо бы дальше думать. Здесь мы ничего не высидим.

– Надо спускаться. – Дрей осматривал окрестности, но больше мутантов вблизи не было. Зато несколько раз что-то мелькнуло на дальних улицах. После таких мельканий казалось, что весь мурашник запружен мутантами.

В рации щелкнуло, и послышался голос Лоскута. За время, пока трое отстреливались на лестнице, их загонщики, похоже, успели выбраться из заварушки.

– Эй, воин! Слышишь еще? Можешь не отвечать, если не идиот, то ты меня услышишь. Связались мы с городом. Советника помнишь? Того, чьего сына ты положил? Он говорит, что если это волна, то с «озер». Есть такая шелкающая зона на западе. Советнику довелось столкнуться с подобным один раз и выжить. Сейчас там к обороне готовятся, думаю, продержимся. Так вот, – Лоскут говорил быстро, как будто боялся потерять связь. – Мы вышли. Трое всего, но вышли. И мутантов позади оставили, так что до своих дойдем, а дальше – как сложится. В качестве маленькой благодарности от меня... Советник еще сказал, что старые мутанты хорошо дошли от одной-двух пуль в затылок. И еще, к ним лучше не приближаться. В старой волне некоторые могли ускоряться. Ненадолго, но зато всерьез. Поможет тебе это или нет, а я добро помню.

Дрей кивнул, как будто собеседник находился рядом и мог видеть это движение.

Еще раз осмотрелся. Махнул рукой Алексею, предлагая тому спускаться первым. До чего же все-таки проще было бы идти одному! Доставщик чувствовал, насколько двое дополнительных людей, пусть даже и не с худшими боевыми навыками, сковывали его передвижение. Он никогда не работал в команде, да никогда и не собирался. А теперь два человека висели на нем мертвым грузом. Постоянно приходилось помнить о том, что нельзя стрелять во все движущееся, потому что две мишени могут быть и не мишенями вовсе.

Алексей спустился на пару этажей, когда Дрей двинулся за ним, жестом показав Хаммеру прикрывать, пока они не доберутся до поверхности. Хаммер только кивнул.

Перед тем как спускаться, Дрей выстрелил в монстра внизу, все еще пытавшегося подняться. Выстрелил в удачно подставленный затылок. Пуля вошла точно в основание черепа, и мутант перестал дергаться.

«Может, эта волна не так уж и сильно отличается от предыдущей», – подумал доставщик.

Он спрыгнул с площадки на втором этаже, почти полностью скопировав движения Алексея. Вообще, до сих пор не произнесший ни слова сын бригадира нравился ему все больше и больше. Наверное, именно потому, что молчал.

Молчать-то молчал, но пока что не сделал ни одной ошибки, а иногда даже демонстрировал неплохие навыки.

Прыгать, не добираясь до земли, они начали не случайно – из тех мутантов, которые валялись под лестницей, далеко не все были согласны лежать спокойно. Некоторые шевелились, другие даже пытались подняться, несмотря на количество кусочков свинца в их внутренних органах.

У одного, видимо оказавшегося в эпицентре взрыва гранаты, оторвало обе руки, и Дрей видел, что кровь почти перестала течь – она свертывалась на месте ран мгновенно. Перестройка организма этих существ была огромной. Что называется, жить с такой нельзя, но и умереть сложно.

Так что спускаться прямо на спины мутантов не хотелось. Алексей прыгнул красиво – вскочил на перила, держась за них одной рукой, оттолкнулся, сделал сальто и приземлился на ноги. Не упал, только аккуратно спружинил и без остановки зашагал вперед, лишь поводя стволом автомата, который так и держал во второй руке.

Прыжок Дрея был, возможно, менее эффектен. Без сальто. Он только крутанулся вдоль своей оси, чтобы в воздухе еще раз успеть рассмотреть окрестности. Как только доставщик оказался на земле, вниз полез Хаммер.

На какое-то время они лишились прикрытия. Иногда стрелял Алексей – по раненым мутантам, которые начинали шевелиться слишком уж активно. Дрей только водил стволом от проулка к проулку. В рожке оставалось не больше пяти патронов.

– Обойма есть запасная? – спросил Дрей, не глядя на Алексея, как будто провоцируя его на хотя бы одно слово в ответ. Вместо этого он едва не получил свежим рожком по башке, лишь в последний момент успев среагировать и поймать подарочек.

Как только Хаммер спустился, он показал вертикально развернутой ладонью направление. Впрочем, общее направление Дрей сейчас мог показать и сам – здание, к которому он шел, было уже видно. А с учетом того, что до него было еще достаточно далеко, Дрей начал понимать, что это будет отдельная и интересная история – прогуляться по его коридорам. Почему-то он знал, что первыми несколькими этажами дело не обойдется.

На злополучную группу мутантов, то ли отбившуюся от остальных, то ли просто идущую несколько позади волны, они навалились через минут десять. С другой стороны, не зная размера волны, трудно было утверждать, что эта группа отстала. Возможно, это все еще был авангард.

И как только они столкнулись, Дрей понял, что на этот раз им не вывернуться. Между ними не было и двадцати метров, обе группы буквально сошлись на одном из углов. И Дрей их не услышал, потому что ему мешали шаги его компаньонов. А мутанты затаились и просто стояли за углом. Просто стояли, видимо, узнав о приближении троицы значительно раньше.

Трое против трех десятков. Дрей разрядил рожок практически в упор, но свалил в лучшем случае троих. После чего началась свалка.

Кассир бы даже не успел открыть свою будку. Гемм, конечно, заработал, как и большинство остальных боевых модификаций. Но накачать мышцы, мозги и кровь всякой дрянью помощник Харона уже не успевал. По меркам бойца экзо, Дрей начал рукопашную практически голым.

Он сделал единственное, что мог сделать на контролируемом сознанием уровне – включил гемм «Логика подворотни». Расчетчик заработал почти мгновенно, здесь гемм был безупречен. У него был другой большой, даже можно сказать, огромный, минус – отходняк. Дрей очень редко мог позволить себе потерять сознание на час, остаться полностью беспомощным. Так что «Логика» он включал только тогда, когда альтернативы были еще хуже. Как сейчас.

Работа «Логика подворотни» не подразумевала никаких посторонних размышлений. Дрей видел, анализировал (если можно было назвать анализом просчет всего пространства боя в течение долей секунд), принимал решения, действовал. Все.

«Логик» включился на полную именно тогда, когда все трое отбросили оружие. Упрощенно это выглядело так:

Информация: «Семь мутантов небоеспособны. Возможно, часть из них временно. В активной фазе двадцать один. Алексей столкнулся с первым. На Хаммера напали трое. Передо мной – двое, блокируют приближение остальных».

Анализ: «Алексей – непосредственной угрозы нет, горизонт – тридцать. Вероятность – 95. Хаммер – угроза через пятнадцать. Вероятность – 90. Личная угроза – низкая. Горизонт – 10, вероятность – 60». Низкая вероятность в данном случае означала только то, что у Дрея оставалось слишком много возможных комбинаций дальнейших действий, выбор которых непосредственно влиял на его личную безопасность. Дрей это знал, потому что уже не раз сталкивался с подобной дилеммой. «Логик» просчитывал варианты, но не принимал решения.

Варианты действий. Вариант 1: «Ударить левого противника в грудь, остановить приближение, повалить на задних. Уйти влево, ударить ногой по затылку противника Хаммера. Вероятность серьезной травмы одного из противников – 70, двух – 16. Снижение угрозы: Хаммер – угроза через 16, Дрей – угроза через 8, Алексей – без изменений».

Варианты действий. Вариант 2: «Отступить на два шага назад и вправо, за спину Алексея. Оценка угрозы: Хаммер – смерть через 9, Алексей – без изменений, личная – через 19. Общее снижение вероятности выживания группы до двух сотых. Общее снижение личной вероятности выживания до двух десятых».

Вариант три. Вариант четыре. Вариант сорок семь...

Действие: Дрей подпрыгнул, ударил ногой, ребром ступни в горло мутанта, который навалился на него справа. Удар был слишком резким, чтобы отбросить урода назад. В то же время достаточно резким, чтобы сломать уроду шею. Возможно, шею он ему и сломал, но урод только приостановился и опять двинулся вперед. Доставщик, ведомый одним из наиболее фантастичных вариантов «Логика», схватил вытянутую вперед руку – или лапу – второго мутанта и сильно дернул ее на себя. Согласно законам физики, мутант «провалился» вперед, а Дрей, одновременно, ушел за его спину, успев заодно ударить под прямо-таки подставленный затылок одного из нападавших на Хаммера. Этот затылок подставлялся так сильно, что предложение ударить по нему звучало в каждом втором из более чем сорока вариантов.

Хороший выбор. Вот только теперь он оказался не на окраине, а прямо внутри группы мутантов.

Повторный анализ: «Алексей – непосредственной угрозы нет, горизонт – тридцать. Вероятность – 96. Хаммер – угроза через двадцать. Вероятность – 92. Личная угроза: травма в пятисекундном диапазоне. Вероятность – 70. Текущая вероятность выживания группы в неполном составе – семь десятых. В полном составе – одна сотая».

«Вот на эти проценты и живем», – подумал Дрей. Его первые удары поставили под непосредственную угрозу его самого. Зато почти вдвое повысили вероятность выживания хоть кого-нибудь из троих.

Так продолжалось несколько секунд, за которые «Логик» успел просчитать и предложить доставщику пару тысяч вариантов, отбрасывая заранее неудачные. А доставщик выбирал, действовал и вновь возвращался к анализу. Расчеты «Логика» на деле был значительно сложнее, чем можно было себе представить на схеме, это Дрей знал отлично. «Логик подворотни» потому так и назывался, что начинал пересчитывать комбинации при малейшем изменении ситуации в драке, которую успевал отследить его носитель. Ограничение было одно: насколько носитель мог увидеть, что происходит вокруг него. Увидеть, почувствовать, ощутить, неважно. Вся информация уходила к «Логику», а он уже считал, какой можно верить и с какой вероятностью.

Тяжелый гемм, перестраивающий слишком много синапсов. Многие из которых крошились по ходу его использования. Потеря сознания была еще не худшим из возможных последствий. При запуске «Логика» нейроны начинали операционное перестроение связей, что раньше считалось вообще нереальным. Сейчас это стало возможным, только оценить гениальность ученого из секретной военной лаборатории было некому.

Один из мутантов, до сих пор самый неповоротливый, внезапно заревел. Это было вдвойне необычно, потому что до этого момента почти все они нападали в полной тишине.

Лишь иногда, будучи серьезно ранеными, некоторые из них начинали скулить. Но этот рык пока абсолютно здорового мутанта был неожиданным. Может быть, значение слова «здоровый» не совсем подходило для определения состояния существа, чье здоровье можно было поставить под сомнение изначально. Дрей поправился – «нераненого».

Монстр взревел и махнул обеими передними лапами, одновременно шагнув вперед. Он был одним из семерых, что еще шевелились, и «Логик» уже устойчиво начинал показывать Дрею девяносто процентов выживания всех троих.

Теперь это число упало до пяти. Скорость, с которой двигался мутант, заставила «Логику» полностью пересчитать свой ставший уже оптимистичным прогноз.

Дрей не успел сделать ничего. Алексей тоже. Хаммер, оказавшийся под первым ударом, успел прикрыться и отступить, потом еще раз отступить. После третьего удара Хаммер упал, но при этом ухватился руками за ногу ускоренного существа, как будто стараясь задержать его хоть на немного.

Это действие, как оценил «Логик», и спасло оставшихся двоих. Алексей, только что расправившийся с еще одним монстром, успел выдернуть пистолет и моментально выпустил всю обойму в слишком разбушевавшегося мутанта. Даже его собратья, казалось, как-то отвлеклись от боя, замороженные действиями ускоренного. Этим, пусть возможно фантомным, преимуществом и воспользовался Дрей, положив еще двоих.

Ускоренный не умирал долго, еще больше десяти секунд. За это время он успел превратить грудную клетку Хаммера в месиво. Почти добравшись до Алексея, отбить все удары Дрея и пропустить только последний – мыском сапога в верхние позвонки. По крайней мере, слабое место у него было такое же, как и у всех остальных.

Сознание Дрея начало размываться, когда они с Алексеем добивали последних двоих. Он держался, несмотря на дикую боль в голове.

И еще успел услышать, как Алексей выкрикивает слова боевого прощания.

– Беги! Беги по долине последней тени! Не убоимся мы пойти следом, ведь ты бежал по ней до нас. Не убоимся мы врагов, ведь ты ждешь нас там!..

Этот вариант прощания подразумевал, что похорон не будет. Что Алексей не останется на этом месте, чтобы попрощаться с отцом как следует, потому что угроза еще осталась.

Хотя, может быть, все это мерещилось теряющему сознание Дрею, которого Алексей тащил прочь от места схватки. Ведь вроде как сын Хаммера не говорил?

Глава четвертая. Этажи

И нам говорили: действие рождает противодействие. И это было правдой. Но забыли сказать, что противодействие, созданное само по себе, без необходимости, способно порождать действие. Таков парадокс и такова ультимативная правда природы. Мы не обсуждаем справедливость событий, мы лишь говорим, что это так. Истинно так.

Лаборатория «Готика Х». Двадцать семь дипломированных ученых и несколько сотен человек обслуживающего персонала. Все – базовой расы. На тот момент эпидемии приходили одна за другой. Шли годы полной сегментации. Лаборатория находилась в секторе Волга-3 (три миллиона живых базовой расы, пятьдесят тысяч – базовые экзо, тридцать тысяч – базовые нано, экзо и нано – дети не старше десяти лет).

Основным проектом, исполнявшимся в лаборатории, было создание универсальных антител с повышенным полиморфизмом. Антитела были созданы, судя по последним сообщениям из лаборатории. Затем полностью изолированная, согласно Манчестерскому протоколу, лаборатория замолчала.

Спасатели вошли в нее через неделю, согласно тому же протоколу. Никаких людей, только четыре робота-пробы. Внутри были найдены двести восемьдесят трупов. Было принято решение о зачистке (параграф седьмой протокола). К моменту начала зачистки трое спасателей, находившихся снаружи, на удалении не менее двухсот метров от основного здания, почувствовали себя плохо. Приказ о зачистке был дан.

Трое спасателей были помещены в карантин, созданный прямо на месте катастрофы. Обнаруженный вирус обладал невероятной изменчивостью и возможностями к адаптации. В теле человека базовой расы он мутировал в среднем раз в день, подвергаясь атакам только базовых антител. В случае введения имунокорректоров – до нескольких раз в час. Дольше всего прожил тот из спасателей, которого не лечили вообще. Но и он умер через четыре дня. К этому моменту в секторе было уже до пяти тысяч зараженных. Ситуация вышла из-под контроля.

Вирус был назван «Оборотень» за невероятную изменчивость. Генный след позволил предположить, что изначально вирус разрабатывался в зачищенной лаборатории как универсальное антитело.

Ряд нарушений Манчестерского протокола уничтожил не только Волгу-3, но и один из соседних секторов. Эпидемию удалось удержать путем жесткого соблюдения всех параграфов протокола остальными секторами.

Волга-3 как сектор был внесен в список уничтоженных. Согласно обрывочным сведениям, поступавшим оттуда, базовый вирус убил до двух миллионов человек. После этого эпидемия пошла на убыль. Затем вирус мутировал скачкообразно, разветвляясь на несколько дочерних вирусов.

Дочерний вирус «Святые угодники BWALTL». Мутационные возможности атрофировались в пользу практически абсолютной летальности. Согласно аналитике, две трети оставшегося населения (наиболее крепкого физически и с наиболее сильным иммунитетом) были уничтожены «Святыми угодниками».

Дочерний вирус «Семя погибели» (из других источников «Оборотень экстра») – латентный вирус, который одновременно, в ряде случаев, мог являться и антителом, повышающим иммунитет носителя ко всем другим инфекциям практически до абсолюта за счет быстрой изменчивости. «Семя погибели» уничтожило оставшуюся часть населения двух секторов в течение последующего года. Оставшиеся в живых не были способны в условиях полной изоляции передавать данные. По последней сколько-нибудь достоверной информации, в секторах выжило не более трех тысяч людей (из них базовых – не более трети, две трети – экзо, из нано не выжил практически никто).

Согласно реверсивному анализу, проведенному независимыми лабораториями позднее, «Семя погибели» закрепилось на генетическом уровне. На тот момент, когда границы секторов остались полностью неконтролируемыми из-за недостаточности населения и отсутствия централизованных сил правопорядка, в секторе, по оценкам, находилось не более тысячи носителей мутации. Одновременно вирус исчез, перестал быть заразным. Таким образом, ученые добились своего: вывели универсальное антитело, передающееся по наследству и позволяющее на порядки увеличить сопротивляемость экзо к любым инфекциям (и погубив при этом более трех миллионов человек).

К сожалению, в наше время существует не более трех тысяч экзо, у которых эта мутация закреплена. Из них только у нескольких сотен она существует не в латентной форме. Считается, что именно малая пропорция активных носителей мутации не позволяет ее быстрого наследственного распространения.

Мутации, по историческим причинам, оставили наименование «Семя погибели». В генных картах может быть указано архаичное название «Оборотень экстра».

«Семя погибели» – это противодействие, которое было создано раньше действия. Защита, породившая нападение.

И помните, мы не обсуждаем справедливость событий, мы лишь говорим о них.

Это так. Истинно так.

Притчи Заката. Притча Следствий и Причин. Библия Экзо

Парк

Здание не казалось огромным – оно и было огромным. Насколько Дрей мог судить, это было самое высокое строение в обозримых окрестностях мурашника. По крайней мере сейчас. Если раньше и были здания повыше, то они давно обрушились.

Дрей прищурился, и начал неторопливо осматривать каждую деталь громадины.

Основная часть небоскреба была, можно сказать, квадратной. Небольшие дизайнерские закругления, переходы и сглаживания сути дела для доставщика не меняли. Сорок этажей вверх. Судя по остаткам краски на бетоне и по немногим сохранившимся стеклам – раньше весь дом был темно-синего, со стальным отливом цвета. В общем, достаточно внушительное строение, которое и сейчас требовало уважения от наблюдателя. Дрей мог легко представить, насколько фундаментально эта высотка выглядела в ее лучшие времена.

Лежать было неудобно, да и голова еще кружилась, но Дрей продолжал наблюдения.

Выше, от сорокового до последнего, сорок пятого, этажа, было сооружено нечто вроде пентхаусной части. Этажи располагались пирамидкой, каждый следующий был меньше предыдущего.

Последний этаж казался совсем маленьким отсюда, с поверхности. Хотя Дрей предполагал, что это лишь визуальный обман, и на самом деле даже «крохотный» чердачный этаж был значительно больше двора вокруг его дома в поселке, а то и всего поселка.

Алексей снова молчал. Сидел, прислонившись к остову автомобиля. Сидел таким образом, чтобы глядеть в сторону, противоположную той, куда смотрел Дрей. Доставщик попытался заговорить, хотя бы для того, чтобы убедиться, что молитва воина не пригрезилась ему при откате «Логика».

– Мутанты еще появлялись?

Мураш пожал плечами, кивнул и махнул рукой, показывая, с одной стороны, направление движения монстров, а с другой – давая понять, что сейчас непосредственной опасности нет.

Разговор явно не складывался.

Как полагается, над всем этим располагался шпиль, который, как хороший иллюзионист, делал здание еще выше. Периметр вокруг здания на несколько сотен метров был свободен от других построек. Когда-то это были стоянки машин и небольшие парки с фонтанами. Сейчас – один сплошной парк, постепенно превращавшийся в рощицу молодых березок, дубов, елочек и прочих деревьев, раньше выращиваемых как декоративные.

Но не было обломков бетона, обрушившихся частей стен или чего-нибудь, что могло бы подтвердить, что здание действительно начинает разрушаться. Не совсем это совпадало со словами Хаммера. Хотя, быть может, тот выражал общее отношение мурашей к высотным строениям. Раз высокое – значит, не лезь, скоро повалится. Рефлекторная логика в таком подходе была.

Но Хаммер был мертв, так что уточнять, все ли верно понял Дрей, было не у кого. А рядом с доставщиком сейчас сидел отпрыск погибшего, только что на закорках вытащивший экзо из передраги. С учетом его текущего состояния, да еще и представив, каким было это состояние час назад, сразу после того, как доставщика начало ломать от «Логика», вывод следовало сделать один. Дрей был обязан сыну Хаммера жизнью. Прибавив его обещание вывести парня из города и пристроить...

Все эти размышления и расчеты приводили доставщика к одной неутешительной мысли – за парнем теперь придется действительно следить. И парень до выхода из города волей-неволей становится его напарником. Или обузой, как смотреть на ситуацию. Конечно, Дрею ситуация виделась именно в варианте ярма на шее.

Самопровозглашенная роща была, на первый взгляд, пуста. Мутанты либо шли стороной, либо волна была не такой уж и широкой, и теперь все они были значительно глубже в мурашнике, готовясь к эпохальной битве с воинством мэра.

Охраны у здания тоже не наблюдалось. А охрана должна была быть, может и не снаружи, но где-то обязаны были присутствовать воины, охраняющие товар, за которым был послан доставщик, другие предметы, представляющие несомненную ценность, а заодно и их хозяев.

Это было правило – раз у перекупщиков, сделавших заказ, была информация о товаре, значит, не у них одних. Если информация бродила по свету, значит, у товара был хозяин. У хозяина товар нужно было изъять, обменять или просто выпросить как подарок. Любой метод подходил и любой был сложен. Поэтому Дрей предпочитал заказы другого рода – доставку предметов с четкими характеристиками, но без четкого места их положения. Конечно, больше возни, зато – меньше конкурентов.

Закончив любоваться садом, Дрей взглянул на нового «напарника».

– Идешь правее и чуть сзади. Идешь тихо. Не делаешь ничего лишнего. Доходим до центрального входа. Я слева, ты справа. Прежде чем входить, снова осматриваемся. – Зная, что ответа дожидаться не приходится, Дрей лишь вопросительно выгнул бровь.

Алексей кивнул.

О парне Дрей мог сказать одно: звезд с неба не хватает, но исполнительен и шустр. Другими словами, дважды такому повторять придется вряд ли. В мозгу доставщика запечатлелись остаточные сводки «Логика подворотни», в том числе включающие в себя общий анализ боевых качеств юноши. Ждать от напарника творческого подхода не приходилось. Он будет отрабатывать любую ситуацию так, как его научили. В случае возникновения неожиданной проблемы... нет, не впадет в ступор, но будет решать новые проблемы старыми проверенными способами. Иногда это срабатывает. Далеко не всегда.

Дрей шагнул вперед и начал выбирать маршрут. Выбирать таким образом, чтобы между ним и окнами здания всегда было как можно больше преград в виде веток деревьев.

Занятие это было привычным. Сквозь просветы Дрей успевал рассматривать то одно, то другое окно, то один, то другой этаж. Все было тихо, но доставщик не переставал гадать, где же владельцы товара выставили охрану.

Сам Дрей не полез бы выше первого этажа здания. Да и вообще не стал бы обосновываться в этой громадине, которая тем более вот-вот может рухнуть. Но Дрей был нормальным экзо, а не чокнутым мурашом. Как же выбирают убежища «чокнутые мураши», ему оставалось только догадываться.

Атавистическая эстетика подсказывала ему, что идти придется на самую макушку, чуть ли не на тот самый, верхний этаж пентхаусной части, как бы глупо ни выглядели люди, решившие расположиться на такой высоте. Глупо – по мнению доставщика. Но если подумать, добраться до самого верха даже ему будет тяжело, и одно это привносило в высотный вариант некий смысл.

Пока вокруг было достаточно много пустого пространства, Дрей решил чуть-чуть просветить нового напарника, что им предстоит.

– Идем в здание. По наводке, в нем должен быть уникальный и очень ценный гемм «Контроллер-7».

Алексей молчал.

– Предвосхищая вопрос, который ты хотел задать, отвечу: гемм такой же уникальный, как и его название. То есть не то, что ты подумал – не просто дорогой, крутой, чистый и чуть ли не имеющий возможности наследования, нет. Именно уникальный, то есть с высокой вероятностью существующий в единственном экземпляре.

Они подходили к высотке, двигаясь внутри ее все удлиняющейся тени, но в какой-то момент одно из неразбитых стекол на первых этажах блеснуло, и Дрей замолк, вглядываясь в подозрительное место. Потом шагнул назад, вперед, снова назад, обернулся... Это был лишь редкий набор случайностей. Солнце нашло целое стекло где-то далеко за его спиной, луч отразился точно в окно высоты и после этого еще сумел достичь глаз Дрея.

– Так вот... – продолжил он. – Что эта цапка делает – не знаю. Для чего она нужна заказчику – не знаю. Сколько человек могут подняться, чтобы нам ее не отдать – тоже не знаю. Вообще ничего не знаю, одни догадки. Ни за что не взялся бы, если бы не три «но»: других заказов у меня не было и я заскучал, оплату предложили не просто щедрую, а умопомрачительно щедрую и, что самое главное, заказчик действительно надежный мужчина. Не один раз я с ним работал. Если уж ему не верить, то вообще верить больше некому.

Дрей на ходу крутанулся, оглядывая все то, что они оставили за спиной. Просто поставил правую ступню при следующем шаге значительно левее, чем надо, развернул ее, шагнул левой ногой «назад», поглядел на пройденный ими путь и следующим шагом уже вновь выровнялся, как будто и не разворачивался.

– Отсюда выводы. – Он даже не смотрел на Алексея, и так точно зная, что парень слушает каждое слово и запоминает все. – Первое, и самое главное, «плохих ребят» может быть много. Это мне мой опыт подсказывает. Второе, стрелять нам придется только в крайнем случае. Если хочешь мое мнение – стрелять нам придется лишь в том случае, если мы очень сильно захо-

тим в этом высоком муравейнике сдохнуть. Третье, вообще не надо убивать никого важного. На всякий случай, объясняю почему: гемм уникальный. Это означает, что способ его хранения мы не знаем. Мер безопасности не знаем. Как выглядит контейнер для переноски – не знаем. Не подсунут ли нам фуфло с надписью «гемм тысячелетия», мы не знаем. Мы ничего не знаем. Отсюда вывод – нам нужен «язык». Так что всех самых главных и важных рассматриваем только в этом качестве. Понятно?

Не дожидаясь ответа, Дрей закончил сам:

– Думаю, понятно. Справа от входа вставай и не шевелись.

Временное сворачивание инструктажа объяснялось банально – они пришли.

Дверей у входа в здание давно не было. Просто после десятка ступенек и площадки шириной метров в десять темнел широкий проем. Что было внутри, Дрей еще не видел, поэтому он по широкой дуге, чтобы не подставляться под возможных стрелков из холла за входом, подошел к стене слева от входа и лишь потом начал осматриваться.

Скелет лежал прямо посередине входа, в метре глубже бывшего дверного проема. Красиво лежал, слишком красиво.

Возможно, умер человек и своей смертью, но расположить кости ему явно кто-то помог. Ноги были аккуратно уложены в сторону улицы. Руки разложены так, чтобы образовывать прямую, параллельную линии входа. Череп был повернут таким образом, что каждый входящий по центру должен был почувствовать на себе заворачивающий взгляд мертвеца.

Экзо присмотрелся. Это был не просто скелет – этот скелет принадлежал homo. Не экзо, не нано, а именно предзакатному человеку. Отличий на уровне скелета было немного, и не таких уж и заметных, но они были. Хотя бы зубы. Сейчас нельзя было найти человека с большими зубами. Эта мутация была у всех экзо. И боты-стоматологи заботились о красоте улыбок нано. Исключений Дрей не знал.

Так что это был скелет homo.

Дрей увидел, как Алексей махнул рукой, привлекая его внимание к еще одной мелочи. Пыль. Пыль в холле лежала неровно. Где-то, как и полагается, она толстым слоем накрывала пол и скопившийся за десятилетия мусор. Но в других местах пыль отсутствовала, даже можно было разглядеть прожилки на поделочном камне. Не мрамор конечно, в камнях Дрей разбирался. Чистые пятна образовывали неправильной формы тропинки по направлению от входа в глубь здания. Вдоль туловища скелета. При этом аккуратно обтекая его руки.

Из чего легко делался вывод, что люди здесь бывали. И недавно. Скорее всего, кто-то находился в здании и сейчас. Но здание не использовали в качестве постоянной базы – так, скорее как временное убежище. Иначе любой бы позаботился о мусоре вокруг. И людей здесь было не так уж и много – натоптано несильно.

Дрей слегка кивнул и устремился внутрь, не дожидаясь от Алексея подтверждения.

Фойе. Этажи 1–2

Они продолжали держать каждый свою сторону. Дрей сразу начал забираться влево, одновременно осматривая уголки открытого пространства на первом этаже.

В фойе было достаточно темно, и дальние стены почти не были видны, особенно от входа. Но все же можно было разглядеть четыре лифтовые шахты на другом конце помещения. Две из них, первая и вторая с правого края, были все еще закрыты наружными дверями. В следующей зиял пустой проем, который наверняка мог быстро привести в подвальные этажи любого, кто не боялся сломать во время прыжка ноги.

В четвертой шахте стоял открытый неработающий лифт. Давно неработающий, но в тот последний раз, когда он работал, лифт успел спуститься на первый этаж. Возможно, вывезти из здания еще каких-то бедолаг. Чтобы они могли умереть где-нибудь в другом месте. Или про-

жить долгую счастливую жизнь на Закате, успешно прячась от агонии цивилизации. Закат был долгим, и с точки зрения отдельной человеческой жизни казалось, что не происходит вообще ничего необычного. Болезни были всегда. Эпидемии были всегда. Даже войны – и они тоже были всегда.

На земле стало меньше людей? Не больше, чем много тысячелетий назад? Ну, все течет, все изменяется.

...Если ты успел спуститься на лифте, не заболел, не попал на войну и под удар атомного бомбера.

...Не вколол себе слишком крутую дозу наркотика или бракованных ботов, не превратился в расплзающееся зеленое месиво в генной лаборатории при попытке улучшить свою генную карту.

...То твоя жизнь на Закате была прекрасной.

Вдоль правой и левой стены, в соответствии с некими канонами, стояли круглые колонны, подпирая балкон, идущий по периметру всего второго этажа. Через секунду Дрей уже был за одной из них и поглядывал вокруг. Алексей тоже ушел за колонны, но не стал останавливаться, а неторопливо пробирался по краю.

На втором этаже тоже не было движения, и ни одно из чувств доставщика не говорило ему об опасности.

Посреди холла поднимался бортик давно высохшего фонтана с небольшим бассейном. Единственное, после колонн, что отличало фойе от просто огромной квадратной площадки, покрытой каменными плитами.

Дрей еще раз огляделся и двинулся вперед, на всякий случай тоже держась в тени.

Махнул рукой своему невольному напарнику, указывая на начало пожарной лестницы в глубине, справа от лифтов. Освободил руки от оружия и достаточно живописно развел и вновь свел ладони. После чего перебежал к основанию парадных ступеней. Необходимо было все же взглянуть на второй этаж, хотя Дрей и был уверен, что на нем будет пусто.

Наверное, на этой лестнице когда-то лежал ковер. Конечно, сейчас от него остались одни воспоминания, но его гниение повлияло на структуру камня. Незначительно, но повлияло. На том месте, где находилась ковровая дорожка, сейчас протянулась грязная лента, идущая снизу до самого верха лестницы. Ковер, призванный охранять камень во времени от ударов тысяч подошв, выполнил свою задачу с точностью до наоборот. Когда лестница оказалась в безопасности и шаги людей перестали угрожать ее целостности, ковер из охранника превратился в основного разрушителя. Если уж не камня, то его внешней привлекательности.

Дрей подумал вскользь, что это всегда было основной проблемой генетиков. Что бы ни внедрялось в организм человека, могло быть критически необходимым в одних случаях и смертельным в других. Балансирование на этой тонкой грани в период Заката было скорее искусством, нежели наукой. И, как и следовало ожидать, даже если отдельным творцам и удалось удержать равновесие до самого конца, то человечеству в целом – нет. Все дружно с этой грани свалились.

У него было какое-то смутное нежелание вступать на грязноватый след от сгнившей дорожки, поэтому Дрей побежал по лестнице вдоль перил, чуть наклоняясь, так, чтобы давать меньше шансов на удачный выстрел потенциальному снайперу, где бы он ни находился.

Достигнув площадки второго этажа, он крутанулся на месте, оглядывая каждую щель. Это, наверное, было самое темное помещение во всем здании. Во всяком случае, Дрей надеялся, что темнее не найдется. Почти все двери, ведущие в комнаты по периметру здания, были закрыты, и неширокое фойе, как бельэтаж окружавшее лестницу, освещалось лишь тем светом, что шел от входа снизу.

Было тихо, значительно тише, чем даже на улице. Там хотя бы дул ветер. Здесь же воздух стоял неподвижно, и не шевелилось вообще ничего. Ни скрипа, как в деревенских избах, ни шороха.

Дрей передернул плечами и двинулся в сторону пожарной лестницы, попутно внимательно разглядывая пыль под ногами. Судя по всему, на втором этаже не было никого уже очень давно. Недели, может быть месяцы. Если кто сюда и заглядывал, то даже не поднимаясь на сам этаж. Так – окинули взглядом с лестницы и вернулись вниз.

Что бы их ни ждало выше, здесь было, как в предбаннике ада. Тихо, пыльно, сумрачно. Зарисовка, наглядно объясняющая значение слова «забвение». Буфер между беспокойной, но относительно безопасной улицей и неизвестными опасностями на верхних этажах.

Еще раз оглянувшись назад, Дрей распахнул дверь пожарного выхода и прищурился. Как и предполагается, здесь были окна, а за ними гулял ветер и по-прежнему был день.

Алексей ждал его пролетом выше, поглядывая то вверх, то вниз. Пожарная лестница была неширокой, перила располагались одни над другими, поэтому видимость была ограничена этажом-другим в обе стороны.

Мураш поставил ногу на ступень следующего пролета и вопросительно посмотрел на доставщика. Дрей отрицательно покачал головой. Сейчас он предпочел бы идти впереди.

Алексей пожал плечами, отступил и повел рукой ладонью вверх в приглашающем жесте. Дрей в два легких прыжка преодолел пролет и проскользнул дальше, обходя напарника. По дороге подумал, что молчаливость Алексея сейчас оказалась как никогда кстати. Доставщик впервые занимался делом не в одиночку, что никак не могло его радовать. Пока что они шумели не больше, чем если бы он шел один – и это хоть немного его успокаивало.

Этажи 3–5

Техника их передвижения была проста до невозможности, поскольку существенно облегчалась тем, что пожарная лестница была единственным средством подняться наверх. Лифты оставались мертвыми реликтами прошлого. Других лестниц в этом здании не наблюдалось. Если исключить экзотическое скалолазание и другие подобные способы перемещения по вертикали, то оставалась только одна лестница.

Лестница и пыль. Одна лестница и пыль, которую никто не тревожил десятилетиями. Пыль, грязь, кое-где скопившийся мусор, хотя он Дрею скорее мешал, чем помогал. Идеальными для него сейчас были аккуратные коридоры, в которых ничего не валялось, ни обломков мебели, ни мусора – только пыль, ровным слоем покрывающая когда-то блестящие полы.

И этот ровный слой позволял, лишь открыв дверь пожарного выхода, определить, был ли кто-нибудь на этаже в последнее время.

Третий этаж. Здесь бывали, но не вчера, и вообще не в последние дни. Видимо, когда банда, решившая занять это здание, обустранивалась, они, хотя бы для приличия, пытались проверить этажи. Зашли, посмотрели, ушли. Но это было давно. Что опять же косвенно подтверждало слова наводчика – каким-то образом он знал, что в этом здании кто-то обосновался. А это повышало шансы на то, что и другие сведения окажутся верны.

Мусора на третьем этаже было немало. Кто-то что-то ташил, еще во времена Заката, ломал, крушил, жег. Уборщица явно ушла с этого этажа не последней. Мусора было немало, но, кроме мусора, найти бы здесь ничего не удалось, Дрей был в этом уверен. Слишком невысоко. Это на верхних этажах был хоть какой-нибудь шанс чем-нибудь поживиться, но не здесь. Сюда во времена Заката забирались, и не раз. Мурашник агонизировал долго, очень долго, и все это время пожирал сам себя.

Четвертый этаж. Почти та же самая картина. Пыль, слегка тронутая несколькими цепочками следов. Несколько недель здесь никого не было точно. Темно, открытые кое-где двери в помещения с окнами дают возможность хоть немного осмотреться. Пусто. Грабить ювелирные

магазины прекратили раньше всего. Долгое время особой популярностью, как рассказывают старики, пользовались оружейные лавки. А так как свободного ношения оружия в стране никто не разрешал, то, соответственно, и лавок таких было немного. Поэтому оружейные магазины делили призовое место с оружейными комнатами воинских частей, отделений сил правопорядка и прочих структур.

А вот когда людей осталось действительно мало, так мало, что и оружие оказалось не очень-то и нужным, вот тогда на первое место вышло дерево. Любое дерево. В городе – мебель, стены, перекрытия, любая деревяшка, которая могла гореть и позволить пережить лишний час зимней ночи.

В конце отпала нужда и в дереве. В городе не осталось людей. Город превратился в мурашник. Людей не осталось, зато появились экзо, нано.

Пятый этаж. Без изменений. Сюда заходил кто-то совсем уж ленивый. Или успевший до этого тщательно осмотреть предыдущие этажи. Следы уходили лишь на пару метров в глубину коридора за дверь, а затем поворачивали назад.

Этаж 6

Единственная лестница, мимо которой было не пройти, обладала не только преимуществами, но и недостатками – для любой стороны потенциального конфликта. Дрей легко контролировал ситуацию – это было хорошо. Но единственный сторожевой мог держать наблюдение на этажи вверх и вниз. И было неясно, как решить эту проблему. Раньше времени заявлять о своем присутствии доставщик не хотел.

Караульный пост был на шестом. Все, как полагается: часовой, задачей которого было бдительно нести службу и немедленно сообщать о любом подозрительном шуме снизу. Для этого у часового была коротковолновая рация. А кроме рации – много оружия, чтобы героически отстреливаться до прибытия подкрепления. Ну, или, по крайней мере, героически отступить наверх, но при этом все равно отстреливаться.

Именно это оружие и эту рацию Дрей аккуратно отодвинул от тела. Тело тихонько посапывало и явно не собиралось немедленно занимать круговую оборону.

Сзади неслышно подошел Алексей. Посмотрел на спящего часового, на оружие и рацию. Автомат поднял и отдал Дрею, одновременно показав на ременную сумку на поясе спящего, в которой оттопыривались два запасных магазина. Рацию забрал себе, рассматривая, но ничего не трогая.

Можно было оставить спящего здесь. Без рации и оружия ждать от него особого вреда не приходилось. Но Дрею нужна была информация. Он жестом попросил Алексея слегка отодвинуться и осторожно, если не сказать нежно, пнул горе-караульного по бедру.

Проснулся тот сразу. Видимо, он все же боялся, скорее даже не незваных гостей, а проверки старших. Поэтому он даже еще не открыл глаза, а на его лице уже нарисовалось горестное, если не мученическое выражение. Которое должно было, наверное, снизить размер строгости наказания.

Когда его глаза все же открылись и до его разума наконец-то дошло, что на этот раз это не проверка, а кое-что похуже, выражение лица менялось уже медленно. Мученический лик плавно, постепенно спадал, уступая место выражению ужаса. Ужасу, непониманию и явной тревоге за свою жизнь. Последняя часть эмоций порадовала Дрея особенно, и он начал импровизированный допрос.

– Звать как, нано обдолбанный? – вопрос был задан тоном как можно более развязным. То, что допрашивали «языка» двое экзо, уверенности в себе ему не добавляло.

– Хариус. – Парень попытался сесть, но Дрей вовремя наступил ему на плечо, заставив его остаться лежать. Нельзя было дать парню прийти в себя и начать играть в героя. Нельзя вообще

дать ему прийти в себя и начать обдумывать ответы, выбирать, что сказать, а что постараться утаить.

– Наверху сколько, рыба Хариус? – прижав часового к полу, не останавливаясь задал второй вопрос Дрей.

– А вы... – Дрей не дослушал. Упал коленями на грудь нано, выбив весь воздух у него из легких. Приставил нож к его горлу:

– Либо ты говоришь, и быстро, либо захлебываешься кровью. Сколько наверху, Хариус?

– Двадцать четыре. Но пятеро сейчас в городе, не вернулись еще.

– Что они в мурашнике-то забыли... – пробормотал Дрей и тут же остановил пленного, начавшего было отвечать на очередной вопрос.

– Кто наверху? Есть экзо?

– Нет, мы чистая банда, – с некоторой гордостью ответил Хариус, – не то, что те кровосмесители в центре. У нас – чистые нано. Ну, я лично ничего против экзо не имею...

Попытки не-экзо загладить свою вину были встречены еще одним тычком. Дрея меньше всего интересовали политические взгляды и пристрастия «языка».

– Только нано, понял. Кто главный?

– Шука всем рулит у нас. На самом верху сидит и командует.

– Этаж?

– Я же сказал, на самом верху...

– А, ты про это, – непонятно заметил Дрей. – Кто на что способен? Какие боты? Оружие?

– Ну ты уж совсем, – обиженно заявил Хариус. Видимо, начал постепенно просыпаться. – Ты что хочешь, чтобы я тебе своих парней вот так вот сдал? Да можешь меня резать. Ничего от меня не услышишь.

– Ну ладно, ладно, – Дрей примирительно похлопал по плечу пленника и чуть ли не улыбнулся, но решил ограничиться извиняющейся гримасой. – Ты боец правильный, я понял. Но вот ты мне скажи, что вы в этом скребке облаков забыли? Зачем так высоко было забираться? Я вот с Шукой давно потолковать хотел, специально шел, но если бы знал, что придется четыре десятка этажей вверх ползти, то десять раз бы подумал.

Рыбные прозвища в этой банде забавляли. Дрей чуть было не сорвался и не попросил еще пару имен для примера, но сдержался. Нано и так в любой момент мог начать бузу, а оставлять труп не хотелось. Не на шестом этаже. Слишком низко для того, чтобы начинать войну.

– А откуда ты Шуку знаешь? – Просто образец защитника интересов банды. Не любил бы так спать, цены бы не было.

– Да мы как бы и не знакомы, но серьезные люди мне о нем рассказывали. Очень рекомендовали сходить познакомиться. Так ты не ответил.

– Люди о нем рассказывали... – со странной интонацией в голосе повторил парень. Потом попытался махнуть рукой, но в лежащем положении этот жест больше оказался похож на трепыхание рыбы. – Не знаю. Как товар взяли, так Шука... сам не свой. Бегает все чего-то, прячется. А нам басни поет разные, ничего вразумительного.

– Ну, неплохо он прячется, кстати. Пока доберешься, так и искать расхочется. – Дрей сделал вид, что задумался, и, не отрываясь от размышлений, равнодушно спросил: – А что за товар-то?

Хариус насутился, напрягся и опустил подбородок, словно пытаясь прикрыть шею от лезвия ножа.

– Больше ничего не скажу. Можешь резать.

– И порежу, – кивнул доставщик. – Думаешь, что мы тут с тобой шутить будем, ботовод? Мы хоть и не кустари, но на пробирки тебя разобрать быстро сумеем. Хотя, глядя на тебя, много с того не снимем...

Хариус продолжал молчать. Было видно, что угрозы он воспринял весьма серьезно, но сдавать нужную Дрею информацию все равно не собирался.

От неприятной необходимости исполнить свои угрозы Дрей спас зашевелившийся Алексей.

Сверху кто-то спускался.

Дрей взглянул на Хариуса, за доли мгновения взвешивая все за и против, и решил не рисковать. Ударил сначала локтем, потом перехватил добытый трофей и для уверенности добавил прикладом. Такого не выдержала даже голова нано, и Хариус обмяк. Несколько часов отключки ему было обеспечено, поэтому Дрей даже не стал связывать горе-часового.

– На этаж его затащи. И наверх. На два этажа выше, если успеешь. Если нет, то оставайся где успеешь. Попробуем взять тихо.

Алексей кивнул, подхватывая нано под мышки.

Расчет Дрей был прост. Будь это обычная смена караула или охотничья партия, которую отправили на улицу (что было маловероятно, учитывая время суток), – кто бы это ни был, все рассчитывали встретить караульного именно на шестом. Был шанс застать их врасплох, если пробраться чуть выше.

Этажи 7–8

Спускались двое. То ли ночную смену караула Шука усиливал, то ли кто-то просто решил размять ноги и немного пробежаться по этажам. Особо размышлять над этими вариантами Дрей не стал. Едва лишь рассмотрев в щель чуть приоткрытой двери две спины нано, убедился, что за ними больше никто не спускается, выступил вперед. Повезло, петли на двери были очень и очень навороченные. Дом рухнет раньше, чем заскрипят эти петли.

Баловаться с удушающими захватами доставщик не стал, поступил проще – вновь воспользовался прикладом. Удар по затылку заставил идущего сзади начать заваливаться вперед, но доставщик его придержал, аккуратно уложив, почти что усадив, на лестницу, спиной к стеночке.

Все это было сделано тихо, но не бесшумно, поэтому второй нано начал удивленно обобщиваться. Но он обернулся для того, чтобы уткнуться носом в дуло автомата.

– Тихонечко ручонки в стороны разведи, – почти умоляюще попросил Дрей. – Вперед немного наклонись, ага. И ладони назад выверни. Теперь колени немножечко согни. Вот так, ага. И попой подвигай.

Насчет попы был перебор. Принцип был правильный – заставить противника шевелиться и выполнять команды. Пока он выполняет чужие команды – он не думает. Не думает, не анализирует, плывет по течению. Тем более, если команды простые и ни к чему не обязывающие. Тем более, если под дулом. Тем более, если ничего немедленной угрозы жизни не несет. Это действовало всегда, и не только на отдельных людей, иногда – на целые народы.

Но последняя команда явно выскочила за пределы разумного. Как только в глазах нано Дрей увидел некоторое сомнение, его ласковый голос резко поменял интонации:

– Ты, трахальщик ботов, сдохнуть хочешь, как и остальные? – кто остальные, Дрей не знал и сам, но звучало вроде как достаточно угрожающе. – Быстро на колени встал!

На этот раз нано повиновался даже быстрее, чем раньше. Тоже, так сказать, метод убеждения.

Снизу, видимо с седьмого, неслышно поднялся Алексей, держа на мушке нового пленного.

– А тебя, надо полагать, окуньком кличут? – невинно поинтересовался Дрей.

– Карп я, – медленно, чуть ли не по слогам, ответил нано. И это был не испуг.

– Ты что, обдолбанный, что ли? Или «Клещей Альцгеймера» себе наколот?

– Да, – медленно кивнул нано, разом подтверждая, что с ним явно что-то не то. – По наследству получил.

Можно было догадаться, что раз по наследству, то речь все-таки шла не о наркотиках, а о культуре «Клещи Альцгеймера». Когда-то творцы называли ее «нано-вакциной болезни Альцгеймера». Но сразу после выяснения всех дополнительных свойств и побочных эффектов от этих ботов они были тут же переименованы в клещей.

Прежде всего, от болезни они действительно избавляли. Напрочь. Прекрасная память, полный контроль сознания, но при этом – высокая вероятность замедления речи и развития легкого слабоумия. Что называется, шило на мыло... Боты были наследственные. Если они оказывались у обоих родителей, то один из четырех детей мог стать слабоумным. Если клещи были у одного родителя – один из двух десятков. Симуляция биологической эволюции. Именно то, чего добивались разработчики последних культур нанороботов.

Но боты передавались. Ряд поздних культур, начавших спонтанно самокорректироваться, был более чист. Хотя, как обычно, на другом конце спектра возникали культуры, убивавшие младенцев с вероятностью в сто процентов.

Боты были живучими, потому что, несмотря на неприятности, которые они несли своим владельцам, они давали и много критически важных качеств. Причем борьба со старческим слабоумием отошла, безусловно, на третий план. А на первом оказалась возможность запоминания информации целыми томами с большим периодом полураспада памяти. Приобретение полного иммунитета практически ко всем вирусам, поражающим мозг и центральную нервную систему. Тот же энцефалитный клещ, к примеру, мог хоть гнездиться в человеке с этой вакциной, – без малейшего эффекта.

Так что боты передавались. Делая живучими целые кланы, пусть некоторые их представители и становились слабоумными.

– Карп, я когда до банды-то доберусь? – озабоченно спросил Дрей. – Иду, иду, устал уже, а все никак никого не встречу...

– Так, того... наверху все.

– На каком этаже, Карп? – опять ласково спросил Дрей.

– Ну, на сороковом ребята наши, – обстоятельно начал отвечать нано. – На сорок первом тоже бываем... На сорок втором пахнет плохо, поэтому не ходим... На сорок четвертом Щука обычно, ну да и все...

– А на сорок пятом, Карп? На сорок пятом что, Щука не живет?

– Нет, сказал же, на сорок четвертом. Сорок пятый занят.

– Занят? Чем занят? Щука там что, склад устроил?

Нано удивился:

– Склад? Какой склад? Там нет никакого склада. Там наш товар, который Щука продать хочет. Парни говорят, что *реально* очень дорого. А больше там никого не бывает.

– Что за товар-то, Карп?

– Щука не говорит. А я когда спрашивал, парни только смеялись. Но обещают, что все будем как люди жить.

– А как люди живут? – Дрей задал этот вопрос сам себе, но медлительный нано начал отвечать:

– Бегать не надо. Стрелять не надо. Жратва всегда есть. Женщины добрые и не смеются. Парни в карты берут играть... – Он бы продолжал еще долго, но Дрей перебил его следующим вопросом:

– Дальше посты есть?

– Постов нет. Но выше двадцатого лестница порушилась. Мы десять этажей по веревке поднимаемся. Можешь считать постом. Наверху автоматчик. Если Щука скажет, ты на веревке висеть и останешься.

– Зачем же Щуке меня так не любить?

– Так ты же Леща по голове ударил?! – вроде как удивился Карп. – Недобрый ты. Значит, тебя парни не любят. Не любят и наверх не пустят.

– Карп, ты рвешь мое сердце, – задумчиво произнес Дрей, – я так надеялся на вашу любовь и гостеприимство, а сейчас что мне делать? До двадцатого еще какие проблемы есть?

– Сегодня не было. За дверьми на этажи смотри. Там могут твари бродить, на этих этажах парни не все проверили.

Дрей кивнул. Обернулся к Алексею:

– Связать. Кляп. Чтобы часа три о нем не думать. Но не обижать, хороший парень.

Алексей кивнул.

Этажи 9-20

Им пришлось остановиться на семнадцатом. Вернее, на лестничной площадке, не доходя одного пролета до этажа. Дверь на этаж была нараспашку. Она была просто вырвана, и сделано это было совсем недавно. Едва держалась на нижней петле. Сквозило, вывороченная дверь слегка билась о стену. Но больше не было ни звука.

Дрей просто стоял и смотрел. Дождался Алексея. Был небольшой шанс, что кто-то или что-то, выбравшееся из-за этой двери, могло двинуться вниз. А тогда доставщику не помешал бы напарник, прикрывающий спину.

Насчет недавно – Дрей был уверен. На этой нижней петле дверь не продержится и часа, поэтому она была вырвана не просто недавно – только что. Сколько времени прошло с того момента, когда здесь прошагали двое nano? Минут десять, пятнадцать максимум. Они не были бы столь беспечны, если бы дверь уже была сломана в момент их прохода.

Следующее, что очень и очень беспокоило Дрея, было отсутствие шума. Пусть даже дверь вырывали, когда они были на десяток этажей ниже – грохот по лестнице должен был стоять неимоверный. Грохота не было – а значит, дверь не просто вырывали, а тихо и аккуратно вывортили. Но, что характерно, не сумели просто открыть.

Доставщик накидал себе списочек из десятка названий тварей, хоть отдаленно подходящих под все происходящее. Оставалось непонятно одно: что любая из них могла делать на семнадцатом этаже здания в давно мертвом мурашнике?

Пододошедший сзади Алексей вслед за Дреем так же задумчиво уставился на вывороченную дверь. Затем повернулся и кивнул головой в сторону окна.

Дрей кивнул в ответ.

Надо было двигаться. Через час наступят сумерки, еще через полчаса не будет видно ни зги. Доставщик положил руку на плечо напарнику. Сделал первый жест двумя ладонями, расходящимися одна вверх, другая вниз по лестнице. Ткнул пальцем в Алексея. Следить за лестницей.

Потом как будто ввернул ладонь горизонтально и ткнул пальцем в себя. Ушел на разведку. Вероятность, что загадочная тварь осталась на этаже, была невелика, но уж больно ему не хотелось оставлять неизвестность за спиной.

Придержав носком ботинка шатающуюся дверь, Дрей потратил несколько лишних минут, вглядываясь в глубину коридора на этаже. Темно. Тихо. Никого.

Теперь следы. То, что здесь кто-то недавно был, казалось очевидным. Пыли у входа не было совсем. То есть пыль, конечно, присутствовала, но все было так истоптано, что рассмотреть следы не удавалось – затворник, сидевший на этаже, сначала долго давил на дверь, прежде чем она поддалась. Может, тварь медлительна и не способна двигаться быстро? Тогда тем более – где она?

Несколько шагов в глубь коридора и повторный осмотр следов. Но легче не стало. Одно было точно – незнакомец или волочился по земле, или полз. Змея? Следов как таковых не

было, но что это еще могло быть? Змея таких размеров, что выворотила металлическую дверь? Логика подсказывала, что так оно и было, но поверить в это не удавалось.

Лестница шла с северо-западной части здания. Дрей проследил след змеи-переростка до восточного крыла здания. Еще одна сломанная дверь внутри, тоже недавно. Стертая пыль на полу. След добирался до окна и на этом заканчивался. Внутри этажа змея немало попетляла, но сейчас уползла, в этом Дрей был убежден. Разве что она превратилась еще и в бесшумную невидимку.

И, вернее всего, в окно она все же залезла, а вышла через дверь. Двигались они снизу, значит, вероятнее всего, теперь придется быть еще осторожнее. К возможным караулам nano добавились еще и какие-то городские анаконды.

Заканчивался второй день Дрея в мурашнике, но уже сейчас самым навязчивым его желанием становилось побыстрее из него выбраться.

Алексей стоял там же, где Дрей его оставил. Ничего не изменилось. Где бы ни была эта загадочная «змея», у них не оставалось времени для занятий прикладной биологией.

Дрей двинулся вверх. Алексей, по уже устоявшейся схеме, последовал за ним с отставанием в полтора-два пролета.

Этаж 19

Пожарная лестница шла, как и полагается, у наружной стены. Но все же это была настоящая лестница в доме – не урбанистическая конструкция из металла, выдвинутая за наружную стену здания.

Нет. Эта лестница была обычной. По два пролета между этажами, наружу выходят небольшие окошки, и на каждом этаже, помимо собственно двери во внутренние помещения, еще одна дверь на небольшой утопленный в стену балкон.

Поэтому выражение «обрушилась лестница», использованное Карпом, было не совсем верным. Обрушилась часть всего строения, вместе с лестницей, стеной, частью помещений здания. Все это просто попадало вниз, покорежилось, в некоторых местах создавая непроходимые завалы, а в других – безобразно обнажив внутренности здания. Не красивые этажи с высокими потолками, как можно было ожидать. Но и внутренние «слоеные пироги» между этажами, наполненные безумным количеством кабелей, труб, проводов и еще неизвестно чем. Все это теперь было бесстыдно выставлено наружу – на обозрение солнцу, под на беззастенчивые прикосновения ветра, под на грубые касания дождя.

Все-таки и это здание не избежало общей участи. С первого взгляда Дрею стало понятно, что подобная дыра в боку здания, похожая на выеденный кусок сыра, не могла быть естественной. Кто-то умудрился взорвать здесь относительно небольшой заряд. Не гранату, конечно, – что-то покрупнее, но не очень уж и глобальное. Основная часть взрывной волны ушла наружу. Это несмотря на то, что взрыв явно был рассчитан на то, чтобы обрушить вниз все, начиная с определенного этажа.

Навскидку Дрей мог бы сказать, что бомбу заложили где-то на двадцать третьем. Заложили неумело, возможно, как раз прямо на пожарной лестнице. Это и спасло здание от окончательного разрушения, а заодно создало сейчас доставщику дополнительные трудности.

Новые хозяева здесь потрудились. Дрей замер на девятнадцатом, глядя наверх.

Раньше лестница была завалена полностью. Здесь явно работали не один день, чтобы расчистить завал и получить быстрый доступ наверх, на более безопасные, как считал местный главарь, этажи.

Наверху никого не было видно. Но это не значит, что там никого не было. Да и Карп верно заметил, что без помощи сверху, просто так перепрыгнуть на десяток этажей выше было невозможно. «Ладно, пускай без помощи, лишь бы не мешали», – подумал Дрей.

Эта дорога была для них закрыта.

Доставщик еще какое-то время смотрел вверх, разглядывая рваные края бетонных перекрытий, запоминая, где и насколько разрушения проникли в глубь здания.

Затем приблизил свои губы к уху Алексея.

– Попрыгунчиков под пулями изображать не будем, – шепотом произнес он и сделал паузу. Алексей кивнул. Одновременно к удовольствию и к некоторому разочарованию Дрея. Не то чтобы он сильно рассчитывал на героизм напарника. Скорее ему хотелось немного позлорадствовать над геройством юного экзо. Сам, что называется, когда-то таким был. Или не был. Ему было сложно сказать это с уверенностью.

– Не будем, – повторил Дрей. – Тебе придется ждать здесь. Жди до упора, понятия не имею, сколько времени у меня это займет. Через пару дней не объявлюсь – вали вниз. Но, надеюсь, что к утру мы со всем этим разберемся. Я попытаюсь найти обходной путь. На этих этажах много разрушений. Дыры. Наверное, можно пробраться. Попроюсь – подниму тебя. Не найду проход – вернусь. Не вернусь – дальше без меня тогда.

Алексей кивнул. Дрей взял оружие, вытащил небольшой моток бечевки и оставил рюкзак на попечение напарника.

Экзо немного углубился в здание на уровне девятнадцатого этажа. Здесь потолок почти не пострадал, и это составляло некоторую сложность. Ему не хотелось переться напролом. Можно было рискнуть и пару этажей преодолеть по открытому пространству, с вероятностью быть обнаруженным в любой момент, но пока необходимости в этом он не видел.

Взрыв вырвал из здания кусок, очень грубо напомилавший часть сферы. Максимальные разрушения приходились на три-четыре этажа выше двадцать третьего. Там Дрей рассчитывал подняться прямо по краю, благо хлама после взрыва оставалось достаточно и даже не пришлось бы прыгать. В этом месте подниматься со стороны лестницы было позволительно – возможный наблюдатель наверху не смог бы рассмотреть ничего.

Сейчас же приходилось искать другой путь.

Как назло, весь остальной этаж остался практически невредимым. Трещины в стенах и потолке, но ничего, что могло бы помочь пробраться наверх. Из наиболее вероятных оставались варианты с шахтой лифта и наружной стеной.

Дрей начал с шахты, благо она была недалеко.

Наружные двери оказались закрыты, и экзо совсем уж было вознамерился потихоньку их открыть, но вовремя остановился. Следы. На остальных этажах свежих следов на пыли почти не было. Да и на этом их было не сказать, что сильно много. Но у лифта следов было полно, как будто вся банда новоявленных хозяев здания успела здесь потоптаться.

Дрей присмотрелся внимательнее и тут же понял, что осторожность не была излишней. У самого пола между железными дверями была протянута металлическая струна. Пять-шесть сантиметров щели между створками и... Он присмотрелся. Да, так и есть, в качестве сюрприза была приготовлена осколочная граната.

Можно было попробовать обезвредить эту нехитрую ловушку. Но Дрей уже решил для себя, что рисковать еще не время. Вариант с внешней стеной тоже был вполне подходящий, хотя доставщик и не мог сказать, что обожает высоту.

Лазать по деревьям ему приходилось неоднократно. Лазать по заборам и стенам сараев – что же, мог он припомнить и такое. Особенный опыт в этом отношении был приобретен, когда Дрей начал ухаживать за своими подружками, родители которых в то время были совсем не готовы к ухаживаниям слишком молодого экзо, не местного, перекаати-поле, к тому же и не собиравшегося оседать.

Но, надо было признаться, что все эти эксперименты в альпинизме происходили, мягко выражаясь, слегка ближе к земле.

Для попытки Дрей выбрал стену с другой стороны от разрушенной лестницы. Большинство из окон на девятнадцатом было разбито, даже осколков было почти не видеть. Доставщик высунулся и посмотрел наверх. Убедился, что и на двадцатом целых окон нет почти нигде. Если перекрытия в этой части здания и выдержали взрыв, то не стекло.

Прыжок метра на два вверх и зацепиться за подоконник. Несложно. Он бы так и сделал, но не вовремя решил взглянуть вниз. Более пятидесяти метров до газончиков внизу моментально остудили его пыл.

Пришлось привязываться. Лишь убедившись, что в случае падения веревка его выдержит, он полез наверх. Прыгать не стал. Снизу было не видно, за что цепляться. Можно было уцепиться неудачно и полететь вниз. Пришлось лезть.

После взрыва и в наружной стене здания кое-где были небольшие трещины, чем он и воспользовался. Пальцы в щель, нога в небольшую выщербину, перенести вес, зацепиться второй рукой, вставить вторую ногу в щель в сантиметре от руки.

Для того чтобы преодолеть расстояние до проема окна на двадцатом этаже, ему понадобилось повторить базовый маневр дважды. Никаких изысков, на счет девять его рука уже крепко зацепилась за остатки рамы.

Этаж 20

Двадцатый был пустынен, как и все этажи до него. Тих, пустынен и переполнен тенями. Наученный опытом предыдущего этажа, Дрей не торопился. Потихоньку добрался до шахты лифта. Ему было чертовски интересно, насколько хорошо нано решили укрепиться в этом здании. Одно то, что Щука решил забраться так высоко, давно его смущало. Но ведь главарь не остановился и на девятнадцатом. А доставщик в красках мог себе представить, каких трудов стоило убедить банду заняться расчисткой завалов, перетаскиванием на веревках наверх припасов и кучей других вещей, связанных с выбором в качестве места стоянки этого скворечника.

После этого – ловушки. Перекрытие возможных обходных путей. Пост внизу был цветочком, как теперь начал понимать Дрей. Его путь к общению с Щукой не будет легким. Но на какие жертвы не пойдешь ради того, чтобы найти хорошего и интересного собеседника. С информацией. С товаром.

Дрей вздохнул. Здесь гранаты не было. Здесь шахта была завалена обломками. Когда хозяева расчищали завал, кто-то умный решил стаскивать куски бетона к лифту, вместо того чтобы просто сбрасывать их вниз, например. Достаточно тупой вариант, но тоже эффективный. Этот завал можно было расчистить либо быстро, либо тихо. Но не то и другое одновременно.

Значит, опять внешняя стена.

Этаж 25

На двадцать пятом ему впервые повезло. Разрушения были настолько велики, что одна из щелей протянулась почти до центра здания. И в эту щель вполне можно было пролезть. Наученный горьким опытом, Дрей не торопился. Обошел весь этаж, осмотрелся.

Как ни странно, ловушек на этом этаже не наблюдалось. Ни одной потаенной веревочки у шахты лифта. Может быть потому, что одна дверь отсутствовала, а вторая была в наличии лишь номинально – валялась на полу неподалеку.

Ничего у окон, ничего ближе к лестнице. Даже следов расчистки завалов на этом этаже не было. Если бы судил о здании по этому этажу, то ушел бы убежденный, что людей в нем не бывало уже десятилетия.

Дрей выбрал место, где стенки щели расходились между собой где-то на полметра – как раз достаточно, чтобы не застрять, но при этом достаточно просто удерживаться, пользуясь неровностями и на той, и на другой стене. Плюс, в крайнем случае, можно было доползти наверх в распорку.

Так что подняться до двадцать шестого оказалось легче всего.

Этаж 26

А теперь Дрей висел. Висел неподвижно и в пятый раз благодарил себя за то, что решил пробираться этим путем. Здесь хотя бы можно было держаться. Прижавшись спиной к одной стороне щели, он упер ноги в противоположную. Ломаные края разрыва нещадно впивались в спину, но ерзать было нельзя. Вообще лучше было не шевелиться.

Он снова, уже по опробованному раз десять методу, уперся левым локтем в выступ в щели и медленно-медленно, по дюйму в минуту, выглянул за верхний край.

Турель по-прежнему стояла на том же месте. Неудивительно. У таких штук существовало только четыре степени боеготовности. Не считая, конечно, степени «сломано», это были: «охрана», «дозор», «боевые действия» и «ярость». Когда Дрей, достаточно осторожный для обычных случаев, но, как оказалось, недостаточно для датчиков движения турели, высунул голову на двадцать шестой, режим боеготовности турели моментально переключился с «охраны» на «дозор». Ему очень повезло, что он успел засунуть свою излишне заметную голову обратно в щель до того, как спаренный пулемет наверху на турели начал стрелять. У этой штуки пули с небольшой огурец, а скорострельность такая, что она способна напизгивать этими огурцами тело отдельно взятого неосторожного экзо за мгновения.

Однако теперь турель была в состоянии «дозор». И как эту штуку обойти, Дрей не имел ни малейшего понятия. Не то чтобы состояние «охрана» ему бы хоть как-то помогло, но все-таки было бы проще думать, зная, что роботизированный спаренный пулемет наполовину спит, наполовину бодрствует.

Он мог кинуть гранату. Просто, быстро и эффективно. И прощай, тайное проникновение. Спускаться назад уж больно не хотелось. Тем более что с каждый новым этажом дела становились все хуже и хуже, как он теперь понимал. Банда постепенно усиливала оборону по мере приближения к сороковому. Он понятия не имел, от кого они собирались отбиваться с помощью этой турели, и как-то не очень хотел узнавать.

Где они ее нарыли? Подобных игрушек военных закатного времени было полно кругом, но чтобы они еще работали – вот это было редкостью.

А эта работала – стволы синхронно ходили из стороны в сторону, и сейчас преимущество отдавалось тому направлению, откуда высунулся Дрей. Небольшая экономия на развороте, простейший алгоритм, но доли секунды отыгрываются. Потенциально эта штука могла перехватить и гранату в полете, хотя Дрей не очень в это верил.

Турель держала под контролем почти весь этаж. Изначально он был, видимо свободной планировки, nano вынесли из него весь мусор перед установкой пулеметов. Так что сейчас на всем этаже зону покрытия турели загромождали лишь несколько несущих колонн, которые никак не могли помочь Дрею в том месте, в котором он находился.

Тянуть можно было до бесконечности, в надежде на то, что вот как раз сейчас турель выйдет из строя. Дрей вздохнул и начал спускаться.

Этажи 25–30

Раз шума не избежать, то надо добираться до поста максимально быстро. Экзо не хотел верить, что и выше могут быть еще пулеметы, но приходилось принимать во внимание и эту возможность.

Кроме этого, многое зависело от того, насколько совершенная модель турели стояла наверху. Модель или модели. Конечно, какое-то управление у них было, но какое? Турель отключали каждый раз, когда кого-нибудь поднимали или отпускали? Или просто место взрыва, обрушившаяся лестница, где сейчас бандиты транспортировали себя вверх-вниз на веревке, находилось вне зоны действия?

Второе было бы предпочтительней. Дрей, очевидно, готовился к первому.

Он еще раз высунулся и взглянул наверх, стоя на краю проема. Итого, до дыры наверху оставалось пять этажей. Двигаться придется рывками, с небольшими передышками там, где можно хотя бы надеяться не оказаться в зоне действия датчиков движения.

И последнее. Пост наверху. Даже если можно обхитрить турель или турели, то все равно придется двигаться быстро, чтобы добраться до дозорных раньше, чем они начнут стрелять.

Дрей несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул воздух до отказа. Гипервентиляция легких привела к мгновенному повышению адреналина в крови, что должно было ему сейчас пригодиться. Он прыгнул.

От перекрытия, которое можно было назвать полом двадцать пятого, до потолка он добрался за доли секунды. Времени посмотреть на реакцию турели у него не было, но ему думалось, что она вряд ли даже успела развернуться. И точно уж не стала менять режим.

Это были два прыжка. Сначала он оттолкнулся, сделал рискованный рывок и зацепился за изогнутый металлический прут, торчавший из верхнего перекрытия. Не задерживаясь, пользуясь прутком, как точкой опоры, он слегка изменил траекторию и плавно вошел в небольшую нишу. Теперь он был уже внизу двадцать седьмого, над турелью.

Короткий взгляд наверх. На двадцать седьмом турелей было две. Но Дрей был предупрежден, поэтому его движение оказалось настолько коротким и быстрым, что датчики даже не успели сработать. Один взгляд, и его голова снова спряталась за бетоном.

Да, к чему бы эти ребята ни готовились, делали они это серьезно. Целый арсенал роботизированных охранных систем. И это только на подступах. Дрей начинал сомневаться в том, что ему удастся добраться до культурного разговора со Щукой.

Проскочить двадцать седьмой ему удалось за три прыжка. Двадцать восьмой был без турелей. Вернее, если они и были, то где-то в другом месте. Здесь прыгать не пришлось. Вертикальная часть одной из перегородок осталась почти неприкосновенной, и Дрей пробрался по ней.

Перед двадцать восьмым ему пришлось задержаться секунд на пять – слишком долго переваривал увиденное. На этаже были расставлены, аккуратно расставлены, несколько десятков ящиков. В разных местах на ящиках виднелись одни и те же значки, которых раньше Дрей видеть не приходилось, тем не менее он знал, что это такое. Рассказывали и не раз. Еще одна легенда, из тех, что слишком часто в этом мире превращаются из вымысла в реальность.

Корпорация «Международные производители средств защиты, охраны, спецоборудования, армейского снаряжения». На логотипе обычно писали «Корпорация роботизированных систем». Логотип – маленький смешной человекообразный робот-игрушка, какие делали еще до Заката.

Перед каждым ящиком, рядом с ним, стояла небольшая металлическая зверюшка. Всего их было около тридцати. У одной дуло автоматического оружия торчало прямо из пасти. У другой – на каждой лапе поблескивали лезвия, стилизованные под когти. И все они были выключены. Пока выключены.

Дрей начинал догадываться, что таинственная змея с нижних этажей когда-то должна была вылезти из одной стоящей здесь коробки. Почему-то ожила и поползла прогуляться.

Итак, это был арсенал. Игрушки выключены, но будут включены мгновенно, как только появится что-то, угрожающее банде. Опять же, в который раз, Дрей смог убедиться, что все это не по его душу. Никто не стал бы так готовиться к приему единственного доставщика.

Он проскочил дальше, к двадцать девятому. Этот этаж был пуст, и ему оставалось всего несколько метров до квадратного отверстия наверху, за которым должны были дремать охранники. Доставщик надеялся, что они дремали.

Он рассчитал последний рывок. Получалось три прыжка. Один чуть левее, нога упирается в огрызок вертикальной стены. Второй вертикально вверх, рука цепляется за щель в

потолке, внутри которой виден металлический прут. По инерции его тело заносит, и это позволяет ему оттолкнуться ногой вон от того выступа. И третий прыжок аккуратно ввинчивает его в дыру. Он не просто оказывается на тридцатом, он оказывается там готовым к действию, что было важно.

В проеме наверху послышался легкий шорох и появилось лицо.

– Что-то они долго, – сказал выглядывающий нано кому-то невидимому. Он говорил последний слог, когда его зрачки начали расширяться – в них отразился висящий на перекрытии Дрей.

Экзо прыгнул. Два прыжка – и он плавно вошел в проем, по пути сбив с ног выглянувшего нано, отправив его в бессознательное состояние и заодно придержав, чтобы тот не повалился в проем.

На тридцатом этаже было трое охранников. Оставшиеся двое успели с оторопью посмотреть на незваного гостя к тому моменту, как он уже вырвал оружие у них из рук и наставил его же на бывших владельцев.

– Я с Щукой пришел поговорить, рыбки, – как можно вежливей произнес Дрей. – Не затруднит сообщить о моем прибытии?

Глава пятая. Защита неба

«Миротворец Peace Maker». Мутация, переводящая ряд навыков ведения переговоров на рефлекторный уровень. В реальности это набор мутационных изменений небоевого характера, связанных с временным изменением поведения и физических реакций объекта. Весь набор предназначен для осуществления функции влияния.

На сегодня наиболее существенными из классифицированных являются следующие отдельные мутации группы:

«Миротворец NLP-14». Синхронизация скорости и глубины дыхания объекта с аналогичными параметрами у целевого собеседника. (Также встречается под названием «Дыхание дружбы».) Имеет один неприятный побочный эффект. При «разговоре» с трупом тренированный объект может довести себя до самоубийства.

«Миротворец NLP-177». Синхронизация скорости речи и тембра голоса объекта с аналогичными параметрами у целевого собеседника. (На ряде восточных территорий известна под названием «Краснобай».)

«Якорь Миротворца». Синхронизация микроперемещений тела объекта во время ведения беседы с аналогичными перемещениями у избранного собеседника.

«Мим Миротворца». Объект имитирует мимику собеседника. К сожалению, большинство подвидов этой мутации работает слишком грубо и приносит обратный эффект – впечатление «передразнивания». Именно поэтому мутация значительно более известна под именем «Обезьянник».

Большинство отдельных мутаций группы имеют повышенный уровень закрепляемости у наследников. Набор разрабатывался международным сообществом ученых (сетевое имя до Заката: «Генетический договор») в целях ультимативного снижения агрессивности объектов за счет повышения эффективности ведения переговоров. После нератифицированного распространения группы «Миротворец» ученые, принадлежащие к «Генетическому договору» подверглись преследованию. Считается, что наличие этих мутаций у экзо во времена Заката позволило повысить выживаемость популяции на несколько процентов.

Кроме мутаций категории «Миротворец», в ту же группу можно условно отнести следующие основные мутации (разработанные другими учеными, авторство утеряно):

«Угроза Ада», также встречается под названием «Мнимая угроза». Во время переговоров объект совершает ряд микро-движений и мышечных сокращений, заставляющих собеседника неосознанно воспринимать объект как более сильный, влиятельный. Мутация относится к классу предбоевых.

«Непоколебимость». Различают пять уровней этой мутации, в зависимости от силы нейтрализации. По сути своей, мутация снижает любые микровоздействия на объект во время разговора. Считается, что создавалась

военными лабораториями в целях нейтрализации эффекта группы мутаций «Миротворец».

Библия Экзо. Приложение 3 «Классификация известных мутаций». Указанный источник: «Вестник Центра статистики экзо», Академгородок, 2011 д.з.

«Волшебный голос Джельсомино». Гемм класса небоевых. Считается усложненным аналогом «Миротворца NLP-177». В данном случае упор делается не на синхронизацию, а на контролируемые отклонения как тембра, так и громкости голоса от аналогичных параметров у собеседника. Разработка этого гемма была основана на теории «эффект хорового пения».

Практическую ценность оценить сложно, так как гемм относится к полумифическим. В наследственном варианте не встречается. Не закрепляется на генетическом уровне. Не имеет аналогов в списке мутаций. Существование гемма как такового ставится под сомнение.

Библия Экзо. Приложение 2. «Наши знания о геммах». Указанный источник: Логинов Н.Ч., д-р биол. наук. Мифы современного мира. Правда и легенды генетических модификаций. М.: Армада-Экзо. 2013 д.з.

Дрей огляделся. Тонкая веревка, снабженная узлами через каждые полметра, обнаружилась прямо около провала. Один ее конец был привязан к выступающему из бетона швеллеру, второй болтался в дыре.

Экзо пнул весь ком неаккуратно уложенной веревки, так, что она постепенно поползла вниз, все быстрее и быстрее, пока в проем не ухнула, расправляясь, вся бухта. Даже если где-то немного и запуталась, то нестрашно – Алексей внизу дернет, выпрямит.

– Когда вас сменят? – обратился Дрей к охранникам, которые пока даже не успели пошевелиться.

– Часа через три, – ответил, видимо, тот из троих, кто был у них старшим. – Ты кто? Как сюда...

– Помолчи пока, пожалуйста, ладно? – Дрей был сама вежливость. – Будет еще время поболтать.

Экзо выглянул в отверстие. Алексей, который до этого не высывался, теперь все же показался. Расстояние было большим, но Дрей решил, что раз он видит напарника, то и тот тоже сумеет опознать в фигурке наверху своего.

Дрей помахал рукой. Потом пнул веревку и распахнул гротескное объятие, как будто обнимал целое дерево, а не всего лишь предлагал взяться за веревку и начать подъем.

Алексей его понял. Он уцепился за веревку и быстро начал карабкаться вверх. Но у доставщика было сильное желание еще ускорить события.

– Ты, – обернулся Дрей к старшему из охраны, – скажи, те пулеметы не шарахнут по человеку на веревке?

– Ты откуда про пулеметы...

Дрей чуть качнул дулом автомата.

– Нет, не шарахнут. Дыра на месте лестницы и веревка не входят в периметр. За ней мы сами, глазками смотрим.

– Плохо смотрите, – Дрею необходимо было постоянно держать охранников в легком напряжении. Бунт ему сейчас был не нужен. – Ладно, взялись за веревку вдвоем и быстро помогли Алексею подняться.

– Кто такой Алексей? – открыл рот второй нано, видимо, не слишком сообразительный.

– А вот поднимете, познакомлю. Хороший парень, и молчаливый, в отличие от некоторых. Давайте шустрее, время не ждет.

Алексей был наверху через минуту. Молча кивнул, осмотрелся и аккуратно вытащил обрез из рук третьего охранника, все еще валявшегося без сознания. Решив этим не ограничиваться, похлопал его по карманам. Нашел одну осколочную гранату и огрызок от сухаря. Сухарь тут же отправился в рот, а гранату – в накладной карман на куртке.

Три пары глаз следили за этими действиями. Если Дрей отнесся ко всему достаточно спокойно, то охранникам стало ощутимо не по себе от бесцеремонности нового гостя.

– Скажите, Щука вообще товар продает, или мне прямо сейчас вас начинать вниз скидывать? – Дрей решил, что чем быстрее у него будут ответы на те вопросы, которые его волновали больше всего, тем лучше для всех.

– Продает, но... – старший из нано задумался, пытаясь сформулировать мысль.

– Что? – быстро переспросил его Дрей. – Как тебя звать вообще?

– Николай, – автоматически ответил нано.

– Николай? Не окунь, не карась, не рыба-меч? Просто Николай?

– Ну да, Николай. – Кивнул нано. – Хочешь, зови Мормышкой, но не люблю я эту кличку.

С этими словами старший грозно посмотрел на второго охранника, как бы показывая, что к тому это разрешение никак не относится.

– Да? Ну тоже почти рыба. Так что, Николай? Какие у нас проблемы с торговлей?

– Да не думаю, что ты похож на покупателя, вот и все, – бормотнул нано и слегка втянул голову в плечи.

– Это почему это я не похож на покупателя? – теперь уже искренне удивился Дрей. – С каких это пор покупателей вообще по внешности определяют?

– Не по внешности, – все так же невнятно отвечал нано. – Просто несерьезно. Под такой товар покупатели приходят не по одному. Они приходят такой толпой, что даже всей нашей банде с ними не справится. Чего думаешь мы сюда залезли? Да просто чтобы сделка честная была, вот и все.

– Так вы здесь покупателя ждете? Определенного?

– Не знаю. – Николай решил, что и так уже сказал достаточно. – Щуке все вопросы задавай. Захочет – ответит, не захочет...

– ... Все равно ответит, – закончил за него Дрей. После чего повернулся ко второму. – А тебя как звать, дорогой?

– Сорогой кличут, а чего?

– Слышь, Сорога-Сорожка, а не сплаваешь до Щуки? Хочу с ним поговорить. Скажи, что встретимся с ним на лестнице этажом выше. Без оружия, и я и он. Я просто поговорить хочу. Лады?

Нано сначала немного замешкался, потом быстро закивал и рванулся в сторону лестницы.

– Да, рыбка! Еще того, Щуке передай, что ни одна его долбаная турель, ни один робот больше не заработают, если он решит со мной побыковать, понятно?

Нано кивнул напоследок еще раз и исчез на следующем пролете лестницы.

– Друг Николай, а раз нам все равно твоего хозяина ждать придется...

Нано перебил доставщика сразу же, на что Дрей и рассчитывал:

– Щука мне не... хозяин! Просто Щука у нас голова. Все решает. И ни одной подставы еще не было. Но мы вольные – хотим с Щукой дальше идем, хотим – на своих двоих и со своими мозгами топаем. Дело вкуса...

– Ну да, – вежливо покивал Дрей, явственно показывая, насколько он не поверил ни единому слову. – Так вот я и говорю, вольный человек, про товар-то не расскажешь на два слова поподробней? Пока суть да дело?

– Чего же ты такой умник сюда приперся за товаром, про него не узнав? Ты покупатель вообще? Я же говорю – непохож ты на покупателя.

– Не покупатель я, верно заметил. Доставщик я. Доставка товаров. Покупатель меня послал товар забрать...

Николай ржал в полный голос. Это было достаточно громко, чтобы заставить Дрея серьезно задуматься о том, а не присоединить ли «вольного» ко все еще лежащему рядом напарнику.

– Спокойней, Николай, – экзо примиряюще помахал дулом автомата. – Я понимаю, что не местный и многого в ваших обычаях не знаю, но что столь смешного я сказал?

– Ты... – Нано продолжал смеяться, но хотя бы затих настолько, чтобы пытаться говорить. – Ты... даже... не покупатель... Ох, сейчас прямо здесь сдохну...

– Помочь? – участливо поинтересовался Дрей.

– Не... не надо. Ох... – смех Николая наконец иссяк. – Это же надо. Значит, ты сюда приперся за товаром, а сам даже не покупатель? Кто же тебя так подставил? Не след, конечно, настоящему нано советы экзо давать, но я тебе все-таки дам один. Вали отсюда, пока можешь. Найди заказчика и башку ему свинти. Опять же, если можешь. За такую подставу.

– Чего так?

– Да тебе хоть сказали, что у нас за товар? И сколько мы за него хотим?

– Товар ценный, я знаю...

– Ценный? Ты просто олух, поверь мне. Это не какой-то там «ценный» товар, этот товар такой крутой, что за ним в одиночку не приходят. Мы всей бандой держаться собираемся – и мы заранее готовились.

– Вы настоящие бойцы, – кивнул Дрей. – Крутые к тому же, вижу. Из двух десятков шестерых мы уже прошли. Сорогу вот правда отпустили... Сейчас он возьмет чего потяжелее и со мной расправится...

– Тебе просто повезло, мутант.

– Ага, – кивнул Дрей, – но вот почему ты считаешь, что и другим так не может повезти?

Нано насупился. Разговор был закончен. Дрей повернулся к Алексею, откладывая в сторону оружие:

– Держи этих двоих очень внимательно. И по сторонам поглядывай. Что внизу-вверху – тоже. Чтобы я за тыл хоть был спокоен.

Алексей кивнул. Дрей кивнул ему в ответ и, избавившись ото всего, что можно было счесть за оружие, пошел наверх. Слабая надежда, что randevu состоится по правилам, все же была, а идти наверх с ножом или без ножа – большой разницы не было.

Щуку долго ждать не пришлось. Дрей почувствовал движение сверху. Они сходились к точке randevu практически одновременно. Один пролет оставался Дрею, один пролет оставался предводителю банды. Четыре-пять шагов вверх по лестнице или пара прыжков, и Дрей должен был встретить лицом к лицу человека, который смог бы ответить на многие из его вопросов. Если бы захотел это сделать.

Дрей предпочел солидность мальчишеской удали. Четыре широких шага вверх по последнему пролету. Щука предпочел то же самое. Четыре шага вниз.

Но не предпочел, а предпочла.

Брюнетка, гроза мужских сердец, и не только и не столько из-за ангельского личика. Фигурка у нано тоже не подкачала. Невозможно было сказать, помогли ли этой фигуре нано-боты или постаралась природа, но результат впечатлял.

Щука была на голову ниже Дрея, но когда она посмотрела ему в глаза, Дрею совсем не показалось, что она смотрит на него снизу вверх. Моментально становилось понятно, почему эта женщина сумела удержать под своих контролем целую банду.

Внешность главаря так выбила доставщика из колеи, что он сказал совершенно не то, что собирался вначале:

– Рад нашей встрече, прелестная хозяйка, – произнес Дрей, отчетливо понимая, насколько идиотски звучит эта фраза на площадке пожарной лестницы тридцать первого этажа полуразрушенного здания.

– Не могу ответить тебе тем же, мутант. Что забыл здесь? – Щука остановилась слегка ближе, чем по многим причинам предпочел бы Дрей. Затянутая в кожу грудь нано почти касалась груди Дрея, – и это была одна из причин.

«Гибкая девочка», – рассеянно подумал Дрей, судорожно соображая, как построить разговор. Информация на входе оставалась одна и та же, но методы ее подачи волей-неволей приходилось срочно пересматривать.

– Пока – просто поговорить заглянул, – ответил Дрей. Это не было ответом. Это вообще была просто реплика. Но ему не доставало информации. Поэтому экзо предпочел отдать инициативу собеседнику. Не очень правильно, но выбирать не приходилось.

Щука не поддавалась.

– Считаю, поговорил. Дальше что?

– А как скажешь, хозяйка, – с легким, но отчетливым сожалением в голосе ответил Дрей. – Не получится разговора – уйду. Получится – может, порешаем вопросы к обоюдной пользе.

– От кого ты, мутант? – Щука сощурила глаза и грациозно отстранилась, как будто желая рассмотреть необычного гостя во всей красе. – Не от Восьмиланого ведь пришел, этот паук никогда экзо к делам не привлекал. На кого ты работаешь?

– Это важно? – Дрей тянул время, как мог. Каждое лишнее слово давало информацию. Каждая лишняя минута, проведенная без стрельбы, повышала шансы на то, что стрелять и не придется.

Щука вздохнула и изобразила на лице нечто вроде усталости. При этом сделала еще полшага назад. Так, даже не полшага, а просто отставила одну из ног на полступни, упершись в ступеньку. Не нравились Дрею эти движения, но пока что он решил не реагировать.

– Зовут тебя как, мутант?

– Андрей, хозяйка, – слегка поклонился Дрей. Вместе с поклоном он тоже чуть подвинул опорную ногу. Несильно, просто чуть повернул пятку так, что носок на ботинке начал смотреть внутрь.

– Ты не дергайся, Андрей, – все так же демонстративно равнодушно произнесла Щука. – Никто тебя пока не трогает, так что можешь расслабиться. Так вот, послушай спокойно, что скажу. Андрей, Андрюша... Все, о чем я тебя спрашиваю, – важно. Все, что ты ответишь, – тоже важно. Потому что от этого будет зависеть, уйдешь ты отсюда обратно по лестнице или просто полетишь вниз, выброшенный из окна. И, если ты не умеешь летать, а о таких мутациях я пока не слышала, на земле около здания появится еще одно красное пятно, слегка припорошенное осколками костей. Мясо твое сгниет быстро. Кости – нет. Кости так и будут валяться, если крысы не растащат.

– Как ты, хозяйка, жестока к гостям... – вставил Дрей.

– Так я спрошу еще раз: в какой ты бригаде? Постарайся просто ответить, ладно?

– Я ни в какой бригаде, хозяйка. Одиночка.

– Одиночки долго не живут, знаешь? – Не поверила ему владелица небоскреба, точно не поверила.

– Значит, я очень изворотливый одиночка. – Андрей стоял почти неподвижно. Как только он убедился, что вероятность разговора выше, чем возможность немедленной драки, в дело вступили совершенно другие его таланты. Он умел вести переговоры – в конце концов, это в

какой-то степени было его основным занятием в тех, пусть и редких случаях, когда он имел дело с людьми.

Что-то из его навыков было благоприобретено, что-то досталось ему по наследству. Важно было другое – в условиях отсутствия явного противостояния (как сейчас) он мог уговорить собеседника на достаточно выгодные условия. На такие, какие тот и не подумал бы пойти в начале разговора. Среднестатистического собеседника. К коим Щука никак не относилась.

Дрей затруднялся сказать, какие именно нанокультуры могли быть аналогами всевозможных «Миротворцев», доставшихся ему. Он также понятия не имел, где Щука могла получить эффективные навыки ведения переговоров. Тем более, если помнить о том, что она сейчас стояла во главе вооруженной группы, а значит, с навыками убеждения особо не поэкспериментировать – пара лишних слов и у банды другой главарь.

Но результаты были налицо. Брюнетка-атаманша не просто не поддавалась его «чарам», но и сумела удержать разговор на равных.

– Ты хочешь умереть, мальчик Андрюша?

– Сегодня – нет, девочка с погонялом Щука.

– Иногда я позволяю звать себя Мариной. Я еще не решила, позволить ли это тебе.

– Если это поможет твоему решению, то могу повторить – ни слова неправды не было произнесено.

– Пока поверим. И что? Зачем ты здесь тогда, герой-одиночка?

– Ты понимаешь, хозяйка, что я не покупатель. Но я представляю покупателя, который готов отдать очень многое за твой товар.

– Я знаю имя?

– Должна. Я исполняю заказ Еврея-Ленивца. Если ты слышала имя, то знаешь, что он не нарушает обещаний.

– Я слышала имя, – кивнула Щука. – И знаю его репутацию. Но есть несколько проблем...

– Одна – то, что я не Ленивец, – кивнул Дрей. – У меня есть разовая рекомендация.

– С картинкой?

Дрей кивнул:

– Полминуты видео. Тебе понравится.

– Легко проверить. Но даже если и так, то это ничего не поменяет, тем более я никогда Ленивца не видела. Залетный Андрюша, видимо, все еще не представляет размер бедствия. Ты хочешь зайти в игру, для которой у тебя недостаточно фишек даже на одну ставку. Ленивец, кстати, тоже вряд ли наскребет.

Дрей вопрошающе-поощрительно приподнял брови.

– Мои покупатели уже на подходе. Это раз. Стоимость сделки такова, что кинуть может даже Еврей. Это два. Стоимость сделки такова, что никаких отложенных платежей быть не может вообще. Товар меняется на товар. Сразу. И даже при этом я боюсь, что у меня не хватит людей.

– Даже здесь?

– Да, мальчик Андрюша, даже здесь. Против настоящих бойцов, как ты успел проверить, бригаде не выстоять.

– Позвольте мне заметить, Марина, если я могу вас так называть, что в это сложно поверить. Вы занимаете стратегическую высоту, два десятка парней, подготовленный периметр... Кто соберет бригаду, способную к эффективному захвату товара?

– Найдутся и такие, – уверенно сообщила Щука. – Найдутся, не волнуйся. Из торговцев-нано – тот же Восьмипалый, в конце концов. Это к примеру. Но придут не торговцы. Придут конечные покупатели или их самые доверенные люди. И людей для атаки у них будет достаточно.

– Не дешевле будет заплатить? Не класть трупы штабелями?

– В этом и вся комбинация. Я не знаю. Но делаю, что могу, чтобы это оказалось так. Чтобы гостям дешевле было провести сделку честно.

– Хочешь – я заберу товар. Пусть охотятся за мной.

– Ты не понял? Этот вопрос я себе задавала с самого начала – стоит ли ввязываться. Но мы уже ввязались. Все – обратной дороги нет. Нас всех положат просто для того, чтобы информация о культуре не распространилась. Может сложиться и так. Это сделка – одна на всю жизнь. Либо нам заплатят – и можно строить свой поселок, покупать жен – а мне мужей, – и на несколько поколений вперед вообще не думать ни о чем, кроме как о защите сбережений.

– Расскажи мне о товаре. – Дрей пошел ва-банк, пользуясь тем, что разговор завязался. Пока у него не было деталей, придумать ничего больше он не мог. А брать на веру страшилки Шуки было вроде как просто не к лицу.

– Не расскажу, – спокойно ответила Шука. – Не нужно. Но у меня к тебе предложение. Будешь слушать?

– Да.

– Уходи. Это вариант один. С учетом того, как ты ловко дошел сюда – мне не хочется тебя выбрасывать из окна. Ни тебя, ни твоего приятеля. Просто потому, что это, вполне возможно, будет сопровождаться потерями в моей и так слабой команде.

Дрей молчал. Марина помолчала тоже, после чего все-таки спросила:

– Ну?

– Я хочу услышать другие варианты.

– Вариант второй. Мы с тобой договариваемся. Заходишь к нам в команду. Ребята не любят мутантов, но несколько дней потерпят. Тебе и твоему – по равной доле, как и всем нам, если дело выгорит. Условие – пойдете по первому краю, если что не так. Впереди меня, впереди всех. Мы вас не знаем, и оставлять тылы на мутантов я не намерена.

Дрей молчал. На этот раз Марина почти не ждала.

– Ну?

– Вариант второй меня устраивает больше, с учетом того, что Еврей заплатил бы мне только за результат, а он, как я вижу, не срастается. Не в том виде, как хотел Ленивец.

– За товаром последние месяцы гоняется так много перекупщиков, что у очень многих из них не срастется. Не волнуйся. Это их риск.

– У меня будут условия, – продолжил Дрей.

– Не думаю, – коротко качнула головой атаманша.

– Будут-будут, не сомневайся, – усмехнулся экзо. – Мне кажется, что всем нам будет лучше, если мы договоримся.

– Я готова послушать. Но не больше.

– Я участвую в переговорах. Охранником. Мне рассказывают об активной части обороны. До начала.

– Зачем тебе быть на встрече?

– Мне почему-то кажется, что это поможет. Прежде всего тебе... А если уж я в деле, то очень заинтересован, чтобы оно выгорело.

– Что еще?

– Больше ничего. Но есть просьба. Не жадничать.

– Поверь мне, оплата будет такая, что жадничать никому и в голову не придет.

– Так что за товар? Покажешь?

Марина молча покачала головой:

– Незачем, да и... незачем. Товар дорогой, и я не пускаю наверх никого, даже из своих. Лишние соблазны ни к чему.

– В чем будет оплата?

– Запрос был всеерный, так что не прогадаем. Притащат всего понемногу...

– Транспортабельно?

– Не разочаровывай меня, Андрюша. Конечно.

Дрей кивнул.

– Я в деле. – Он отступил на шаг назад и слегка поклонился, как делал всегда, когда подписывался под работой. – В деле до тех пор, пока сделка не будет завершена и мы не разойдемся с оплатой.

– Ты понимаешь, что возможны варианты? – Марина искала подвох.

– Конечно. Но нам с тобой и так понятно, о чем мы говорим. И еще – экзо – со мной. Его доля такая же, как и у всех. И я не обещаю, что буду вежливо терпеть грубости твоих парней, если что...

– Не до того будет, ни им, ни тебе, не волнуйся. – Марина слегка расслабилась. – Зови напарника, покажу, что да как.

– Специфику товара хотелось бы знать.

– Оно тебе зачем? Расскажу, что сама знаю. Знала бы больше, может быть, и не продавала бы. Да вот толку от штуки, которой не знаешь, как пользоваться, никакого.

– Это Тунец и Кета, – Шука постепенно знакомила их с периметром, не обращая, впрочем, особого внимания на Алексея. Одним из достоинств атаманиши можно было счесть то, что она быстро и безжалостно расставляла людей по рангу. Дрей, по ее мнению, был человеком, с которым она могла и хотела разговаривать. Алексей же был экзо, присутствие которого она всего лишь терпела ради того же Дрея.

– Они держат запад, юго-запад.

– Пока все спокойно, – без вопроса ответила Кета, второй представитель женского пола в банде. Кета, судя по всему, помогала стрелку, вела наблюдения, готовилась корректировать огонь. Парочка вообще была живописная. Тунец расположился у крупнокалиберного пулемета, который был превращен в стационарную огневую точку – «ножки» были просто прикручены к полу. Прикручены на совесть. Сначала с пола содрали покрытие, какой-то древний прогнивший линолеум, затем полностью очистили от кое-где крошившегося бетона, и лишь затем пробили в монолитной массе отверстия глубиной сантиметров десять. И, наконец, «прикрутили» одноразовыми шурупами-гвоздями, которые можно было загнать в отверстие, но не вынуть обратно – разве что вместе с куском бетона. Этот пулемет явно навечно принесен в жертву периметру.

Дрей заметил один из этих одноразовых шурупов, согнутый и валяющийся неподалеку. Трудились над огневой точкой достаточно долго, и явно по ходу было сказано немало слов, которые экзо предпочитал не употреблять в обществе женщин.

– Тунец – лучший стрелок в группе. – Шука вообще любила хвалить своих людей, делала это по поводу и без повода. Что бы она ни думала о них на самом деле, на их самооценку это никак не влияло. В глаза она всегда говорила о каждом самое хорошее. Тоже не самое плохое качество для желающего власти человека, хотя и, по мнению Дрея, это качество попахивало.

Стена около пулеметной точки, для полного счастья стрелка и наблюдателя, была разломана везде, где это хотя бы в малейшей степени могло помешать обзору.

Оптический прицел, достаточно кустарно приделанный к пулемету, но при этом явно пристрелянный, и бинокль у Кеты на скромном треножничке довершали картину, еще раз подчеркивали серьезность намерений банды обороняться в этом месте хоть до второго пришествия, если понадобится.

– Каждый покупатель предупрежден, что подходить к зданию не может ни одна группа более трех человек. По остальным будем стрелять.

– Так мы все-таки попали под критерий покупателей? – Дрей усмехнулся.

– Нет, просто эти шляпы пропустили ваше прибытие с востока, – тихо ответила Щука, вначале отойдя в сторону от точки. – У меня недостаточно людей на все. Нужно держать три смены, нужно выходить на разведку в город, нужно много чего. На востоке в тот момент был один с биноклем, да и то спал, как потом оказалось. Вам просто повезло.

– Ага, – согласился Дрей, не меняя своей интонации, – нам везет сегодня просто непрерывно. На подходах, на шестом, на тридцатом. В нас не стреляют турели, нас не видят. Я просто даже начинаю бояться того, что произойдет, когда мое везение закончится. Мне оно нравится.

– Не хами, экзо, – небрежно ответила Щука. – Ты прошел потому, что мы не рассчитывали на проход одного диверсанта. Мы ждем группу, большую группу. Причем, по очевидным соображениям, с запада, а не с востока.

– А я пришел почти один, с востока, и не груженный тоннами бус на обмен, – согласился Дрей.

– Каких бус? – подозрительно покосилась Щука.

– Что скажешь? – спросила Щука, когда они обошли почти весь периметр.

– Скажу, что ты не рассказала пока самых интересных вещей, – спокойно ответил Дрей. – А по дозору сказать особо нечего. Добавь наблюдение за стенами, чтобы никто вслед за мной не прошел путем альпинистов. Посади постоянного слухача у лифтов с открытыми створками – никто не сможет там подняться тихо. Если просто слушать, то любой подъем можно засечь.

– Сделаем, – кивнула Щука. – Я видела зеркала на нескольких этажах, нужно будет вытаскивать за окна и наблюдать через них.

– Как-то так, – легко согласился Дрей. – Или просто выглядывать из окон время от времени. Сложно укрыться на ровных стенах. Следующий альпинист должен быть еще везучей меня, чтобы пройти незамеченным.

– Какие у нас шансы? – продолжала вопросы Марина. – Если покупатель решит нас кинуть, то сколько народу мы положим, прежде чем начнется месиво?

– Равное количество, – пожал плечами Дрей. – Два-три десятка при хорошем раскладе для нас и плохом для них. Ты же не думаешь, что они пойдут прямо под твоими пулеметами? Найдут какие-нибудь лазейки. Тырнутся там, дернут здесь, просочатся. Но я жду настоящей информации. По-прежнему жду.

– Что тебя волнует? – со вздохом спросила Щука. – Товар? Так товар как товар, с той лишь разницей, что за него отваливают кучу, очень большую кучу всевозможного очень ценного и полезного дерьма.

– Что за товар? Подробней.

– Товар, – заученно начала Марина, – относится к разряду компонентных. Другими словами, у нас здесь всего лишь один из трех необходимых компонентов для создания гемма.

– Спецификация есть?

– Спецификация чего?

– Ну не компонента же, – фыркнул Дрей. – Пожалуйста, Марина, прекрати шифроваться и дай мне хотя бы необходимый минимум. У меня нет никакого, просто ни малейшего желания вытягивать из тебя слово за словом.

На обвинения Щука внимания особо не обратила, но ответить – ответила:

– Спецификации гемма я не знаю. Ходили слухи, что что-то относящееся к коррекции поведенческих характеристик.

– И всего-то? – удивился Дрей.

– Гемм имеет совмещенного переносчика аэрозольного типа, а не просто наследуется по обычным признакам. Вирулентность девяносто девять с дробью.

Дрей присвистнул. Щука тут же добавила:

– Это всего лишь слухи.

– Ага, но из-за этих слухов ты пулеметы к бетону привинчиваешь, – рассеянно откликнулся Дрей. – Так все-таки, на какую тему могут быть эти коррекции? У тебя есть мысли?

– Нет. Да и неважно. Но, по очень простым соображениям, достаточно интересные, если народ может ради них попереть на стационарные пулеметные гнезда.

Дрей лихорадочно размышлял. Поведенческих геммов было очень немного, большинство из них еще во времена Заката не выдержали псевдоэволюции по варианту сокращенной басни, так как имели кучу побочных эффектов. Любая попытка влезть в сознание давала такой шлейф неконтролируемых дополнений, что носители становились нежизнеспособными. Точка. Но некоторые геммы, некоторые мутации выжили. У Дрея был «Миротворец», причем в достаточно удачной комбинации. У Дрея был «Ацтек» – полное подавление эмоций на период до часа с откатом в течение еще двух часов. Но это были мутации – ни одного гемма коррекций Дрей никогда бы в здравом уме не решился себе вколоть. И ни один из ему известных геммов этого типа не был вирулентен. Мутации, одноразовый вкол – это да, но не передача от человека к человеку. Таких геммов вообще были единицы. Часть из них давно распространились на все или почти все население и, соответственно, не давали никому никаких преимуществ относительно соседей. Другая часть погрозила миллионам еще во времена Заката, но была остановлена либо антигенами, либо простым выжиганием территорий. Любили в те времена выжигать территории. Тактическими ядерными зарядами, например. Один заряд – и нет эпидемии. Отправляется туда же, куда и неверная жена с любовником и остальным поселком неподалеку.

Ладно. Размышления размышлениями, а морковка по расписанию.

– Контейнер тяжелый?

– Контейнер? – не сразу среагировала на переход темы Щука. – А, контейнер... Нет, не тяжелый. Килограммов тридцать в снаряженном состоянии.

Щука ухмыльнулась, думая о чем-то своем, но Дрей уже продолжал:

– Если твои покупатели решатся воевать, то они проникнут в здание в то время, пока будут идти переговоры.

– Тоже так думаю. Первых представителей надо сразу, если что, брать на мушку и кончать, если начнется стрельба.

– Кстати, ты все время говоришь об одном покупателе. Это действительно одна бригада? И все? Один покупатель?

– Я всерьез рассчитываю только на одного. С ним есть хоть небольшие шансы на честную игру. Есть еще один, кто почти наверняка постарается участвовать, но вряд ли придет с честной оплатой. Плюс, может возникнуть всякая шушера, но это вообще никак невозможно оценить. Кто и когда еще может всплыть. Вольных охотников вроде тебя немало. Надеюсь, не настолько шустрых, чтобы проскользнуть везде. Может, нам тебя Угрем назвать? Подходит.

– Зови хоть кем, главное – не забудь расплатиться.

– Ладно, без обид. Пока шел, ничего странного не заметил? В мурашнике? У меня народ отправился в разведку, вернулись еще не все. Сильно задерживаются. Здесь уже нужны.

– Можно не ждать, – уверенно произнес Дрей. – Сколько их было?

– С чего ты так уверен? Мои люди от меня еще не сбежали. Уходить – уходили, но по договоренности.

– Не про то я. Волна мутантов через город прошла. Если не вернулись вовремя, значит, их накрыло. Мы сами едва проскочили. Так что забудь про этих пятерых.

– Жаль. И откуда ты знаешь, что их было пятеро?

– Раки насвистели.

Дрей проснулся под утро от звука легких шагов по коридору.

Они с Алексеем завалились спать в пустующей комнате, подальше от остальных. Хоть Щука и не выглядела как человек, готовый нарушать договоренности без причин, но Дрею не

хотелось становиться слишком уж легкой добычей. Или у атаманши мозги заклинит, или кто-нибудь из нано о расовой неприязни не вовремя вспомнит...

Звуки от шагов или сами шаги принадлежали Щуке.

– Пора. Поднимайтесь.

– Новости?

– С рассветом подошли парламентареры от покупателей. Три человека в группе. Пока стоят, ждут, что мы проявим себя. Посмотри свежим взглядом, раз уж в команде. Может, новое что скажешь.

– Смысл?

– Да не знаю я. – Щука была сильно раздражена. – У меня просто руки чешутся накрыть их очередью. Мои инстинкты меня еще ни разу не подводили, вот в чем проблема. А нельзя – если это серьезный покупатель, то за такие шуточки он за мной полжизни гоняться будет.

– Как ты планируешь себя обозначить? – задавая вопросы, Дрей уже собирался.

– Да какая разница. Уговору про это не было. Как-нибудь решим. Пока мне все кажется, что очередь из пулемета будет лучшим оповещением. Коротенькая такая очередь... Одну ленту зарядить – и до отсечки...

– А вы и отсечки поставили?

– Поставили, ага. В конце ленты.

– Понятно. Идем.

Парламентареры действительно ждали сигнала. Вся группа сидела и смотрела на здание. Когда Дрей взглянул на них через окуляр наводчика, который ему любезно уступила Кета, у него возникло ощущение, что покупатели смотрят прямо на него.

– Так мы ничего не решим. – пожал плечами Дрей, оторвавшись от созерцания. – Пусть идут, тогда ситуация будет развиваться. Пока опасности не вижу, а если она и есть – то исходит совсем не от этих троих. Покупателя среди них нет.

– Нет? – Щука припала к окуляру, плечом отодвинув в сторону пытавшуюся вернуться на боевое дежурство Кету. – С чего ты так уверен?

– Ну не тузы там. Одни шестерки. Главный в заложники записываться не торопится. С другой стороны, а чего ты ожидала?

– Логично, – Щука кивнула и отдала команду. – Вывесьте простыню из окна, чтобы эти трое увидели. Догадаются, что проход открыт. Николай! Бери Леща и встречай эту троицу, поднимай вверх. Чуть дернутся – принцип простой – для переговоров достаточно и одного.

– Как скажешь, хозяйка. Одного так одного, – Мормышка неторопливо прошествовал мимо.

Где-то там, за призраками домов поднималось солнце. День обещал быть безоблачным, но ранний рассвет не получился. Не мог получиться из-за остатков прошлой цивилизации, возвышающихся над поверхностью. Поэтому солнце вставало как будто в пасмурную погоду – свет был рассеянным, теней не было.

За счет того, что они находились на верхушке одного из самых высоких (из уцелевших) зданий в городе, у них была возможность встретить рассвет раньше мурашей. Но солнце вставало за их спинами, на востоке, а они обшаривали взглядами запад. Ждали гостей.

Дрей надеялся увидеть хотя бы блики солнечных лучей на остатках стекол в домах на западе. Хотя бы отражение восхода. Всего лишь третий день в городе, но мурашник уже душил его, он начинал ненавидеть этот каменный могильник.

В обычном состоянии Дрей легко контролировал себя, но сейчас с удивлением понимал, что эмоции выходят из-под его контроля. Ловил себя на желании побыстрее ввязаться в драку,

свернуть кому-нибудь шею, хотя бы для того, чтобы побыстрее закончить здесь свои дела и выбраться за пределы мурашника.

– Среди них нет покупателя, – повторил Дрей. – Ты хоть раз видела покупателей в лицо?

– Из тех, кто должен прийти, разве что Джо. Его среди них точно нет. Он вообще не ходит, только ездит на своей колясочке.

– Кого-то пошли к восточным окнам. Встречать... – Дрей чуть было не сказал «встречать рассвет», но вовремя поправился: – Встречать возможных дополнительных гостей.

– Думаешь, попробуют кинуть?

– Так думаешь ты. А я всего лишь тебе склонен доверять в этом вопросе.

– Только в этом?.. Ладно, умник, пора спускаться. Нельзя показаться гостям невежливыми хозяевами.

– Механику активировать, Шука? – спросили сзади.

– Да, давайте. Лучше потеряем всех дронов, чем устроим здесь братскую могилу нашей банды.

– Какой режим?

– Пока пассивный, – Шука еще раз взглянула вниз, на приближающуюся троицу, прежде чем двинуться. – Нам не нужна лишняя стрельба по воробьям.

– Не нужна, – согласился Дрей, галантно подавая Шуке руку перед спуском с лестницы. Руку атаманша проигнорировала, но проигнорировала именно так, как и полагается – без удивления. Просто не обратила на жест внимания. Просто аристократка показала мужлану, что лучше свалится с лестницы, чем обратит внимание на то, что он существует.

Дрей вздохнул и последовал за Шукой. Сзади кто-то передернул затвор. День обещал быть не просто солнечным, но и жарким.

Где-то там, снаружи здания, над руинами небоскребов вставало солнце.

Дрей этого не видел. Вместо этого он наблюдал, как по веревке, ловко цепляясь за завязанные на ней узлы, быстро взбирается первый торговец.

– Этот, скорее всего, охранник.

Шука кивнула:

– Скорее всего. Говорить будет второй. Третий – прикрывать. Думаю, они его вообще оставят внизу. На случай отхода.

– Им есть чего бояться?

– Когда идет такая сделка, бояться всегда есть чего. Нам вроде их кидать не резон, но рисковать никто без нужды не хочет.

– Другие не выживают. – буркнул сзади Николай. – Не в нашем деле.

– А ты, кстати, – повернулась Шука к новому собеседнику, – за дверь, на лестничный проем. Но нас чтобы видел. Если что пойдет не так, то тебя вряд ли зацепит, успеешь среагировать.

– Если что-то пойдет не так, то тебе будет уже все равно, успею я среагировать или нет, – усмехнулся Николай, одновременно без раздумий выполняя приказ.

– Система сдержек и противовесов. Если ты в этом ничего не понимаешь, то лучше помолчи. Вали.

Николай окончательно скрылся за дверным проемом. Голова первого торговца появилась в дыре.

Он быстро огляделся, пользуясь подвижностью веревки, – даже слегка крутанулся на ней, прежде чем вылезти на этаж.

«Точно, охранник, – подумал Дрей, – значит, без команды ничего делать не будет. Первое движение пойдет не от него».

– Ждем? – коротко спросила Шука у вновь прибывшего. Тот молча кивнул, поднял коротковолновую рацию и что-то буркнул.

Вскоре веревка вновь задержалась – наверх полез второй.

– Шука, – представилась Шука.

– Кэш, – представился торговец. – От Малютки.

– Малютка почтит нас своим личным присутствием?

– Босс велел передать, что он будет слушать весь наш разговор. Поднимется сам, когда и если это окажется необходимым.

– Ну, его воля. Вы знаете цену?

– Мы хотели бы взглянуть на товар.

– Понимаю, что хотели бы. Многие хотели бы. К вечеру тут желающими весь мурашник будет забит, как сто лет назад... Но, Кэш, не хотела бы тебе напоминать прописные истины, но все же ты должен их знать – товар на товар. А, судя по твоим пустым рукам, товара у тебя с собой нет.

– У меня есть образцы, – Кэш похлопал рукой по оттопыренному карману.

– Прекрасно, – безмятежно ответила Шука, – образцы – это прекрасно. Образцы у меня тоже есть. Не знаю правда, чем они тебе помогут. И фотографии товара, во всех положениях.

Шука похлопала себя по груди, имитируя движение торговца. Правда, кармана на этом месте у нее не было.

– Мы не принесем весь свой товар, пока не убедимся в наличии товара у тебя.

– Прекрасно, – повторила Шука, – тогда наш разговор окончен. Ты знаешь, я даже рада, а ты должен быть просто счастлив, Кэш, что он заканчивается так мирно. Мирно, Кэш, это ведь самое главное... Мирно, и ты можешь уйти отсюда прямо сейчас и живым.

На поясе торговца коротко хрюкнула рация:

– Обсуди цену, Кэш, к товару вернемся.

Кэш моментально перестроился и начал исполнять новую инструкцию.

– Шука, по указанию я временно снимаю требование о демонстрации товара. В знак доброго нашего расположения и желания заключить эту сделку. Давай предварительно договоримся о цене.

– Цена может только увеличиваться, – Шука явно сегодня не была настроена на компромиссы. – Безусловно, в ходе честных торгов, которые начнутся сразу же по прибытии остальных покупателей.

– Какие остальные покупатели? Мы надеялись, что ты ведешь дела честно!

– Более чем честно, – кивнула Шука, – выражусь так: если сейчас вы мне принесете товар, то сразу после обоюдной проверки сделка состоится. Но никто не обещал вам эксклюзива. Хотите поторговаться? Давайте. Только торговаться будете не со мной, а с остальными желающими.

В рации опять хрюкнуло, но на этот раз Дрей не разобрал слов, скорее всего это был какой-то условный код.

На всякий случай Дрей взглянул на торговца-охранника, но тот не пошевелился. Команда поступила не ему, а Кэшу, а значит, разговор продолжался.

– Шука, умоляю тебя, не спеши и дай мне договорить. – Кэш воздел руки к потолку, – мы не ставим под сомнение твою цену, просто ряд позиций было невозможно достать за столь короткий срок. Мы хотели бы обсудить с тобой возможные замены.

– Говори, – Шука кивнула, – всегда любила искать взаимопонимание и компромиссы. Взаимовыгодные, безусловно.

Взгляд охранника блуждал. Он меньше всего смотрел на Щуку, хотя внимательно следил за ее бойцами и Дреем. Это была ошибка – действовать-то все равно начали бы только по ее команде.

Опять же, охранник не уделял Дрею какого-либо особого внимания, из чего он сделал вывод, что тот не вычислил единственного экзо в банде, не удивился, а принял его за обычного нано – бойца шайки.

«Охранник неопасен», – заключил Дрей, продолжая слушать ход торгов.

– Мой босс сказал, что не хочет поставлять некачественный товар, а хороших «Доспехов дракона» в этом сезоне вообще не появлялось. Но босс предлагает вместо трех запрошенных склянок «Брони...» добавить еще одну «Кровь...».

– Добавьте, – пожала плечами Щука, – но «Броня...» мне нужна все равно. Может, взяли с собой «Любителя пуль»? Я бы пошла на эту замену. Очевидно, три склянки «Брони...» на десять «Любителя...».

– Где же вы нынче найдете «Любителя...», сама подумай? Это теперь раритет. – Кэш расстроенно вздохнул. Но его лицо тут же посветлело: – Впрочем, у нас есть целых пять. Из старых запасов. Если тебя устроит замена на пять...

Кэш споткнулся на середины фразы. Где-то началась стрельба.

Щука ударила первой. Сразу после выстрелов. Не дожидаясь атаки со стороны покупателей, объяснений, доказательств того, что выстрел не имеет к ним ни малейшего отношения. Не оставляя призрачных шансов на то, чтобы разойтись мирно.

Их собеседники не то что не начали даже двигаться, на их лицах еще и мускул не дрогнул, даже не появилось осознание того, что выстрел – это неправильно, что его не должно быть, что что-то пошло не так. А Щука уже атаковала. Как будто для нее это был условный сигнал, которого она только и ждала, чтобы начать действовать. И хитрый торговец Кэш, и его телохранитель лежали мертвыми через мгновения, еще до того, как снаружи начали стрелять по настоящему. Охранник внизу сначала было замешкался, но потом быстро отступил в укрытие, так что его было уже не достать.

Дрей быстро понял, что выстрел действительно не был сигналом для их собеседников – эти покупатели были здесь совершенно ни при чем. Они даже не начали реагировать. Они были готовы к этому выстрелу еще меньше, чем доставщик.

Наверху застучал станковый. Послышались выстрелы из автоматов. Кто-то все-таки решил пойти ва-банк.

Щука сорвала переговорное устройство с бедра:

– Тунец, поговори со мной!

Сначала из рации слышался отборный мат. Затем Тунец сумел сообщить хоть что-то более или менее вменяемое, хотя ясности это не добавило:

– Да бардак происходит, Щука! Кто-то снизу начал стрелять, похоже палят друг в друга. Мы тут практически ничего не видим. Стреляем, если кто-то бежит в сторону здания.

– Таких много?

– Нет, им там сейчас не до нас. Снизу человек пятьдесят собралось, не меньше. Просто некоторых выдавливают в нашу сторону, и нам ничего не остается, как их отстреливать.

– С патронами поаккуратней. Конец связи.

Щука засунула рацию обратно на ремень и посмотрела на Дрея.

– Активировать оборону, – подсказал Дрей, косясь вниз, на все еще пустую лестницу.

– Агрессивный режим дроидам! – крикнула Щука назад, в сторону Николая.

– Пойду поднимусь и погляжу, что происходит. – Дрей еще раз взглянул вниз, но в лестничном проеме по-прежнему никого не было. – Ощущение такое, что торги решили начать без нашего участия. Веревку поднимешь, Николай?

Щука двинулась вслед за доставщиком. Наверху они сразу натолкнулись на Алексея.
– Держись за мной и не теряйся, – буркнул Дрей.

Алексей лишь молча кивнул.

Итого у них было прекрасно простреливаемое во все стороны пространство почти пяти-сотметрового радиуса, затем отсутствие лестницы и других очевидных путей подняться на целых десять этажей. Растяжки, автоматические турели на нескольких этажах, дроны... И на закуску двадцать головорезов, только и мечтающих о том, как получше встретить непрошенных гостей.

– Щука, у вас из дронов змея не сбегала? – неожиданно вспомнил Дрей.

– Сбегала, а ты ее нашел?

– Следы видел, внизу.

Так вот, еще и шастающая где-то по нижним этажам смертельно опасная змея-дрон.

Кто мог пробраться наверх хотя бы для того, чтобы вступить в контактный бой, Дрей пока что не представлял. Но кто-то, очевидно, планировал это сделать, иначе как объяснить стрельбу внизу...

– Может, нам и не стоит вступать в свару пока что? – продолжал размышлять Дрей. – Пусть передерутся, оставшиеся все равно должны прийти к нам с оплатой. Одно дело перестрелка внизу, когда все в равных условиях, но чтобы добраться сюда, им несколько мурашей надо погнать на убой...

– Посмотрим, – пожала плечами Щука.

Тунец перевел пулемет на режим одиночных выстрелов. Но не стрелял. Водил неторопливо стволом из стороны в сторону – создавалось ощущение хищного животного, выискивающего жертву.

Кета не отрывалась от бинокля.

– Кета, что? – Щука присела чуть в глубине.

– Да пока ничего. Стрельба идет из глубины, там кого-то делают за зданиями. Но отсюда пока ничего. Пару раз народ выскакивал, двоих точно мы положили. А всего отсюда четверых видно.

– Но там много народу. Очень, – вступил в разговор Тунец. – Стреляют на большой территории. И в глубине тоже, далеко. Там заварушка такая серьезная, что я даже не знаю, когда она закончится.

– Они явно пользуются всем предоставленным им временем, – добавила Кета. – Никто не торопится умереть. Как развиваются события – так там скоро окопов нароют и будут иногда друг в друга постреливать.

Щука кивнула и отошла в сторону. Взглядом подозвала Дрея.

– Что теперь думаешь?

– Нелогично – если кто-то решил по-быстрому отделаться от конкурентов на товар, то должна была быть быстрая схватка. У тебя есть прослушка?

– Нет, прослушки нет. Мы и не думали, что что-то будет происходить за пределами здания. Вся подготовка сводилась к защите высоты и прилегающей территории.

– Посмотрим, как это все будет развиваться.

– Посмотрим.

После этого простого слова их и накрыло. Тяжелый пулемет в течение нескольких секунд весь этаж просто насквозь прошил пулями. Окна были большие, поэтому простреливалась достаточно большая площадь.

Но Тунца убили не из пулемета. Был еще одиночный выстрел снайпера откуда-то снизу, который вбил пулю в череп нано. Спереди достаточно аккуратная дыра в глазнице, сзади –

безобразно вырванные полчерепа, и шлейф крови вперемешку с мозгами на полу. И все – нет бойца, тяжелый пулемет, намертво прикрепленный к полу, моментально осиротел.

Дрей взглянул в глубину помещения. Точно сказать было сложно, но, судя по тому, что он увидел, судя по крикам, раздающимся из глубины помещения, команда Шуки была прорежена моментально.

– Несколько неожиданное развитие событий, – сказал Дрей, глядя на Шуку. – Как-то они грубовато начали общение, не находишь?

Шутка не удалась. Не то чтобы Шука сейчас собиралась срочно начинать оплакивать погибших товарищей. Она в этот момент пыталась высмотреть хоть что-нибудь из того, что происходило снаружи, периодически быстро выглядывая из-за укрытия, как будто фотографируя происходящее, и тут же прячась назад.

Дрей знал этот прием. Посмотреть, запечатлеть – как будто даже не в мозгу, а еще просто на сетчатке глаза – картинку, и потом спокойно обрабатывать-осознавать ее в укрытии.

Так что шутка не удалась не из-за Шуки. Черный юмор смазал длинный, надрывный крик Кеты:

– Козлы-ыыы. Всех порву, козлы-ыыы. Вы все кровью умоетесь за моего парня! – Кета орала так, что, в принципе, угроза могла долететь до адресатов. Одновременно она начала трясти Тунца.

– Кроха, давай вставай. Давай отползем чуток назад. Я тебя перевяжу. Мы и не такие раны зашивали. Тун, ну давай, шевелись. Шевелись, говорю, козел! Ты мне что обещал, урод? Ты мне это обещал?..

Это снова был снайпер. На сей раз он поступил гуманней, и пуля пробила грудь Кеты, не тронув ее привлекательное личико. Но разорвала сердце. Точно разорвала, Дрей почти увидел, как его куски вылетают из спины девушки.

От краткосрочных размышлений о бренности существования как экзо, так и нано доставщика отвлек голос Шуки:

– Снайпер в сером здании, предпоследний этаж, второе окно слева. Достань.

Дрей молча посмотрел на Шуку. Шука молча посмотрела на Дрея. Они так же молча кивнули друг другу, и после этого атаманша отвернулась. Молча двинулась в сторону выхода. Потом приостановилась, как будто решив, что Дрей достоин чего-то большего, чем просто команд, и бросила не оборачиваясь:

– Пойду, проверю активацию дроидов. Думаю, очень скоро у них будет работа. Не теряйся, еще ничего не закончено. Ничего еще даже не начиналось.

Дрей помнил эту серую высотку, одну из ближайших к их гнезду. Он лишь посмотрел на пулемет, убедившись, что предохранитель снят. Что лента заряжена. Что до отсечки еще достаточно патронов. Что крепление по-прежнему прочно держит оружие на полу и что трупы двух влюбленных не мешают ему стрелять.

Тела Тунца и Кеты действительно мешали. Хотя, с другой стороны, они могли и помочь. Он даже не стал считать.

Просто прыгнул, моментально зарывшись между двух мертвых тел. Мертвых, но еще достаточно теплых, чтобы даже такое простое действие вызывало реальные проблемы. Прижиться к трупам как-то никогда не было предметом фантазий Дрея, но когда они были вдобавок еще и теплыми...

Тем не менее, немного подвинув тело Тунца, он устроил себе неплохое укрытие. Почти не глядя, повернул пулемет в нужную сторону. И лишь в последний момент проверил, туда ли полетят пули.

Пули полетели туда. Шесть, пока отсечка не заставила Дрея отпустить спусковой крючок. Но их оказалось достаточно. Шесть десятых секунды «Тоннеля сокола» – приближение объекта наблюдения в десятки раз. Дрей даже не знал, как точно действует этот гемм: то ли заставляет

глаза действительно видеть лучше, то ли просто требует от мозга дополнительной обработки изображения, выдумывания практически несуществующих в реальности деталей, деталей, которые просто невозможно рассмотреть на таком расстоянии. Но для Дрея было возможно. На шесть десятых секунды. Больше и не потребовалось, чтобы увидеть, как пули влетали в оконный проем, рикошетили от стен, одна искорежила винтовку стрелка, еще одна пробила голову и немного, совсем чуть-чуть приподняла тело убийцы любовников-нано. Приподняла как будто специально для того, чтобы какая-то из последних пуль прошла стрелку грудь.

«Честный расклад, – успел подумать Дрей, – голова и грудь».

В количестве убитых, конечно, возникало некоторое неравенство, но и с этим он собирался немного поработать. Пулеметную точку он засек еще раньше. Шука вычислила стрелка, он – пулеметчика. Хотя надо было отдать должное атаманше, она нашла более сложную и достойную цель. И более опасную еще пару секунд назад.

Дрей дернул затвор и переместил свое внимание на пулеметчика. И буквально увидел пули, несущиеся в его сторону. Пулеметчик снова начал стрелять, но на этот раз он не целился по площадям – его пули устремились к Дрею.

Доставщик начал стрелять лишь мгновением позже. Теперь все решали навыки и нервы.

Нервы у Дрея оказались крепче. Пулеметчик не попал. Ни разу. Ни одной пули не прошло даже близко от окна, за которым расположился экзо. Да и не предназначен был обычный тяжелый пулемет для подобной точности. Просто-напросто не предназначен.

Позади Дрея вновь пули вышибали щебенку из потолка, когда вражескую огневую точку накрыло. Еще шесть пуль до следующей отсечки. Две засели в пулемете. Остальные успокоили пулеметчика.

Дрей тут же отпрыгнул обратно под укрытие стен. Место было засвечено, слишком много из него стреляли, и находиться просто рядом с этим стационаром было неправильно. Тем более что нападающие как-то не торопились выглядывать из своих укрытий, а наблюдать за окрестностями можно было откуда угодно.

Выстрелов снаружи почти и не было. Вообще, Дрей до сих пор не понимал, кто затеял всю эту заварушку и с какой целью. Все происходило настолько нелогично, что выгоды от подобного развития событий не получал никто. Все лишь теряли бойцов.

Хотя экзо легко мог предложить, что дело даже хуже, чем кажется. Раз логика непонятна, это еще не означает, что ее нет. Вполне возможно, что основная канва событий до сих пор скрыта от пристальных взглядов с вершины небоскреба.

Дрей продолжал думать.

Когда через пару минут подошла Шука, у него начали появляться кое-какие идеи насчет тактики нападавших.

– Что скажешь?

– Думаю, стрельба в окрестностях – чистая случайность. Ее не планировали, но были к ней готовы. Так что сами они друг друга не перебьют, можно даже не надеяться. Думаю, что пока мы тут мозолим глаза об окрестности, они пробираются в здание другими путями – ведь дураков, которые бы стали соваться под пули, среди твоих покупателей нет. А тот, кто решил забрать все и сразу – тем более не идиот. Думаю, что снайпер и пулеметчик, которые тут все покروшили, как раз из этой бригады, потому что они готовились. Выбирали цели. Все было спланировано заранее – пускай, возможно, и не как основной вариант, но спланировано. Скольких они положили?

– Шестеро с этими. Какими другими путями они могут добраться до здания?

– Понятия не имею. Может, у них есть маскировочные комплекты и они прямо сейчас пробираются под нашим носом по площади. Может быть все что угодно. Вы проверяли подземные коммуникации? Что там?

– Нет, по подвалам мы не лазали. Но они-то как смогут найти дорогу?

– Вопрос желания, времени и количества людей. А возможно, они уже пришли подготовленными. Может, карты где нарыли, я откуда знаю. Ты видишь толпу нападающих, которые прут напролом? Я тоже не вижу. Значит, они что-то задумали.

– Ладно. В любом случае внешний периметр и ребенок удержит. Перебрасываю людей к лифтам и прочим внутренним норам. Начинаем осмотр стен снаружи. Боты уже в режиме немедленной реакции.

– Турели как?

– Активированы, тоже по полной. Да им армия понадобится, чтобы добраться наверх.

– Может быть, кто-то и не хочет получить контейнер? Хочет его уничтожить?

– Ты сам-то веришь? Такие ценности не уничтожают. Кету с Тунцом жалко, – невпопад сказала Щука, отправляясь раздавать команды.

Прежде всего, Дрей нашел Алексея и велел ему держаться поближе. Он бросил периметр и вместе с подопечным разместился около пожарной лестницы на тридцать втором. И как раз вовремя.

Сначала сработала одна из растяжек. Граната была из тех, что ставил он сам – звук от своей мины Дрей бы не спутал.

Затем очередь автоматической турели. Не такая длинная, как хотелось бы, но все же Дрей надеялся, что и эта очередь хоть кого-нибудь достала. Все-таки против тупой скорости и автоматизма этих механических убийц сложно было противостоять даже набитым ботами нано. Взрыв еще одной гранаты, на этот раз явно не из числа оставленных Дреем.

Несложно было предположить, что нападающие не стали переть напролом. А это означало, что с турелью скорее всего покончено. И что еще хуже – все следующие с высокой вероятностью окажутся вообще бесполезны, можно будет надеяться разве что на то, что кто-нибудь из поднимающихся сейчас наверх нарвется на очередь случайно – не более того.

Какое-то время было затишье. Потом еще несколько взрывов. Снова очередь одной из турелей и еще взрывы. Пока все защитники высотки находились в роли пассивных наблюдателей. Им оставалось ждать, когда торговцы пробьются повыше, и надеяться, что нападавших изрядно потреплет на оборонительных рубежах.

Дрей видел уже сейчас, что вся подготовка людей Щуки, вся в деталях продуманная защита оказалась неэффективной против тех, кто взял на себя труд хоть немного подумать, кто действовал уверенно, без колебаний и имел ресурсы для нападения. Сколько потеряли нападающие? Пятерых-шестерых, не больше. А они были уже близко, очень близко.

Рядом присела Щука.

– Сейчас их пообломают. Дроны пошли. Заданный диапазон – от двадцать пятого до двадцать девятого. В этом ареале никто и ничто долго шевелиться не сможет. Эта орава как раз сейчас туда и подходит. Этот пояс их немного задержит.

– Немного? Ты и на дронов уже не надеешься?

– Знаешь, экзо, что-то я сегодня уже ни на что не надеюсь. Все пошло не так. Мы просто пассивно ждем, что будет дальше, и совершенно не контролируем ситуацию. Но рано или поздно придет тот, кто способен ее контролировать. Пока мы лишь мстим нашим будущим убийцам.

– Лирично, – усмехнулся Дрей.

– Да, и не говори.

В этот момент снизу впервые послышались звуки настоящей перестрелки. Грохот. Взрывы гранат. Пулеметный и автоматный огонь.

– Два десятка из трех – с ножами, циркулярками, дротиками и прочей дребеденью, – пояснила Щука. – Так что там все еще хуже, чем слышно отсюда. Там сейчас должно быть реальное месиво.

Вскоре к ним поднялся Николай.

– Дроны пока держат ситуацию. Мы видели два трупа – народ предпочел выпрыгивать перед смертью на лестницу, в пролом, но не оставаться на этаже. Еще одного пристрелили, сам не помер. Но я думаю, что этого недостаточно.

– Что так? – тут же заинтересовалась Щука.

– Это даже не банда, понимаете. – Николай вздохнул, как будто раздумывая, стоит ли продолжать. – Банда может действовать слаженно, но никто не полезет под пули, чтобы проложить дорогу остальным. Понимаете, о чем я?

– Ну, примерно, – приободрила его Щука.

– Вот. А здесь не так. Нормальные нано, какими бы крутыми они себя ни считали, давно бы уже отошли и задумались. А эти прут. Этаж за этажом. Ну ладно турели. Но они с дронами перестрелку устроили. И, я прошу прощения, Щука, но трех полуразобранных дронов я тоже уже видел.

Николай сделал паузу, после чего закончил:

– Так что... Я чего пришел. Сейчас их будем встречать уже мы.

Николай театрально передернул затвор автомата:

– Хариус мертв. Лещ мертв. Карп сейчас должен был пошуметь напоследок – и тоже подниматься. Там позиция удобная, конечно, но это уже бесполезно.

– Срисовали? – Щука поудобней перехватила автоматический пистолет, в левую руку взяла гранату, на мгновение задержалась, как будто сомневаясь, и все же выдернула чеку. Теперь от взрыва гранату удерживала сжатая ладонь и еще две с половиной секунды.

– Да конечно, – как собой разумеющееся, буркнул Николай. – Здесь у нас хоть пять минут лишних есть, пока они поймут, что к чему. Может, еще пару трупов этих вояк оставим.

– Или не их. Хорошо идут, – ответила Щука.

– Отлично идут, – вступил Дрей. – Эта не банда, это целая армия. И порядки, как в армии. Прут и прут вперед. Теряют людей – но ведь совершенно не так много, как вы рассчитывали, да?

– На улице трупов немало лежит, – заметила Щука.

– Но кто сказал, что они из этой группы? Из этой группы снайпер и пулеметчик, а за остальных я бы не поручился.

Их беседу прервали самым беспардонным способом. Ввалился Карп, причем ввалился не один, с гостем. Кто-то из атакующих сидел у него на загривке, тщетно пытаясь задушить медлительного нано сгибом локтя. Карп крутился, отступая все ближе и ближе к четверке, и методично бил затылком по лицу нападающего. Парочка была та еще, ни один не хотел сдаваться. И не сдавался.

Щука швырнула гранату в лестничный проем. Там пока еще никого не было, но ей не хотелось рисковать.

Дрей дождался мгновения, когда обнимающаяся парочка хоть ненадолго перестанет крутиться, уловил тот миг, когда Карп в очередной раз вгонит свой затылок в нос нападающего и начнет отклоняться для следующего удара, и после этого выстрелил.

Лицо нападающего и до этого момента было не разглядеть из-за крови, но пуля окончательно превратила его в кровавое месиво. Карп, тем не менее, прежде чем остановиться, успел отклониться и со всей дури вогнать затылок в это самое месиво еще раз. По удивлению на его лице можно было понять, что он ожидал столкновения с чем-то более твердым.

Он слегка повернулся в сторону Дрея, как будто желая задать вопрос, что он сделал не так, но с вопросом Карпу пришлось повременить – рванула граната. Труп нападающего, до сих пор висевший на его шее, в данном случае спас его от осколков, и нано лишь бросило взрывной волной вперед.

Граната была брошена как нельзя вовремя. Чуть раньше – и это был бы бесполезный обстрел осколками окрестных стен. Чуть позже – и нападающие наверняка успели бы среагировать и спрятаться. А так они выскочили ровнехонько в тот момент, когда угловатая сфера упала им под ноги. А за полсекунды не больно то успеешь сообразить, как спастись.

Дрей думал, что граната вывела из игры троих, что было большой удачей.

Карп наконец избавился от своего любимчика и свалился рядом с остальными. Николай решил повторить маневр Шуки и швырнул еще одну гранату «в никуда».

Может, какой эффект от второго взрыва и был, но оценить его они не успели. Сверху донесся голос:

– Они лезут по стенам! Много! Поднимаемся, здесь нам не удержаться!

Из когда-то мощной шайки Шуки сейчас в боеспособном состоянии оставалась, в лучшем случае, половина. Судя по всему, Карп был последним, кто сумел подняться с нижних этажей.

Все рванули вверх, прикрывая свой отход шлейфом из гранат.

Им пришлось остановиться на сороковом.

Дальше была только пентхаусная часть. Преследователи замешкались, но отставали лишь на минуту-другую, не больше, – даже если они станут неожиданно осторожны и медлительны.

Кроме Дрея и Алексея, до сорокового добрались еще семеро, включая Шуку, Карпа и Николая. Остальных четверых доставщику не представляли.

Первой заговорила Шука.

– Все, парни. Здесь мы приплыли, рыбки мои. Я им из принципа товар не отдам, так что сдаваться – не обсуждается. Я заберу этого экзо и ухажу вверх, разбираться с товаром.

Как именно она собирается разбираться с самой ценной вещью в этом мурашнике, Шука не уточнила:

– Вы все остаетесь. Продержитесь здесь пять минут, большего не прошу. После этого – сдавайтесь, прячьтесь, прячьтесь и потом сдавайтесь – неважно. Но пять минут надо их удержать.

– Гранат не хватит, – буркнул Карп.

Дрей тихо придвинулся к Алексею:

– Я тебя не вывел, хоть обещал отцу. Так что если выживешь, то за мной должок. И я о нем не забуду.

Алексей лишь молча кивнул. А Шука, тем временем, отвечала Карпу:

– Гранат не хватит, отстреливайтесь. Не хватит патронов, рвите их зубами.

На лице Карпа явно читалось сомнение.

Тем временем нападающие воспользовались тактикой банды и снизу вверх швырнули гранату. Кидать ее вверх было значительно менее удобно, поэтому граната не долетела, сильно не долетела до остатков обороняющихся.

Но и этого хватило. На этот раз не повезло самому заговоренному члену банды – ее атаманше. Один осколок пробил навывлет руку Шуки, вырвав кусок бицепса. Второй вошел в живот и застрял глубоко внутри.

Шука это не остановило.

– ...Рвите их зубами, – хрипло повторила она, зажимая здоровой рукой рану на животе. Из разорванной мышцы руки начала хлестать кровь, и прежде всего она попала на Карпа. Лучший аргумент закончить спор – облить оппонента своей собственной кровью. – Рассказывайте им сказки, анекдоты, что хотите, но дайте мне пять минут.

Шука не сказала больше ничего, двинувшись вверх. Дрей лишь кивнул на прощание Алексею, на ходу выдергивая из рюкзака медпакет и фиксируя рану на руке Шуки. Занятие было бесполезное с учетом осколка в животе, но Дрею не нравилась хлещущая из девушки

кровь. Так что, можно сказать, он не оказывал первую помощь, а удовлетворял свои эстетические потребности.

– Сорок пятый? – спросил Дрей на ходу.

– Сорок пятый, – подтвердила Щука. – Дай еще пакет, хоть заткну дыру в животе. И не смотри на меня так, не сдохну. От этого – не сдохну. Если дадут денек-другой отлежаться, то выживу.

– У тебя, мне кажется, все же есть какой-то план?

– План, план – дельтаплан... – непонятно продекламировала Щука, раскрывая доселе неизвестные Дрею поэтические способности. – Есть у меня план. Около шпиля мой план.

– Какой?

– Я тебе уже сказала. У меня там крылья были. На самый-самый крайний случай. Дельтаплан. Как раз, чтобы улететь отсюда... тебе и... товару.

– Что за товар, может, хоть сейчас скажешь?

– Как контейнер выглядит, сам увидишь. А что за товар... Слушай... – Щука шла все медленней и медленней, начинала сказываться потеря крови. Поэтому в итоге Дрею пришлось практически тащить ее вперед, чтобы не сбавлять темп. Они поднялись всего на два этажа выше из пяти нужных, когда перестрелка и взрывы гранат внизу резко усилились. Что могло означать лишь одно – финальное столкновение.

– Успею только по сути. Еще раз: психотропное оружие. Действует на всех. Почти на всех – девять из десяти экзо и шесть из десяти нано. При полной сборке всех компонентов и наличии инструкции по объединению владелец всей этой шняги имеет внедряемый, распространяемый ненаследственным, а затем и наследственным, образом крайне вирулентный мутаген. Суть, цель и миссия его очень проста: все зараженные получают генный приказ о полном подчинении образцу. Если в качестве образца владелец выставляет себя – значит, полное подчинение владельцу. По силе этот приказ почти сравним с базовыми инстинктами – сильнее инстинкта размножения и ненамного слабее инстинкта самосохранения. Это конец цивилизации. Даже той, которая у нас осталась.

– Наверняка не все так плохо? – в голосе Дрея отчетливо слышалась неуверенность.

– Большая часть народу полностью подчинена единому человеку? Без сомнений и колебаний готова к уничтожению любого непокорного? Вылавливает всех незараженных и не задумываясь уничтожает всех невосприимчивых? Бойцы твоего уровня, зараженные, подчиненные единой воле, только и занимаются, что проверяют лояльность единому лидеру? Расскажи мне, что может быть хуже.

Кровь из раны в животе не останавливалась. Щука слабела с каждым мгновением, но продолжала идти и продолжала говорить.

– Отсутствие людей как расы? – предположил Дрей.

– Ну вот разве что. – Щука остановилась. Постучала в дверь, за которой Дрей никак не ожидал никого встретить. – Пришли. Проводи приемку товара. Тебе – отдаю с большой скидкой. Практически задаром.

Дверь медленно отворилась, и Щука закончила:

– Дрей, это Илона. Илона, это Дрей. Начинай осмотр товара, экзо.

И Щука устало махнула рукой в сторону девочки, открывшей дверь, не оставляя ни малейших сомнений в том, что она и есть контейнер.

Глава шестая. Контейнер

Соки нашего тела, совершая свой обычный и неизменный круговорот, тайно приводят в действие и направляют нашу волю. Они незаметно властвуют над нами, воздействуя на все наши поступки.

Франсуа де Ларошфуко

Сектор XSI Мегополиса Дрездена. На Закате – сильнейший сектор по разработке дронов военного назначения. Лаборатория «Боевая механика», лаборатория «Творцы Преисподней», лаборатория «Спасители» и, самое главное – главный офис международной корпорации «Объединенные заводы охранных систем». Подпольная лаборатория «Натуральная механика», подпольная группа «Персональный хранитель» с сетью лабораторий по всему сектору, моментально меняющих местоположение в случае необходимости. Десятки других, официальных, не очень официальных и совсем уж криминальных лабораторий и заводов по производству дронов.

Дрон «Ботсвана» («Боевая механика»), способный контролировать территорию в один квадратный километр и, в ультимативном варианте, проводить политику «выжженной земли» на вверенном участке. Дрон «Улей» («Объединенные заводы...»), симулирующий псевдоразумную, развивающуюся структуру подобную пчелиной. В боевом режиме «Улей», по замыслу разработчиков, был способен смести с лица земли небольшой город. Сетевой дрон «Термитник» («Натуральная механика»), единственной задачей которого была охрана небольших поселений от дронов типа «Улей» и подобных. «Чародей» («Персональный хранитель»), обеспечивающий индивидуальную охрану хозяина и способный в борьбе за его жизнь выжигать и зачищать целые кварталы вместе с их обитателями.

После введения в действие Манчестерского протокола этот сектор пострадал больше других. Они не создавали почти ничего для себя. Все шло на экспорт. Десятки лабораторий создавали боевую технику для всех армий мира. Но те, кому она могла понадобиться, теперь оказались недоступны.

Лаборатории не останавливались – чем им еще было заниматься, людям, оказавшимся в изоляции? Только продолжать работать, даже если результаты этой работы уже никому не были нужны.

Заводы, почти полностью механизированные, продолжали забивать склады все новыми и новыми дронами. Экспорт стал не способен прокормить население сектора, даже непрерывно уменьшающееся. Кто-то задумался об изменении структуры производства? Ничуть. Вместо этого все начали решать вопрос, как сделать сокращение населения еще более быстрым.

Дроны превратились в гладиаторов. Все начиналось в виде тестовых испытаний новых видов вооружений. Вскоре бои дрон – дрон стали основным зрелищем вымирающего сектора. Хлеба не хватало, его все больше заменяли зрелищами. История просто сделала еще один виток.

Очень скоро этого стало недостаточно. Подпольные бои дрон – человек. Полуподпольные бои группа бойцов-людей – дрон. Криминальные разборки между кланами превратились в бои дронов, в ходе которых дронов гибло меньше, чем людей, ни в малейшей степени к кланам не относящихся.

Сначала ситуация развивалась медленно и не волновала никого. Потом, по мере ужесточения контроля на границах секторов, уличные бои дронов становились все ожесточеннее. Затем ничего не осталось, кроме этих боев.

В течение года после встречи в Манчестере подавляющее большинство гражданских было уничтожено. Это был не единственный сектор, в котором наблюдалось катастрофическое падение численности населения. Но единственный, где люди умирали не от эпидемий. Через год в строю оставались только представители лабораторий и заводов, которые по сути своей были защищены лучше. Да еще остатки кланов, также окруженные бесчисленными эшелонами обороны, состоявшими исключительно из закупленных или изъятых дронов. Никто не ходил без многочисленной механизированной охраны. Кто не имел возможность окружить себя дронами – умирал. Или прятался, лишь для того, чтобы умереть чуть позже. Всего три разбалансированных «Улья» с нарушением основных ограничительных директив (нарушение правил – естественное следствие саморазвития) уничтожили почти десять тысяч человек в течение суток, прежде чем были остановлены. А тогда их еще было кому останавливать.

Весь сектор превратился в арену гладиаторских боев. Но вот зрителей уже почти не осталось. На момент окончательной потери связи с сектором, по неточным данным, в нем оставалось не более тысячи живых и не менее полумиллиона дронов, воюющих друг с другом. И те, и другие нещадно уничтожались на границах сектора. Опять же, до тех пор, пока их еще было кому уничтожать.

Остальной части человечества повезло лишь в одном. Никто не заложил в дронов инстинкта размножения. Ни в одну из выживших модификаций.

Но говорят – только говорят, потому что никаких конкретных сведений из сектора получить невозможно, – что лаборатории еще работают. Что несколько главных кланов, слившихся с лабораториями, продолжают развивать и выпускать дронов. Что война в секторе идет своим чередом, как механический театр, который после завода может показывать представление и без зрителей.

И кто знает, что создается в этих лабораториях сейчас.

И кто знает, какие бойцы выйдут из сектора завтра.

И кто знает, к чему придется подготовиться экзо.

Притчи Заката. Притча Бронзовых Бойцов. Библия Экзо

С этой высоты гниющие на улицах остовы машин казались игрушечными. Будто какой-то злой ребенок потратил много времени, чтобы ломать, жечь и обливать кислотой свой набор игрушек. И чаду это отлично удалось.

Крохотные ржавые машинки внизу, на которые смотрел Дрей, добивали настроение окончательно.

За последнее время он слишком часто оказывался в положении, когда ситуацию было невозможно контролировать. Но это хотя бы происходило на земле. Теперь же он находился в положении, когда малейшая ошибка могла привести его и его груз к падению с высоты нескольких сотен метров. Гарантированная смерть для любого супергероя.

Девочка сзади молчала. Не визжала от страха, не пыталась орать, перекрикивая шум от потока воздуха, стремящегося навстречу. И сейчас экзо был очень этому рад. Потому что сам был готов кричать от ужаса. Никогда, ни разу до этого он не находился в свободном полете. Все полеты до этого были в детстве – в виде падений с деревьев, прыжков с крыши, но никогда он не находился в такой зависимости от кусков пластика под названием крылья.

Щука что-то успела ему объяснить, прежде чем он оказался в воздухе, но все ее объяснения свелись к тому, чтобы он даже не пытался управлять этим «летательным аппаратом» и лишь старался удержать его от заваливания.

«Мне понадобилось бы десяток-другой занятий, чтобы научить тебя нормально управляться с этими крыльями. Сейчас просто постарайся спланировать, очень осторожно спланировать прямо и не разбиться при падении».

Сейчас женщина, наставлявшая его несколько минут назад, скорее всего, уже была мертва. Не стоило надеяться на снисхождение людей, которые положили столько бойцов ради добычи, и упустивших эту добычу в последний момент. И, прежде всего, благодаря усилиям Щуки.

Как бы страшно ему ни было, он не торопился вниз. Чем дальше им удастся отлететь от места событий, тем сложнее будет преследователям.

А то, что погоню организуют в ближайшее время, он ни на долю секунды не сомневался. Приз за победу в этой локальной заварухе оказался слишком высок. Дрей не понимал лишь, по каким причинам его заказчик решил послать доставщика в эту мясорубку. На верную погибель. То, что он достиг временного успеха в развертывающейся игре, не значило пока ничего, с одной стороны. С другой, даже это было лишь набором случайностей. Никакие навыки доставщика не помогли бы ему, если бы события сложились чуть иначе.

А все это означало, что заказчик и не надеялся на выполнение задания. Либо он хотел использовать даже малейший шанс, который, будучи помноженным на величину выигрыша, все равно оказывался интересным. Либо у заказчика были планы избавиться от Дрея изначально.

Впрочем, об этом Дрей собирался подумать попозже. Очевидно, контракт разорван, и доставщик не поступился при этом ни одним из своих правил. И заказчика нужно проучить. Но все это позже.

Сейчас необходимо было, как минимум, выжить. А для этого, совсем уж в краткосрочной перспективе, приземлиться и не разбиться при этом. И доставить на землю болтающуюся сзади девочку. Это ведь надо было придумать, живой контейнер.

Мурашник внизу становился все ближе, асфальт неумолимо притягивал дельтаплан к себе.

Дрей чуть дернул аппарат, неуверенно и несильно. Не хотелось ему приземляться на крыши. Его больше бы устроила одна из улиц, веером расходящихся от площади перед зданием.

Авантюра удалась, хоть доставщик и не мог поверить в успех до самого конца. Последнее легкое движение крыльями, и дельтаплан вошел ровненько между стенами домов, спускаясь вдоль улицы. Справа и слева мелькали стены, окна, обломки балконов. Улица была широкой, но Дрею постоянно чудилось, что дельтаплан вот-вот заденет кончиком крыла какой-нибудь выступ. Поэтому он постоянно подергивал крыльями, стараясь удержать аппарат точно посередине.

Перед поверхностью он попытался замедлить движение. Получилось это плохо, но все же удар о землю оказался не слишком сильным.

Хуже было другое – в момент падения левое крыло задело ржавый остов машины. Нет, заражения дельтаплана Дрей не боялся, так что уровень загрязнения и ржавения автомобиля его ничуть не волновал. Но от удара летательный аппарат начал разваливаться прямо над ним и его новой спутницей.

Дельтаплан крутануло, ремни порвались, и экзо закрутило по оси. Краем глаза он успел заметить, что девочке тоже досталось. Но иначе, ремни у нее порвались не так – и она, в отличие от Дрея, полетела кубарем вперед по улице.

Дрей несколько раз крутанулся, мелкими шажками продвигаясь вперед, чтобы удержать равновесие. Как только ему удалось остановиться и прекратить изображать из себя юлу, он начал осматривать окрестности.

– Жива? – спросил экзо, быстро пробегая взглядом по окнам нижних этажей.

– Да. – Голос девочки показался Дрею на удивление спокойным. Он наконец-то взглянул на нее. Илона стояла в позе готовящегося к броску спринтера, с прижатым к асфальту одним коленом, второй ногой, оттянутой далеко назад, упираясь все в тот же асфальт кончиками пальцев.

Судя по всему, по инерции она кувыркалась достаточно долго, и Дрея приятно порадовал уровень подготовки спутницы. Со спины на ней не было видно ни царапины, хотя он подозревал, что то самое колено должно сейчас кровоточить. Все же на девочке было лишь платье, пусть и с длинными рукавами, но подол был коротковат и колено защитить не мог. А вот цвет платья Дрею нравился – застиранный, неопределенно зеленый. Почти такой же, как и у него самого.

Насторожила его несколько напряженная поза и высоко закинутый подбородок. Девочка смотрела вперед, пристально, в одно место. Дрей проследил за взглядом и тоже замер.

В паре сотен метров от крушения в их сторону двигалась еще одна группа. Вернее, эта группа двигалась до момента падения дельтаплана, а сейчас они стояли, так же пораженные, как и Дрей, неожиданной встречей.

И лица некоторых были Дрею знакомы. Уж одно-то лицо он мог идентифицировать точно. Лицо человека, которого доставщик меньше всего рассчитывал увидеть на западе мурашника. Лицо самопровозглашенного мэра, чьим теплым гостеприимством еще недавно пользовался доставщик.

Дрей среагировал быстро – он начал стрелять раньше, чем люди мэра зашевелились. Его опередила только девочка. Она завалилась на бок и откатилась в боковой проулок еще быстрее.

Теперь девочка пряталась вне досягаемости выстрелов, чем слегка сбила планы доставщика. «Логик подворотни» уже нарисовал ему траекторию: стреляя в нарисовавшуюся впереди группу, он должен был убить или тяжело ранить двоих – уверенные попадания в наиболее крупных нано – обычно и наиболее медлительных. Одновременно он должен был сделать пять – ровно пять – шагов вперед, схватить девочку и отшвырнуть ее в тот самый проулок. После этого укрыться сам, выбив из игры мэра с вероятностью тридцать шесть и пять десятых процента. Мэр стоял позади своих людей – и попасть на таком расстоянии в него было нелегко, тем более что у Дрея сейчас был лишь пистолет – не лучшее оружие для снайперской стрельбы, но кто мог знать...

«Логик...» рекомендовал рискнуть – ненадежное попадание в мэра, даже не смертельное, могло сразу выбить ключевую фигуру противника.

После того как девочка самостоятельно нашла укрытие, «Логику...» понадобилось почти треть секунды, чтобы провести перепланирование. Девочка оценивалась Дреем и, соответственно, «Логиком...» совершенно иначе. Новых рекомендаций от «Логика...» не последовало – он и так начал работать в пограничном варианте, где пользы от него было совсем немного, а новые вводные окончательно выбили гемм из режима.

«Оно и к лучшему, – подумал Дрей, – еще не хватало здесь свалиться. Было бы крайне вовремя».

Сбой «Логика...» мало что поменял: когда Дрей укрылся в проулке вслед за девочкой, из двух десятков бойцов мэра двое было точно тяжело ранено или убито. Еще трое, минимум, задето так, что вряд ли они дальше пойдут в авангарде. Насчет мэра Дрей не был уверен. Он пустил две пули точно в своего любимца, однако его загораживали несколько живых преград. Двое нано, стоявшие перед мэром, точно были вне игры. Но они могли не успеть упасть к тому моменту, как последние пули, предназначенные для мэра, дойдут до цели. Да и пистолет... –

кучность была слишком мала, чтобы на таком расстоянии гарантировать хоть мало-мальски надежный результат.

Сейчас Дрею опять светила охота, но на этот раз он был с грузом. И как бы ни проворна была девочка, она точно не могла бегать быстрее, чем боевики-нано.

– Ты экзо? – спросил Дрей у попутчицы.

– Нет.

– А как же они запихнули часть гемма в нано? Это же противоречит правилам.

– Я не нано.

– Не нано? Кто же ты тогда?

Ответить Илона не успела. Издали раздался голос мэра:

– *Señor* Андрэ, неужели вы могли подумать, что в *моем* городе вам удастся от меня скрыться? Вы не представляете, *señor*, сколько проблем вы мне создали всего лишь за сутки с момента вашего появления! Знаете ли вы, сколько я потерял своих людей – сначала под лавиной мутантов, которых наверняка вы накликали на мою голову. Потом в схватках с бандитами, которых, как оказалось, слишком много развелось на западе *моего* города. Мне надо было заняться ими раньше, значительно раньше. Это – моя *la madre de todos los problemas*².

Дрей выглянул из-за угла. Так и есть – рядом с мэром стояли всего лишь двое нано. Остальные головорезы уже наверняка пробирались с флангов, а мэр всего лишь заговаривал ему зубы.

– Скажите мне, *señor* Андрэ, куда вы так торопились? Поспешность вашего отбытия заставила меня подумать, что мне необходимо лично разобраться в ваших делах в этой части города. Когда такой боец приходит в *мой* город, убивает *моих* людей, убегает – и все это лишь для того, чтобы сделать какие-то дела в этом городе, мне становится очень, очень интересно, что это за дела. Мне, как мэру, хочется даже поучаствовать в этих делах.

Дом, за которым укрылись беглецы, был пятиэтажным.

– Илона, окно прямо над тобой. Поднимаемся, твоя задача – ничего не делать. Держаться за мной. Не мешать. Не отставать. Поняла?

Девочка лишь кивнула.

Дрей присел, подхватил девочку и помог ей запрыгнуть в оконный проем. И тут же прыгнул вслед за ней, благо окна в этом доме располагались на удивление низко.

Ему повезло даже больше, чем он мог подумать. Здание оказалось не самой характерной, хотя и встречающейся в этом мурашнике архитектуры – с длинными продольными коридорами от одного торца до другого и с лестницами по краям. Дрей, до этого предполагавший, что ему придется метаться вверх-вниз, чтобы пробраться до нужного ему места, теперь быстро поменял планы и рванул вперед по сумрачному коридору. Девочка тенью следовала позади.

С обеих сторон мелькали какие-то разоренные комнаты, двери некоторых были открыты, у других дверей не было вовсе, так что света с разных сторон вполне хватало. В темноте бежать не пришлось.

Дом – это было минимум метров сто. Достаточно, чтобы подойти на расстояние уверенного выстрела до мэра. Вполне достаточно.

Он не добежал до конца коридора метров пять, свернул направо – двери в боковую комнату не было. Стекла на единственном окне, впрочем, тоже. Голос мэра отсюда слышался значительно лучше:

– Андрей, Андрюшечка... Я уже иду к тебе, чтобы обсудить все наши проблемы. – Голос действительно приближался, а о таком подарке Дрей не мог даже мечтать, – Нам с тобой многое предстоит обсудить, *querido amigo*.

² Проблема проблем (*исп.*).

Еще через пять секунд Дрей решил, что мэр подошел достаточно близко. Доставщик выглянул всего лишь один раз, коротко. Мэр шел вторым, перед ним здоровенный охранник. Метрах в пяти позади – второй охранник. Относительно далеко сидел один из подстреленных доставщиком. Пока этого раненого можно было считать безопасным. Остальные – по всей видимости – сейчас должны были замыкать ловушку с флангов.

Плохо было то, что первый охранник оказался не только здоровым, но и глазастым. Несмотря на то, что Дрей выглянул совсем ненадолго, увальня его заметил.

Второй раз Дрей уже не выглядывал, а выпрыгивал из окна, разворачиваясь и стреляя. Времени катастрофически не хватало – эта беда преследовала его все последние дни.

Три выстрела. Пули в голову обычно оказывалось достаточно, так что с такого расстояния Дрею можно было не беспокоиться за эффективность своей стрельбы. Особенно доставщика порадовало, что мэр наконец замолчал. Пуля в голове обычно очень способствует молчаливости.

Дрей упал на все четыре конечности, левая ладонь уперлась в землю рядом с осколком кирпича, повернулась, чтобы подхватить выпавший из рук увальня автомат. Охранник еще стоял, пошатываясь, как будто не верил в собственную смерть. Но он был уже мертв, даже кровь почти не шла – разрушенный мозг перестал подавать команды, и послушное сердце тут же остановилось. Дрей сдернул с него поясной ремень с запасными магазинами и чуть толкнул охранника, как бы помогая ему принять решение. Труп повалился.

Сзади тихо, почти бесшумно, приземлилась Илона. Кувыркнулась, оказавшись рядом с упавшим мэром, и выдернула у него из руки пистолет.

Дрей добавил короткую очередь в лежащее тело мэра и отступил в укрытие, заметив копошащегося невдалеке раненого. Тому оказалось мало уже имеющегося ранения, он решил, что вполне может продолжить свое участие в стрельбе. Проверять, насколько его предположения верны, Дрей не стал и выпустил еще одну очередь. Может, и не убил, но от дальнейшего участия точно отстранил.

Илона поднялась с четверенек, но по-прежнему держалась строго за спиной у Дрея.

В худшем случае, он отыграл минуту-другую, пока команда мэра, теперь уже бывшего, сообразит, что их надули. В идеале они вообще бросят погоню из-за явного отсутствия лидера, который был бы способен продолжать вдохновлять их на этот подвиг.

Дрей дернулся в боковой проулок и тут же понял, что ошибся в своих рассуждениях два раза подряд. Посмотрев на собравшихся на улочке, он произнес только:

– Дежавю.

В проулке он лоб в лоб столкнулся с советником мэра. Тем самым. Даже, казалось, трое телохранителей, обступивших Дрея, тоже были точно теми же самыми, что и в первый раз.

– Всем стоять, – советник произнес эти слова на долю секунды раньше, чем началась стрельба, на таком расстоянии наверняка сопровождавшаяся бы мордобоем.

Советник уверенно отпихнул охранников в стороны и подошел к Дрею вплотную.

– Мэра грохнул? – спросил он негромко. Дрей лишь кивнул.

– Ладно. За жизнь сына – спасибо. За должность мэра, которую я теперь займу, – спасибо. Как новый мэр – даю тебе амнистию без права появляться в моем городе. И три дня, чтобы из него исчезнуть. Через три дня – не взыщи. Иди.

Все это было произнесено лаконично, бесстрастно, на одной ноте и без малейших интонаций – точно так же, как и при первой встрече.

Больше новый мэр на Дрея не смотрел. Повернулся к охранникам и скомандовал:

– Все группы отозвать к точке сбора. Охоту прекратить. Сбор через пять минут. Кто опоздает, будет иметь проблемы.

В конце этой фразы Дрей уже завернул за угол с другой стороны проулка. Девочка следовала за ним.

– Все, теперь бегом. Башня на западе. Нам сначала на северо-запад, обойдем башню и на запад – прочь из этого мурашника.

– Тебе не дадут уйти, – безразлично заметила девочка, устраиваясь сзади и чуть левее Дрея. Идеальный обзор у обоих, и не попадешь под горячую гильзу.

– Откуда такой пессимизм? – удивился Дрей.

– Весть брошена. Слухи ползут. Уйдем от этих, найдутся другие. Да и эти – не просто мелочевка. Никто не понимает, с чем столкнулся. Щука боялась Восьмипалого? Не его надо было бояться. Есть пауки и над Восьмипалым. И они уже близко.

– Поконкретней можно? – Дрей повел дулом в сторону скрипнувшей на ветру створки не до конца доломанного окна и тут же вернул взгляд, и оружие, обратно.

– Поконкретней я не знаю. Прости. Я даже не знаю, куда ты меня ведешь и что от меня хочешь.

– Так и развлекаемся, – туманно бросил Дрей.

Девочка задала главный вопрос. Неизвестно, насколько важен был ответ на него для одушевленного контейнера, но зато этот ответ очень интересовал самого Дрея. Кодекс доставщика требовал, чтобы он доставил товар Ленивому. Однако Ленивый его кинул, причем так сильно его не кидал еще ни один торговец, хотя и бывало разное. Согласно тому же кодексу, доставщик после такой подставы не должен был торговцу ничего. Совсем. Разве что пулю в лоб влить, но это уже опционально.

Это осознать было просто. Сложнее оказалось другое – Дрей, как ни старался, не мог отнестись к маленькой девочке как к товару.

Хотел, пробовал, но даже на подступах к подобным мыслям – даже на уровне попыток прикинуть, как и где можно сбросить подобный товар, один взгляд в сторону Илоны тут же останавливал его размышления.

Так что на текущий момент компромисс был им выбран самый простой из всех возможных. Выбраться из мурашника, а уж потом принимать решения.

– Вверх, – скомандовал Дрей, пройдя еще один квартал. – Нам нужно сориентироваться. Заберемся на вон ту высоту. Этажей двадцать, как раз, чтобы осмотреться.

– Можем застрять. Если кто заблокирует нас внизу, то тебе опять придется много стрелять.

– И что предлагаешь? Идти вслепую и начинать сразу с рукопашной?

– Вариантов немного. Мне показывали старые карты. Можем залезть под землю. Видишь букву «М» через два дома? Зайдем, пройдем широким туннелем прямо до окраины.

– Я слегка устал ползать под землей, если честно.

– Экзо, я не просто контейнер. У этого контейнера очень хорошая оболочка. Я три года в бегах. И у меня «Багратион», наследственный, с тремя плюсами. Ты знаешь, что такое три плюса, экзо?

– Возможность постоянного совершенствования базовой мутации с передачей улучшений по наследству. Три плюса – это миф. Это невозможно сделать в принципе.

– Если ты не заметил, Дрей, я сама – миф.

– Хм... и что говорит нам твой полководец?

– ... Что исходя из плотности атаки башни, у ключевых или ключевой группы так называемых покупателей достаточно людей, чтобы прочесать весь этот район. Либо мы уходим под землю – шансы с ними встретиться снижаются до одного к четырем. Либо уходим обратно в центр города. Шансы, что нас догонят еще до окраин на востоке – три к пяти. Либо продолжаем идти поверху на запад и тогда встречаем охотников в течение десяти минут с вероятностью пятьдесят процентов, в течение получаса с вероятностью в девяносто.

Пока Илона говорила, они почти дошли до крупной буквы «М» и распахнутому зеву входа в подземелье мурашника.

Дрей уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей вниз, когда они услышали назойливое жужжание вдалеке и одновременно повернули головы на шум.

Достаточно далеко, между крышами домов, летела механическая стрекоза, поблескивая гладкими поверхностями.

– Что за... – начал было Дрей, но девочка сильно дернула его за руку, заставляя спрятаться за перегородкой, когда-то обложенной мраморной плиткой. При этом ему пришлось упасть на колено – и как раз на осколки этой плитки.

Дрей зашипел от боли.

– Полководец говорит, что наши шансы – по любому варианту – только что ухудшились вдвое, – шептала девочка, скрываясь в пасти подземного дракона.

– Что это было? Чего именно ты так испугалась? – спросил Дрей, выловив из рюкзака фонарик и нагнав девочку по пути вниз. По роду своей деятельности ему часто приходилось встречаться со всякими неизвестными штуками, и зачастую они действительно оказывались весьма опасны. Но, тем не менее, подобной реакции от девочки он не ожидал.

Илона легко перепрыгивала через провалы в ступеньках, луч фонаря Дрея метался, но все еще не мог достать до дна этого спуска. До того, что ждало их внизу и куда так торопливо прыгала девочка.

Под ней как раз обрушилась одна из ступенек, поэтому ответила она не сразу, балансируя на цыпочках и прыгая через две-три ступени вниз, чтобы восстановить равновесие. Странная была лестница – под провалами была чернота. И Дрею совершенно не хотелось выяснять, что же, собственно, было у них под ногами. Пока ему было достаточно одного знания – что проваливаться не стоит.

– Судя по всему, это был маленький вертолет-разведчик. Дрон. Это ничего, этого можно не пугаться. Или пугаться, но совсем немного, как и полагается девочке. – Илона периодически замолкала, когда под ней оказывался опасный участок. – Все бы ничего, но мне показывали одну рукопись... И этот вертолетик сильно напоминает верхний эшелон «Паранджи». Очень сильно напоминает.

– «Паранджа»? Что это?

– Еще один миф. Еще одна легенда. Комплекс индивидуальной защиты... – Дальше девочка явно начала цитировать что-то, что читала раньше. У нее даже голос изменился, стал почти механическим, грубым – как будто она пыталась скопировать чей-то чужой выговор, кого-то более взрослого, чем она. Но при этом Илона ни на мгновение не останавливала движение, ни разу не сбилась во время цитирования:

– ...«Паранджа»: комплекс вариативной индивидуальной защиты последнего поколения. Каждое слово в этом определении имеет значимую смысловую нагрузку. «Индивидуальная» – все варианты этой защиты создавались для обеспечения безопасности одного человека, не более. «Комплекс» – в набор всегда входило большое количество элементов, при хорошем дизайне идеально сбалансированных между собой. «Вариативная» – считается, что «Паранджа» была выпущена очень ограниченным тиражом. Разные источники называют числа от сорока до ста двадцати. Но что более важно – не было ни одного комплекса, хотя бы напоминающего другой. Отдельные элементы использовались много раз, но весь комплекс никогда не копировался. Считается, что каждая «Паранджа» выпускалась специально по требованию заказчика и всегда создавалась адаптированной к конкретным условиям.

«Последнего поколения» – эти слова в определении оказались более чем верны. Дроны – это был возможный третий путь развития цивилизации. Не нано, не экзо, а почти базовые люди, одиночки, окруженные армиями роботов. Путь, возможно, еще более тупиковый, но теперь уже поздно об этом судить. Общие обязательные элементы в «Парандже» могут являться условными опознавательными знаками комплекса – своеобразным «клеймом» производителя. Первое... – Илона добежала до конца лестницы и приостановилась, насколько сумел

разглядеть Дрей, на какой-то древней подземной платформе. Удивляться подобным вещам он перестал давно, но все же зрелище огромного склепа завораживало. Экзо замер, шаря лучом фонарика по далеким границам помещения. Илона же останавливаться не стала. Уверенно подошла к одному краю платформы, она спрыгнула вниз и тут же ушла в темноту туннеля.

Дрей взглянул назад, на лестницу. Погони не было ни слышно, ни видно, так что он последовал за девочкой, стараясь не отставать слишком далеко.

– Первое... – продолжила Илона от запятой. – В комплексе всегда присутствуют подвижные огневые точки, дроны-«доги», прозванные так за то, что они движутся на четырех ногах, напоминая при этом движения давно вымершей породы собак. Обычно в комплекте от восьми до шестнадцати. Разбиты попарно, иногда, в некоторых комбинациях – по три дрона в группе.

Парная комбинация позволяет перекрестное прикрытие самих дронов, помимо защиты хозяина. Законы робототехники действуют, пусть и в таком извращенном и ограниченном режиме. Слово «человек» в них заменено на слово «хозяин», тем самым все остальные люди выведены из разряда неприкосновенных и защищаемых. Наоборот – в агрессивном варианте все остальные люди считаются врагами, если хозяином не сказано обратного.

Каждый «дог» снабжается скорострельным пулеметом, легким гранатометом, четырьмя ракетами класса «земля-земля» и двумя – класса «земля-воздух», снайперским комплексом и, в довершение, возможностью формирования дымовой завесы. «Доги» относятся к внутреннему циклу защиты хозяина.

Второй обязательный элемент – «глаз». Легкий беспилотный мини-вертолет. Разведка, дальняя разведка и сетевая координация действий других дронов в условиях отсутствия прямой видимости на поверхности. Оборудован одной скорострельной винтовкой с ограниченным боекомплектом.

Третий элемент, присутствующий почти во всех выпущенных комплексах – «кольчуга». Субдроны – легкие ленты всего в десяток сантиметров длиной и не более чем в один-два сантиметра шириной. За счет новейших разработок в области аэродинамики способные с помощью простейшего чипа часами парить в воздухе, с одной-единственной целью – в момент выстрела молниеносно группироваться и отклонять летящую пулю с траектории уверенного поражения хозяина. В пассивном состоянии элементы «кольчуги» развернуты поперек и практически не видны – толщина лент всего несколько микрон. Однако при этом возникает ощущение серебристого сияния в воздухе – еще один верный признак того, что вы вошли в зону, контролируемую «Паранджой», а следовательно, либо немедленно уберетесь, либо будете быстро уничтожены.

Илона все глубже забиралась в туннель, и Дрею оставалось следовать за ней.

Воздух был спертый, затхлый, неподвижный. Ни малейшего движения. Но конкретно сейчас Дрей это даже радовало – можно было хотя бы надеяться разминуться с местными обитателями. А Илона продолжала:

– Остальные дроны в «Парандже» были опциональны и выбирались из нескольких сотен малораспространенных видов. Чаще всего применялись «пауки» – наземные разведчики внешнего периметра, с возможностью самоуничтожения и взрыва с радиусом уверенного поражения в двадцать метров, а осколочного покрытия – до пятидесяти. «Кобры» – дроны индивидуального нападения, выплескивающие на врага серную кислоту и одновременно выдыхающие нервно-паралитический газ летального действия.

– А хвостом, смазанным плутонием, они для верности не бьют? – встрял Дрей. Но девочка не обратила на эту ремарку ни малейшего внимания:

– Стандартная «Паранджа» контролировала полностью до четырех сотен метров в любую сторону от хозяина, все время передвигаясь вместе с ним. Таким образом, хозяина можно было достать разве что тактическим ядерным зарядом. В заключение добавим, что создатели «Паранджи» считали ее практически вечной, по крайней мере по ряду параметров. Поэтому

они ожидали смерти хозяина только от старости. На этот случай была придумана специальная формула наследования, позволяющая хозяину назначить наследника для такого дорогого актива. В большинстве случаев, таковым мог стать генетический отпрыск, впрочем, это целиком и полностью решал заказчик на момент производства. «Паранджа» имела специальный пояс управления, который носил хозяин и который в то же время постоянно брал всевозможные пробы на предмет его идентификации. Одновременно пояс служил походной аптечкой...

Илона шла, не останавливаясь. Она закончила цитату, но будто даже не заметила этого, шаг за шагом идя в темноту.

Дрей отвлеченно подумал, что к «Багратиону» можно смело добавлять «Сову», причем в варианте «Сова-альфа» – полноценное ночное зрение. Даже доставщик не мог двигаться настолько свободно в тоннеле, освещаемом лишь слабым светом от фонарика.

– Летучая мышь, – тихо произнесла Илона.

– Извини, что?

– Я сказала – «Летучая мышь». Не «Сова». Это уши – не глаза.

Дрей сглотнул. Потом подумал, вытащил из рюкзака бутылку с водой. Выпил немного.

– Хочешь воды? – нейтрально, пытаясь сдержать дрожь в голосе, спросил он.

Девочка молча протянула руку назад и взяла бутылку. Так же как и Дрей, сделала несколько небольших глотков и вернула воду доставщику.

– Какие еще ожившие мифы ждут меня сегодня? – наконец решился Дрей на вопрос.

– Не знаю, экзо. Еще даже не вечер. Какие бы ты хотел?

– Да мне уже достаточно. Это же надо – иду с настоящим ридером...

– Нет. Хорошо бы было, но нет. Я не ридер. Вернее, ридер, но недоделанный. Мама... – девочка запнулась на этом слове, но быстро справилась с собой и продолжила: – ...говорила, что дар действует спонтанно. Я им не управляю. И даже когда слышу что-то, то лишь отдельные слова, обрывки фраз, обрывки мыслей. Хотя мне говорили... – на этот раз девочка постаралась избежать упоминания родителей: – Мне говорили, что, возможно, это не мой ограниченный дар. Что, возможно, люди просто так думают. Настолько хаотично, что пока не сформулируют свои мысли вслух или как-то еще, то сколько ни читай – это будет сплошной хаос.

– Но ты читаешь присутствие?

– На несколько метров открытого пространства, дальше все гложет. Эта мутация бесполезна. Разве что делать трюки вроде этого. Мы подходим.

Дрей взглянул вперед. Там что-то светилось, но это не был дневной свет. Сияние было как от флюоресцирующих грибов, которые он видел, когда однажды забрался в пещеру. Их шаг замедлился, и Дрей снова оглянулся. По крайней мере, позади них по-прежнему было темно. Ни дневного, ни электрического, никакого другого света видно не было, что не могло его не радовать.

– Там небольшой поворот, и дальше, я думаю, еще одна платформа. Но нам мимо, мы должны подняться дальше, не здесь.

– Свет мне не нравится.

– Но радиации нет, – ответила девочка.

– Радиации нет, – подтвердил Дрей. – Держи фонарик и пусти меня вперед.

Он достиг точки, откуда была видна платформа, через несколько минут. Девочка вновь держалась сзади и слева. Это уже становилось для него привычным, – чувствовать ее шаги позади своего левого плеча.

Он остановился. Теперь можно было видеть, что находится впереди них, но пока невозможно было распознать.

Платформа казалась с этого места точно такой же, как и первая. Возвышение по левую руку, чуть выше его плеча, – все остальное терялось в местном призрачном свете. Этот свет не освещал практически ничего. Лишь демонстрировал свое существование.

С края платформы свешивалось что-то, выглядевшее для Дрея как светящиеся канаты. Свет давали именно они.

– Может, ты знаешь, что это? – не оборачиваясь, спросил он.

– Даже не могу предположить. Но согласусь, мне это тоже не нравится.

– Подойду ближе. Отстань от меня шагов на десять.

Дрей начал подбираться к платформе, но ему пришлось остановиться, потому что девочка тут же последовала за ним. Он не обернулся, не желая терять из виду непонятную платформу, и только спросил:

– Ты собираешься притормозить?

– Нет. Если ты хочешь меня от чего-то защитить, то поверь – это идеальная дистанция для нас обоих. Почти всегда. У тебя наверняка есть «Логик поворотни», без него бы ты не выжил при твоих делах. При случае можешь проверить.

– Ты не знаешь, что впереди. И никакой «Логик...» тут не поможет.

– Но я знаю, что любая внешняя угроза минимизируется именно при этом расстоянии между нами. Если смотреть... – девочка замешкалась, – с точки зрения выживания пары.

– Пары?

– Одной мне не выжить. Ни здесь. Ни наверху. Не при таком количестве желающих получить этот ящик. Я же еще маленькая.

Именно в этот момент, делая следующие шаги вперед, Дрей окончательно понял, что контракт разорван. Он не собирался доставлять товар ни Ленивому, ни кому бы то ни было. Девочка держалась молодцом, это да. Девочка была достаточно развита для своих лет, ни разу не пожаловалась, ни разу не сглупила. Но все равно – она была всего лишь маленькая девочка. В чужой деревне. И эта деревня горела.

Дрей остановился и поднял руку, хотя это было лишнее. Илона сделала последний шаг ровно тогда же, когда и доставщик.

– «Нервный ускоритель» у тебя не хуже моего, – сказал Дрей, уводя тему в сторону и одновременно пытаясь понять, что же находится перед ним.

Платформа начиналась не более чем в десяти метрах. С нее действительно что-то свисало. Теперь он определил бы это словом щупальца. Что-то влажное, со светящейся слизью опадало вниз. Этих щупалец, толщиной с руку, было множество – насколько он мог видеть, они захватили всю платформу до другого ее края, того, где их дорога вновь уходила в тоннель.

Щупальца лежали в несколько слоев, вырастая откуда-то из середины зала, из-за колонн, так, что Дрей не смог увидеть, есть ли там, в их основании, что-либо еще.

Но наибольшее отвращение Дрей почувствовал, когда понял, что некоторые из них шевелились. Слабо и очень медленно. Если бы они были в воде, то эти движение вполне можно было принять за игру течения. Но не здесь, под землей, где не чувствовалось даже дуновения воздуха.

– Растение или нет, – сделал Дрей предварительный вывод, – но плотоядное. Идеальная ловушка. И даже не хочу знать, кого оно здесь ловит, в этом богом забытом месте.

– Бог забыл слишком много мест, – тихо произнесла Илона, – мама говорила, что бог забыл всю Землю. Просто положил на дальнюю полку и оставил пылиться.

– Неважно. Придется возвращаться.

– Посмотри назад, – спокойно произнесла девочка.

Дрей обернулся.

– Когда ты заметила? – тут же спросил он.

– Только-только. Не хотела тебя сбивать, извини.

Позади них, в тоннеле, где-то далеко мелькал свет. На этот раз электрический.

– Они бегут, их много, но они еще достаточно далеко и стараются не шуметь. У нас есть две-три минуты, не больше. Я уже посчитала.

Дрей кивнул. Пересчитывать он не стал.

– Что бы это ни было, – он вновь повернулся к платформе. – Оно одно.

– Да, – согласилась девочка. – Корм приходит с краев, из тоннелей. А щупальца распределены равномерно. Даже побольше в середине.

– Нас оно еще не почувствовало.

– Похоже, – вновь согласилась девочка.

– Все равно. Не пройти. Слишком большой кусок. Придется идти по верху. Попробуем забраться на платформу, быстро разделаться с тем, что на ней, пробежать поверху и снова в тоннель.

– Мы не знаем, что там, на платформе. И у тебя нет времени для борьбы, даже успешной.

Они вновь уставились на щупальца. Дрей бросил взгляд назад. Судя по тому, насколько ярче стал свет от фонарей, у них оставалось не больше минуты.

Теперь иногда он даже мог слышать шорох, когда кто-то из преследователей недостаточно аккуратно ставил ногу.

– Смотри, – подняла руку девочка. – Они свисают только до земли.

– И...?

– И если у них нет где-то спрятанного запаса длины, то у нас есть место, у стены.

Теперь Дрей понял. Он еще раз прикинул, не лучше ли будет вступить в прямую конфронтацию с теми, кто сзади, но это было не лучше. Сзади их настигали бойцы. Бойцы по крови, бойцы по мутациям, геммам или ботам, кем бы они ни были. Он уже мог слышать это по их шагам.

– Вперед. Очень тихо. Попробуем пройти без шума. – И он скользящим шагом пошел вдоль стены. Стараясь, впрочем, ее не задевать.

Хуже всего стало как раз в центре зала. Когда некоторые из щупалец начали вздрагивать при их приближении, а другие – даже приподниматься, как будто пытаясь нащупать добычу вслепую.

В какой-то момент Дрею пришлось остановиться, когда одно из щупалец вытянулось вперед, поднявшись почти горизонтально от платформы, и попыталось дотянуться до неуловимой добычи. Дрей развернулся и прижался лопатками к стене. Это был момент истины.

Дрей испытывал такое отвращение к приближающемуся отростку, что скривился и отвернулся.

Он бросил взгляд назад, пытаясь, по привычке, извлечь полезное даже из вынужденной остановки. Свет фонарей оказался дальше, чем он мог бы предположить. Более того, их вообще стало меньше, и они гасли один за другим. Похоже, преследователи тоже увидели свечение, и это на какое-то время их задержало. Возможно, у беглецов появилась пара лишних минут.

Дрей мельком взглянул на девочку, которая стояла в двух шагах позади него и напряженно следила за тем, как ведет себя отросток-агрессор. Доставщик даже нашел в себе силы подмигнуть ей, после чего, сжав зубы, вновь взглянул перед собой.

Щупальце остановилось в полуметре от его лица, замерло, потом начало утончаться и вытягиваться вперед. Дрею показалось на мгновение, что в итоге они все же сделали ошибку в своих предположениях.

Но, не дотянувшись до лица экзо каких-нибудь сантиметров десять, оно остановилось. Светящийся кончик с множеством мелких присосок шевелился из стороны в сторону. Хищник чувствовал добычу, но не мог до нее дотянуться, и это ставило его в тупик.

И тогда щупальце, разочарованно сжавшись до своего начального размера, бессильно опало. Его удар о стенку платформы был первым звуком, который издала ловушка за все время, пока путники пытались ее преодолеть. Из чего Дрей сделал вывод, что это максимум, на что было способно существо, скрывающееся в сумраке.

– Теперь быстрее. Но осторожно, – шепнул Дрей.

Остаток пути они проскочили под аккомпанемент дергающихся щупалец. Все больше отростков пыталось сделать невозможное и дотянуться до противоположной стены. И, явно не рассчитанные на подобные усилия, они с глухим чавкающим стуком падали обратно. Активность подземного хищника нарастала, хотя еще и не достигла пика.

– Чувствует тепло, – шепнула девочка. Ее голос впервые дрогнул, и Дрей понял, что ей пришлось еще хуже, чем ему.

– Или движение, – добавил он.

– Или и то, и другое. Представляешь, что здесь творится, когда что-нибудь попадает в эти сети?

– Не хочется быть здесь в этот момент, – только и нашелся, что сказать Дрей. Когда они отошли от опасной зоны на пару десятков шагов, он все же остановился.

– Все, что ни делается, то делается к лучшему, – пробормотал он и подобрал пару бетонных обломков. – Поможем ему встрепенуться окончательно.

С этими словами он бросил куски бетона туда, где, по его предположению, должно было находиться основание щупалец.

Если бы этот хищник мог издавать звуки, то его вой потряс бы подземелье. Но то, что произошло, оказалось не менее впечатляющим.

Все щупальца задержались одновременно, моментально превратив тоннель в месиво свешившейся плоти. Некоторые из них хлестали назад, пытаясь достать невидимого врага где-то в глубине зала и одновременно доказывая Дрею неудачность его предыдущего плана. Чудовище было подобно улитке, – оно считало защищенным свое тело, лежащее где-то на платформе, и крайне болезненно отнеслось к разрушению этой иллюзии.

– Сколько времени нам даст это исчадие, как думаешь?

– Если у них есть гранаты? – ответила вопросом попутчица.

Дрей кивнул. Если преследователи воспользуются гранатами, то их фора станет минимальной.

– Тогда бегом. Ты впереди. Но сначала отдай мне фонарик, юная летучая мышь.

Они успели отбежать достаточно далеко. Настолько, что первые выстрелы прозвучали глуховато. Видимо, эта команда не была столь амбициозна, как штурмовавшие башню, и достаточно долго раскачивалась перед атакой подземной твари.

После небольшой стрельбы возникла длинная пауза, и лишь потом преследователи попробовали гранаты.

Сначала Дрей услышал сдвоенный взрыв. Затем снова пауза. Потом грохот взрывов доносился уже непрерывно.

Взрывы затихли, и доставщик прикинул, что даже с гранатами подземный монстр обеспечил им минимум минут пятнадцать форы.

Но после гранат вновь послышались выстрелы.

– Это что? Добивают? – удивленно произнес Дрей. – Они так обозлились на эту карака-тицу?

– Гранаты кончились, – откликнулась Илона. – Но ты не расслабляйся. Они могут подняться вверх и кинуть клич дальше. Они могут добить чудовище и постараться нас догнать.

– Я не расслабляюсь. Кстати, мы пока не оставили им ни одного явного нашего следа. Вертолет не в счет. Ты сама как, держишься?

– И не надейся взять меня на ручки! – фыркнула в ответ девочка. – Я мала, но из этого возраста уже вышла! Интенсивность погони говорит о том, что в счет у них идет все. Не знаю, как у тебя, но они не оставляют ни одной лазейки, ни одного шанса. Все шансы, которые у нас есть, тебе приходится добывать самостоятельно.

– Не привыкать, – буркнул Дрей, закругляя беседу.

Они пробежали, практически без остановок, еще пару платформ. Не встретив ни погони, ни засад, ни новых светящихся ловушек. Ни даже тех, для кого эти ловушки были предназначены.

Лишь у третьей платформы Илона замедлилась.

– Шансы равны, – пояснила она. – Мы поднимаемся здесь или следующим выходом. Понизу быстрее. Наверху больше маневр. Тебе решать.

Сказано это было так, как будто до этого, с самого раннего детства, девочке приходилось принимать за доставщика все значимые решения.

Дрей осветил свое лицо фонариком и приподнял уголки губ, изображая улыбку, больше похожую на оскал. Потом переместил луч фонаря на лицо Илоны. Та оскалилась в ответ, практически скопировав выражение доставщика. Только в ее исполнении это вышло еще более гротескно.

Теперь он улыбнулся по-настоящему. Но освещать лицо не стал.

– Выйдем здесь. С учетом количества желающих с нами увидеться предпочту маневр.

Выходов с платформы на поверхность было два. Сначала Дрей попробовал ближайший, но быстро понял, что он завален.

Со вторым, на другом краю платформы, им повезло больше.

Дрей заспешил, пытаясь как можно быстрее выбраться наверх. Ему осточертели подземелья. Ему осточертело двигаться в темноте. Ему надоело замкнутое пространство, которое он не любил даже на поверхности, а сейчас еще добавлялась толща земли, давящая сверху.

Перед тем как начать подъем по лестнице, Дрей все же в последний раз обернулся и пошарил лучом фонаря по стенам.

Ничего примечательного. Те куски стен, до которых дотягивался луч, давно обветшали, осыпались и оставляли возможность лишь пофантазировать, как здесь все было раньше.

В самом конце осмотра, когда экзо собирался отвернуться, луч зацепился за чудом уцелевший настенный щит со старой, дозакатной надписью. Большая часть слов, картинок и изображений не сохранилась, и он не мог с уверенностью сказать, в чем был смысл этого плаката. Уцелела лишь фраза в центре, во многом благодаря тому, что буквы были буквально вдавлены в холст, да еще и обработаны чем-то, похожим на золотую пыль:

«Путь наверх – только с нами».

И ниже, шрифтом чуть мельче:

«Генная логика», группа компаний».

Что и говорить, это сообщение висело более чем к месту. Дрей вздохнул, повернулся и двинулся наверх.

На поверхности уже стемнело.

И это их спасло.

Тот или те, кто был фаворитом этой гонки за контейнером, не хотели оставлять ни единого шанса.

Но то ли даже их возможности были не безграничны, и у этого выхода из подземелья стояли наспех нанятые вольные стрелки. То ли даже у самых профессиональных бойцов нашлось слабое место...

Их спасла ночь наверху. На фоне этой ночи костер, который разожгли на временной заставе, был виден просто замечательно.

Дрей приблизил свои губы к уху девочки и почти беззвучно произнес:

– Ждем.

Костер был разожжен всего метрах в десяти от выхода, так что не было ни малейшего шанса просто проскользнуть мимо двух парней, непринужденно расположившихся прямо на свету.

То ли они уже наболтались, то ли по рождению были немногословны, но первые минуты прошли в молчании.

Лишь потом один из них бормотнул:

– Сейчас опять. Достало. Как мартышки тут дрессированные.

Сказал он это негромко, но достаточно отчетливо, чтобы ночной воздух донес эти слова до Дрея.

Его напарник лишь кивнул.

Что именно там достало часового, экзо понял спустя десяток секунд. Зашипела рация, и из эфира донесся угрюмый голос:

– Четвертый? Четвертый, отвечай.

– На связи, да, – лениво ответил болтливый часовой.

– Докладывайте.

– Да нечего докладывать. Никого здесь не было. Никого здесь нет. Тишина.

– Вы там не спите?

– А кто тогда с тобой сейчас разговаривает?

– Ты там не шути. Дошутишься.

– Не шучу, ладно, – неожиданно быстро пошел на попятную часовой.

– Наши не поднимались? – продолжал допрос голос из рации.

– Я бы сказал.

– Да... ждите их, они скоро должны быть. Либо сами выйдут, либо вестового поднимут, когда будут проходить. Если что – немедленно доложить.

– Ждем, доложим, – все так же покладисто согласился часовой.

– И через полчаса к вам подойдет другая группа. Раньше не успевают. Если наши по низу еще не пройдут, то пост переведете вниз. Ну, там вам скажут... – быстро закруглился проверяющий. – Все, пока, некогда мне тут с вами... И повнимательней, центр зоны, по косвенным признакам, смещается к вам.

– Прощай, – торжественно произнес Болтливый, предварительно выключив рацию. – Надеюсь, ты охрипнешь, и через десять минут я наконец-то поговорю с кем-нибудь еще.

Вот теперь Дрей услышал все, что хотел. Даже больше, чем он бы хотел. Десять метров – три огромных прыжка. И еще нулевой, разгоночный-разогревочный, который он сделал еще на лестнице, ведущей вверх из подземного хода под бывшей дорогой.

Это были нано. Не самые плохие. Но и далеко не самые лучшие. Молчаливый начал реагировать на втором прыжке, и именно в его грудь врезались ноги Дрея, когда часовой успел чуть-чуть приподняться и даже сжать приклад автомата в правой руке. Болтливый не успел и этого до момента, когда Дрей достаточно легко ударил его в висок, надеясь, что отключит дозорного лишь ненадолго. У доставщика еще были на него определенные планы.

Становилось понятно, почему они не поставили пост сразу внизу. Их начальство и не надеялось, что эти двое сумеют хоть кого-нибудь удержать.

А так, наверху, в зоне действия радиосвязи они хотя бы могли служить живым маячком, показывающим кому-то на поверхности, что доставщик и девочка здесь не появлялись.

Дрей быстро обыскал обоих, но не нашел ничего интересного, кроме пары запасных магазинов и еды. Он тут же вгрызся в кусок жареного мяса и перебросил еще один девочке. Отказываться та не стала.

Дрей привстал. Вздыхнул. Пожал плечами.

– Не люблю я этого. Но мы же не хотим никого убивать, верно? А это... это исключит его из охотников на долгий срок. Отвернись.

Девочка отвернулась. Дрей с силой опустил свой ботинок на ногу Молчаливого. Отчетливо хрустнула кость, и Дрей пожалел, что не попросил девочку зажать заодно и уши. Особенно

после того, как Молчаливый, даже будучи в бессознательном состоянии, дернулся и вскрикнул от боли.

– Теперь с тобой... – взглянул доставщик на Болтливую. Взял стоявшую рядом с часовым фляжку и начал щедро поливать из нее на лицо нано, стараясь, чтобы жидкость попала и в рот.

Отчетливо запахло спиртом. Болтливый закашлялся и попытался приподняться. Дрей прижал его обратно.

– Жить хочешь? Или тебя вслед за ним отправить? – Экзо махнул в сторону валяющегося без сознания Молчаливого. Шаблон, может, и не идеальный, но пока еще никто не сказал, что он не действителен.

Часовой судорожно кивнул.

– Тогда на ноги, и бегом. Остальное – по дороге.

И Болтливый побежал.

– Где еще посты?

– Ты меня не спрашивай, ага? Нам вообще ничего не говорят, – почти что с возмущением в голосе ответил Болтливый. И попытался приостановиться, чтобы развить свою мысль.

– Бегом! – прикрикнул Дрей. Часовой вновь побежал, но мысль все же развил:

– Мы уже вторую неделю, как на эту шнягу подписались, ага. И даже два раза получили зарплату. Хорошие пробирочки, ага. Правда, первую я проиграл, – ну кто же знал, что он такой шулер, а так бы...

– Ближе к теме!

– К теме, ага, так вторую я все же себе вколол. Ха-а-арошая вещь, скажу я тебе...

– Еще ближе!

– Ну да. Так и говорю. Вторую неделю, а так ничего и не понимаем. Шпыняют туда-сюда. Что, зачем – ничего не говорят. Вот и сюда послали... Сказали идти по дороге и искать букву. Не знаю, как называется, но они нарисовали. Нашли мы эту букву, с грехом пополам. Хотя какой тут грех... Вот помню, напросились мы к одной переночевать...

– Не отвлекайся!

– Да, ага, нашли. И все, чего еще? Сообщили – в ответ сказали, чтобы мы сидели тихо и глаз с дыры не спускали. Все, ага. Но я тебе скажу, – столько бойцов я в жизни под одним атаманом не видел! И там вольных людишек типа как нас и половины-то не было. Мы-то что. Я же на тебя зла не держу, ага. За зарплату работаю. А там бойцы, как будто целиком из пробирки вылезли. То ли человек с ботами, то ли на боты просто оболочку надели. Наемник один был буйный – так рыпнулся в недобрый час на одного из тех ребят... В мгновение порвали. Он даже вдохнуть-выдохнуть не успел толком, а уже и дышать нечем стало. Вот так, ага. На тебя, значит, охотятся?

Внутренний метроном подсказал Дрею, что до следующего сеанса связи осталось совсем немного. В том числе и поэтому на вопрос отвечать он не стал.

– Стой, – скомандовал он Болтливому. – Отдышись.

С этими словами экзо всучил бывшему дозорному рацию. Болтливый посмотрел на нее с некоторым недоумением, и Дрею пришлось внести небольшие пояснения:

– Сейчас будет твой следующий сеанс связи. Все спокойно. Никого не видели. Подмога еще не подошла. Снизу никто не поднимался. И так дальше в том же духе. Все просто. У тебя же это не вызовет никаких затруднений? – И Дрей красноречиво шевельнул дулом автомата. За секунду до того, как заговорила рация.

Дрей решил не мудрить. У охотников не хватало сильных бойцов для того, чтобы загнать дичь, – хорошо. Условный сенсор в виде двух сонных дозорных – в принципе, прекрасная идея. Но даже она могла быть развернута из волчьего флажка в разочарование загонщиков.

Конечно, на такой простой обман нельзя было полагаться слишком долго. Да и, вообще, была бы команда загонщиков профессиональной, сработавшейся, он на это бы не решился вовсе. У профи наверняка на такие случаи были бы припасены какие-нибудь тайные слова, кодовые фразы... А так – только что нанятые вольные стрелки, которых наверняка намеревались использовать для того, чтобы поиграть мускулами перед конкурентами, да в качестве пушечного мяса на случай прямых столкновений...

Уловка сработала. И дала беглецам дополнительную фору ровно в двадцать шесть минут. Два спокойных сеанса связи в промежутках между бегом к окраине города. И еще шесть минут, после чего рация ожила уже вне плановой проверки.

– Четвертый? Четвертый, выйди на связь!

Дрей резко остановился и снова передал рацию Болтливому. На немой вопрос, который можно было прочесть в глазах пленного, он лишь пожал плечами – «выкручивайся по ситуации».

Нано несколько раз глубоко вздохнул, судорожно выравнивая дыхание. За это время голос успел выкрикнуть позывной еще несколько раз. И только после этого «четвертый» ответил:

– На связи.

– Четвертый, где именно вы находитесь?

– Там же, где и всегда – на посту, – достаточно правдоподобно изобразил удивление в голосе Болтливый. – Вот буква, красная, вот вход в подземелье. Все как вы описывали.

– Ты понимаешь, кому служишь? Или боты проели твои мозги насквозь, парень? Не ври! Немедленно говори...

Голос неожиданно замолк. Человека не прервали. Просто на мгновение замолк сам эфир, как будто кто-то на том конце выключил тумблер. Но рация простаивала совсем недолго, вместо первого голоса из нее раздался другой. Мягкий, почти нежный, вкрадчивый и из-за этого значительно более страшный.

– Нано, брат мой, подумай о своем будущем, я прошу тебя. Я понимаю, что сейчас тебе непросто. Что тебе приходится говорить под дулом. Но подумай и о том, что ты врешь *мне*. Только подумай... – В чужом голосе послышались нотки почти что вожделения. – Лишь представь, какие пытки я для тебя придумаю за твое предательство. И ты же здоровый нано, поэтому подумай, на сколько времени я сумею эти пытки растянуть...

Дрей почти что нежно изъясил рацию из судорожно сжатой руки Болтливого. Хотя сейчас нано дал бы фору по молчаливости своему товарищу со сломанной ногой. Чтобы отобрать рацию, Дрею пришлось потрудиться – дозорный так сжал пластмассовый корпус, что он начал трещать.

Пальцы дозорного были ледяными – похоже, угроза в мягком голосе, льющемся из рации, действовала на все сто.

А рация не умолкала:

– Пожалуйста, брат, подумай, как ты будешь мучиться от боли в конечностях, лишь иногда всплывая из глубины безумия и понимая, что этих конечностей у тебя давно уже нет. Просто представь это! И не обольщайся, твои боты не спасут тебя от боли. Ты же знаешь крохотных маленьких нанофагов? Я тебя познакомлю с одной моей любимой колонией. Они умеют возвращать истинные чувства даже самым замшелым нано. Не волнуйся, ты будешь чувствовать боль именно так, как ее чувствовал первобытный человек на этой земле. Просто представь это. Дай на секунду волю своей фантазии и представь все то, что я для тебя приготовлю. Сотни пойдут по твоему следу. И они тебя найдут, потому что иначе окажутся на твоём месте. Подумай, брат, и порви горло этого мутанта. Ты же нано! Ты же боец! Тебя не смогут остановить какие-то пули...

Дрею очень хотелось разбить рацию прямо сейчас, настолько тошно ему было слышать этот голос. Но ему нужна была информация, поэтому приходилось терпеть. С другой стороны, ситуация реально могла выйти из-под контроля, насколько он мог судить по стекленеющим глазам Болтливого.

Заниматься усмирением зомбированного смертника Дрею совершенно не хотелось. Поэтому красочно живописание пыток пришлось прервать.

Придав своему голосу максимальную развязность и непринужденность, Дрей брякнул в рацию:

– Ты, быдло, кого мутантом назвал?

И сразу почувствовал, как чары рассеялись. Глаза нано начали быстро принимать осмысленное выражение. Да, это было серьезно. Теперь Дрей понял, что голос подействовал даже на него. А ведь разговор шел лишь через рацию. Статические искажения не дают возможности в полной мере воспользоваться тембром и интонациями. Да и отсутствие прямого контакта, невозможность увидеть собеседника тоже серьезно ограничивали силу влияния. Но, тем не менее, гипнотизер почти справился...

– Это ты, планерист? – после длинной паузы произнес все тот же голос. Тембр изменился, собеседник в эфире явно имел множество вариантов того, как воздействовать на окружающих. Возможно, значительно более богатые, чем Дрей.

Но сейчас гипнотизер собеседника не видел, только слышал. Да и начал экзо с откровенного бреда, подстроиться под который было невозможно. Он знал, что сейчас будет. И он, и его оппонент могли попытаться расшевелить друг друга, постараться выудить максимум информации. В пределах пяти минут Дрею это было даже выгодно – потому что он не знал о враге ничего. Потом ситуация могла стать опасной. В том числе и потому, что с ним не просто говорили, в то же самое время их активно искали.

– ...Меня немало порадовало то, что хоть кто-то еще умеет пользоваться крыльями как надо. Не ожидал. Честно – не ожидал. Иначе я бы подготовился. Скажи мне свои условия. Любые условия.

– Что же ты можешь мне предложить, быдло? – Разговор был бесполезен с самого начала, но Дрей все же старался выкачать хоть что-то применимое к делу. Несколько минут у него на это еще было, так что почему бы и нет?

– Не груби, планерист. Иначе когда мы встретимся, я выдеру твои кишки и заставлю тебя их жевать. Я могу предложить что угодно. Хочешь геммы? Любые? Хочешь такие, о каких ты даже не слышал? «Красное солнце» заставит тебя наслаждаться, всегда. Ты будешь жить и наслаждаться. Хочешь? Зачем тебе зарабатывать на наслаждения, искать их, когда ты можешь просто их получить? И без малейшего вреда для здоровья, заметь. Это качественный гемм. Или ты хочешь быть бойцом? Тогда стань настоящим воином, не разменивайся по мелочам! «Шаровая молния». Слышал хоть о такой? Эта штука превратит тебя в источник электричества, под полным твоим контролем, – и ты сумеешь метать молнии в своих врагов. Одного твоего удара будет достаточно, чтобы твой недруг бился в конвульсиях. Лишь скажи, и все это будет твоим.

Дрей постарался задать следующий вопрос с настолько наивной интонацией, насколько это было возможно:

– И это все мне? Задарма?

Казалось, теперь в голосе из рации не осталось ничего человеческого:

– Ты вздумал со мной шутить, мутант? Лучше тебе этого не делать, иначе твоя смерть тоже будет очень, очень небыстрой. Я еще готов услышать твои условия, хотя мне очень хочется тебя убить.

– А условия простые, было. Хочешь прожить подольше – отвянь. Слезь с моей спины, иначе на ней скоро вырастет горб. А когда это произойдет, рассержусь уже я и сделаю это всерьез. И ты сдохнешь. Это мое обещание.

– Ты будешь мучиться долго. Очень и очень долго. Настолько долго, что из природной жалости я советую тебе себя убить. И так, чтобы я не сумел тебя воскресить обратно. А я очень постараюсь это...

– Слова сказаны, – коротко бросил Дрей в эфир. – Обещания даны.

И швырнул рацию на землю, после чего с такой силой наступил на нее, что пластмасса затрещала. Один осколок отлетел в сторону и впился Болтливому в щеку.

Это заставило бывшего дозорного зашевелиться. Казалось, что в течение всего разговора он вообще не дышал, с такой силой он втянул в себя воздух.

– Вот, твою мать, попали, ага? – выдохнул он.

– Хочешь, я тебе ногу сломаю? Будет оправдание. – Что-то Дрею не казалось, что тому голосу в эфире нужны оправдания. Но предложить было нужно.

– Какие тут оправдания, мутант? Ты же все слышал. Оправдания у них не в моде. Теперь либо бежать на другой край земли, либо самому зарываться в могилу и захлопывать крышку. И для того, и для другого нужны целые ноги.

Дрей кивнул.

– Оружие возьми. Магазины заберешь через сто метров. И не попадайся мне больше, в следующий раз мне может не хватить времени, чтобы сохранить тебе жизнь.

– Хоть кто-то о ней думает, – хмыкнул Болтливый. – Так что? Просто разойдемся?

– А ты чего хочешь? Подражаться напоследок?

– Нет, экзо, драться я с тобой не хочу. Ты, в общем, знаешь что... Ты если когда южнее будешь, ты поищи меня. Поселок там у нас есть, Шестой участок называют. Километров сто будет отсюда. Может, что нужно будет. Может, и я на что сгожусь. Если придется, свидимся.

– Если придется, свидимся, – кивнул Дрей. – Договорились.

Странными были последние дни. Наполненные встречами и расставаниями. Столько новых людей Дрей не видел годами. Такого количества новых знакомств у него не было никогда.

Вряд ли они еще встретятся с этим нано. Но все же Дрей кивнул еще раз перед тем, как побежать дальше уже без него. Кивнуть было несложно. Сложнее будет действительно встретиться.

По расчетам экзо, вокруг них не было ни одного преследователя в радиусе более чем двадцати минут бега. А, учитывая площадь, на которой их с девчонкой нужно было искать, Дрей посчитал, что достаточно усложнил задачу преследователям. На какое-то время.

Нет, теперь у него не оставалось ни малейшей надежды, что их потеряют. Или устанут за ними гоняться. Но сейчас можно было хоть немного расслабиться.

Поэтому еще через десять минут бега между домами он перешел на шаг.

Илона тут же поравнялась, выйдя из-за его плеча, и пошла почти шаг в шаг, отставая лишь на пару ступней.

Эта часть мурашника несколько отличалась и от востока, и от центра. Отличий было много, но главное, наверное, заключалось в том, что отсюда люди ушли позже. Похоже, что целое поколение еще пыталось выжить в этих районах, тогда, когда остальной город уже давно опустел.

Дома были разграблены намного тщательнее, чем те, что он видел на восточных окраинах. Все многоэтажки зияли пустыми окнами не только без стекол, но даже без рам на много этажей вверх.

Зато иногда встречающиеся двух-трехэтажные здания выглядели совершенно по-другому.

Дрей уперся взглядом в одно из них. Кто-то когда-то устроил из этого здания настоящий дом-крепость. А потом бросил, причем тогда, когда в мурашнике уже не осталось достаточно людей, чтобы найти и разграбить это жилище.

Два этажа. Окна первого заложены – где кирпичной кладкой, где камнями, где-то были прибиты металлические щиты. Из нескольких окон второго этажа торчали железные трубы печей. И на втором этаже были целы почти все стекла. То ли уберегли, то ли вставили заново, но стекла были. А там, где нет – проемы были затянуты пленкой, либо тоже заложены кирпичом.

Но даже на втором этаже, даже там, где все было цело, с внутренней стороны подоконники были подняты на полметра добротной уложенной кирпичной кладкой.

Те, кто жил в этом доме, умели с пользой проводить время. И потрачено его на превращение обычного дома в убежище было отнюдь не мало.

Дрей подумал, каково это было – жить в таком доме. Следить за периметром, с опаской выходить наружу. Выжигать все, что казалось подозрительным. И еще раз понял, насколько не любит мурашник.

Но теперь дом стоял пустой. Тщательностью его жильцов можно было восхищаться, но и они умерли. А их потомки, если они вообще были, предпочли найти другое место для выживания.

Дрей знал, что выжить в изолированных лесных поселках значительно легче. Даже сейчас, когда все относительно успокоилось. Если подумать, то даже лесные хутора в этом плане были значительно лучше. По земле ходит не так много людей, чтобы сильно опасаться грабителей. А в лесном хуторе, достаточно глухом, чтобы чужие не появлялись в нем годами, шансов схватить новую заразу было на порядки меньше.

Лишь нынешнее, третье-четвертое поколение после Заката могло сказать, что не существует эпидемий, значимых для популяции.

А от ударных доз чумы-74 кирпичная кладка и пулеметные гнезда никого и никогда не спасали.

Оставив дом позади, Дрей остановился. Мимоходом еще раз отметив, как синхронно с ним остановилась девочка, он покопался в рюкзаке и вынул ампулу.

«Багратиона» у него не было. Но как-то давно он вколол себе один интересный гемм – «Творец реальностей». Иногда его называли «Генератором» все тех же реальностей. Разработка была не только интересной, но и достаточно неординарной. Он включал этот гемм всего пару раз. В данном случае слово «включал» можно было понимать буквально. Для активации этого гемма на полдня Дрею приходилось вкалывать себе активатор, шприц с которым он и держал сейчас в руке.

Но даже и пары раз хватило, чтобы оценить всю неоднозначность гемма и использовать его с крайней осторожностью и опаской. Гемм позволял, на основе нечеткого анализа и в режиме явного недостатка данных, прогнозировать развитие определенных событий.

И прогнозы давал интересные. Вопрос был не в этом, а в том, как выдавались выводы. Они доводились до владельца в виде образов, видений, весьма мимолетных, но иногда настолько ярких, что могли помешать адекватному восприятию текущей реальности. Что было плохо и непозволительно в условиях активного контакта.

Но все же «Творец», даже со всеми его недостатками, стоил того, чтобы рискнуть. Избирательный прогноз, да еще вместе с «Багратионом» Илоны – это то, что могло помочь им выжить.

Как только Дрей почувствовал, что «Творец реальностей» начал действовать, он мысленно сосредоточился на направлении. Достаточно узком направлении для прогноза, что позволяло хоть как-то повысить эффективность предсказаний. Сейчас «Творец» фантазировал на одну-единственную тему – возможное столкновение с «Паранджой» и ее хозяином. В любых комбинациях.

У него самой информации о таких структурах было ноль. То, что рассказала девочка, было интересно, но слишком мало, чтобы делать хоть какие-то внятные прогнозы и предсказания, хоть как-то планировать возможное столкновение. Но «Творец» все же это делал. По одной из версий, «Творец» пытался добраться до несуществующей генной памяти, пробовал сделать реальностью даже ее, когда ему надо было создать прогноз при почти полном отсутствии данных.

Первый раз накатило минут через пять.

Дрей увидел в воздухе тот самый вертолетик. На этот раз он был призрачным, полупрозрачным, и сквозь него просвечивали звезды.

Тело Дрея разделилось. Реальный Дрей продолжал идти вперед, а фантом кинулся в укрытие. Фантом Илоны не отставал.

Какое-то время разведчик кружил сверху, и Дрею-зрителю показалось, что Дрею-фантому удалось ускользнуть. Но в этот момент из-за угла ближайшего здания, оставляя дымный след, вынырнула небольшая ракета.

Не давая ни малейших шансов на выживание, ракета сделала крутое пике, едва не задев стену здания напротив, и достала фантомов-беглецов ровнехонько в их убежище.

Конец демонстрации.

Весь призрачный спектакль не длился и десяти секунд. Но все же Дрей, сам того не замечив, замедлил шаг.

– Что? – спросила девочка. Она-то была лишена возможности наблюдать это зрелище и не понимала, чем вызвано замешательство Дрея.

– Ничего, идем. – Мотнул головой Дрей. – Так, гемм один работает, считает. Так что не обращай внимание. Иногда я буду притормаживать. С кем ты была до... Шуки?

Девочка не удивилась переходу темы. А если и удивилась, то виду не подавала.

– Я как раз сбежала. Начали ползти слухи. Кто-то добрался до какого-то старого архива. Другой кто-то начал копать. Третий кто-то, несмотря на бардак после Заката, постарался проследить за генеалогией. Четвертый кто-то взял удачную пробу. И не успела я опомниться, как оказалась у какой-то шайки экзо на севере. Но те были настолько глупы, что я начала бояться, как бы они не перестреляли друг друга, деля неполученное даже вознаграждение. И сбежала. Потом меня выловила Щука. Чистый случай. Ей повезло. Или им всем очень не повезло. Смотря как судить.

– А до этого? – спросил Дрей, все еще пытаясь избавиться от наваждения их призрачной смерти. Он вообще сомневался в правдивости сконструированной для него на скорую руку реальности. «Генератор» не учитывал тот факт, что девочка для хозяина «Паранджи» на вес золота, и если «Паранджа» хоть как-то может контролироваться, то он бы ни за что не допустил такой грубой работы. С другой стороны, перед «Генератором реальностей» и не стояла задача показать настоящее будущее. Пока не стояла. Гемм всего лишь должен был спрогнозировать все возможные итоги схватки с «Паранджой», что с успехом и начал выполнять.

– А до этого... – задумчиво повторила девочка. – А до этого я шла. Просто шла по лесу, меняя места ночевки, меняя людей, которые могли бы меня приютить. Таковы правила...

Илона не договорила. Дрей поднял руку, прося ее замолчать. Внешней угрозы не было, просто на него накатил вторая волна из «Генератора».

Видимо, мозг успел переработать первую порцию предсказания, возможно даже, что подсознательно Дрей уже решил, как собирается справиться с лобовым столкновением с ракетой «земля-земля», поэтому гемм не стал ждать и тут же подкинул новое пророчество в стиле Кассандры.

На этот раз все произошло еще быстрее. Призрачный Дрей сделал несколько шагов, тогда как реальный остановился. Из окна ближайшего здания, с того места, которое призрак-экзо никак не мог видеть, метнулось нечто внешне напоминающее змею. Экзо из проек-

ции все же что-то почувствовал, в последний момент его голова дернулась в сторону, избегая удара. Или укуса – что там предполагалось по сценарию.

Это не помогло. «Змея», пролетая мимо фантома, просто взорвалась, и десятки чешуек ее металлической кожи вонзились в череп экзо.

Две секунды, не больше – и видение закончилось. Быстро, эффективно, смертоносно.

Дрей кивнул и снова зашагал вперед. Потом задал следующий вопрос, стараясь не дожидаться вопросов от девочки:

– Как долго ты бродила без родителей?

– С пяти лет, – тон у девочки был нейтральным. – Пожалуйста, не надо больше вопросов.

Пока не надо.

– Договорились, – подтвердил Дрей.

Две первые сгенерированные реальности его доконали. Это было слишком кроваво и слишком быстро, чтобы начать задумываться о выигрышных вариантах. Более того, по предыдущему опыту Дрей знал, что «Генератор» идет от простого к сложному. Если два первых эпизода были одноходовыми, то дальше могло быть лишь хуже. Сложные комбинации с участием нескольких противников или дронов – в данном случае.

А Дрей пока еще не вполне понимал, как выпутаться, в случае чего, даже из простых.

Город покинули даже крысы. В нем для них просто нечем было поживиться. Крысы, которые могли стать доминирующей расой на постчеловеческой земле, оказались пустышкой – ничем и никем. Они могли размножаться и процветать на заднем дворе цивилизации людей, используя свою хитрость и изворотливость, чтобы избегать ловушек человека. Но как только обстоятельства поставили их обратно – куда-то в середину пищевой цепочки, заодно исключив из рациона основу их кормовой базы – мусор и отбросы, то легенды о живучести крыс превратились в прах.

Когда исчез человек, который не мог справиться с мелкими грызунами, но прекрасно справлявшийся с хищниками покрупнее, крысы оказались в западне. Нет, они не вымерли, но и от их легендарного могущества, от живучести и способности к адаптации не осталось и следа. Нашлось немало других видов, которые обладали теми же качествами, но применяли их эффективнее, хотя не имели столь развитого мозга.

Псевдоразум, зачатки не-инстинктивного, но осознанного поведения оказались сомнительным приобретением. Падение империи крыс сразу вслед за падением людей это неплохо доказывало.

Да и падение империи людей тоже это подтверждало. Какие еще доказательства были нужны, чтобы показать кому бы то ни было, что разум как таковой оказался лишь еще одним тупиковым ответвлением в лабиринте эволюции?

Лишенный большинства своих прежних обитателей и еще не получивший новых, город был спокоен.

Особенно в тихую, безветренную ночь.

Дрей подумал, что сейчас он услышал бы любой звук за несколько километров, так тихо было в мурашнике.

Ночь, без ветра, без луны. Облаков тоже не было, но даже без луны было светло.

Еще один плюс в отсутствии цивилизации – Млечный путь был так ярок, каждая звезда теперь имела право светить сквозь прозрачный, ничем не замутненный воздух. И этого света вполне хватало двум спешащим путникам.

Они выходили на окраины. Дальше начинались километры, а то и десятки километров земли, заставленной маленькими полуразвалившимися домиками. Такие сейчас предпочитали жители поселков и деревень. Даже хуторяне обычно старались найти такой же дом, выбирая

те, что на отшибе, и привести его в порядок. Дичающим людям не было нужды строить – цивилизация оставила им слишком много, чтобы заботиться еще и о строительстве.

Здесь, меж дряхлых домов, среди разросшихся перелесков, тоже могло оказаться непростое. Здесь, с большей вероятностью, могли быть люди. Иногда они селились небольшими коммунами на окраинах мурашников, пытаясь совместить преимущества и леса, и близости к ресурсам.

Но все же здесь Дрею было проще. Он лучше мыслил и действовал в терминах плоскости, и постоянное включение в рассмотрение третьего измерения его порядком измотало.

Доставщик и девочка выходили из города. Их путь по земле освещался Млечным путем небес.

Дрей скользнул взглядом по огромному плакату, чудом до сих пор державшемуся на высоком столбе. Даже серебристые буквы еще не выцвели:

Уходя возьми с собой надежду.

И идеальное здоровье, нано-здоровье.

Оставляя позади каменную ловушку, каждый из них, по-своему, уносил надежду с собой.

Глава седьмая: Страж Святынь

*Любовь – она в выпитой воде. Все остальное – ерунда.
Екатерина Великина. «Пособие по укладке парашюта»*

Нас создали.

Это доказано раз и навсегда. Доказано эволюцией, миллиардами рождений и смертей всех тварей, когда-либо существовавших.

Все мы и всегда спорили, доказывая друг другу одно и то же. Нас создали. Бог это был, высшая сущность, или лепить нас взялась сама Вселенная – это уже мелочи, обсуждение такой ерунды можно оставить софистам.

Нас создали.

Это бесспорно. И в этом мы всегда были правы.

Мы ошибались в другом. Мы ошибались, считая, что акт творения завершен.

Наше создание отнюдь не окончено. Миллионы лет эволюции – это и есть пятый день. И сотни тысячелетий, начавшихся с дубинки в лапе обезьяны и не закончившиеся по сей день – день шестой.

Кто и когда сказал, что Бог обязан сотворить все в одно мгновение, или даже неделю? Кто сказал, что зарождение белковой жизни и несколько миллионов лет после этого, мелькнувших на Земле – не всего лишь один-единственный вздох для Вселенной?

Или, может быть, так: зачем всевышнему братья за столь простую работу, которую можно сделать быстрее, чем за пару миллиардов лет? Это же, по крайней мере, скучно.

Нас создали. И продолжают создавать. Каждую нашу мысль, каждую эмоцию, наслаждаясь самим процессом творения и отнюдь не стремясь поскорее достичь результата.

Так же, как мы сами создаем себя. Кто мы еще, как не часть этой Вселенной? Кто мы, как не поступь богов?

Библия Экзо

«Двойная спираль». Гемм класса сопроводительных. Именно ввиду этого считается одним из наиболее распространенных. Является одним из эталонов в товарообмене. Класс сопроводительных геммов, подкласс: катализаторы. Не имеет самостоятельных свойств, однако может значительно усиливать ряд геммов класса мускульных модификаторов при одновременном с ними употреблении.

Библия Экзо. Приложение 2. «Наши знания о геммах». Источник не указан

Через полчаса быстрой ходьбы Илона нейтрально вроде бы заметила:

– Угроза снизилась.

– «Багратион»?

– Ага, – подтвердила девочка. – Как бы они ни торопились, как бы им ни хотелось нас нагнать, но они тоже устают. И не меньше, чем мы. Вдобавок они нас потеряли, и сейчас им приходится сделать три шага, пока мы делаем один. «Багратион» говорит, что у нас появились пять часов уверенной форы.

– Посмотрим, – туманно ответил Дрей, продолжая шагать вперед.

Они двигались все дальше от мурашника, и девочка больше не поднимала тему ночлега. В принципе, Дрей с ней уже согласился, но одно дело – решить сделать привал, другое – выбрать для него место. Поэтому он и продолжал идти, но теперь поглядывал по сторонам не для того, чтобы вовремя уловить признаки опасности, а в поисках более или менее надежного убежища.

Несколько часов отдыха, это все, что им сейчас было нужно. «Багратион» не врал. Как раз сейчас наступил хрупкий баланс, неустойчивое равновесие вероятностей. Каждый следующий шаг, сделанный вместо немедленного отдыха, повышал вероятность того, что, когда наступит время, они с девочкой не будут достаточно быстры.

И наконец Дрей увидел нечто, хоть как-то удовлетворяющее его вкусу. Эту будку вообще тяжело было не заметить – она стояла прямо на перекрестке и без того нешироких дорог. Она должна была полностью перекрыть движение машин, которые когда-то здесь ездили. Из чего даже неопытный наблюдатель мог сделать вывод, что будка появилась тогда, когда машин на ходу уже не было. В последние годы Заката.

Дрей уже видел нечто похожее и раньше – но никогда столь хорошо сохранившееся.

Наверное, это сооружение строилось как киоск, в которых раньше продавали всякую мелочь. Киоск по назначению, но по внешнему виду он больше напоминал бункер, блиндаж, дзот, что угодно, но не магазин. Толщину стен можно было определить по глубине окна выдачи, больше похожего на бойницу. И судя по толщине этих стен, бункер мог легко выдержать небольшой артобстрел.

Поверху, под самой крышей здание окольцовывала широкая полоса непотускневшего металла. И на ней, даже в темноте, отчетливо виднелась повторяющаяся по всему периметру надпись:

«Нано-здоровье».

Чуть ниже, прямо на серой бетонной стене, флуоресцировала еще одна надпись. Эта, в отличие от первой, была стилизована под уличное граффити, но, судя по качеству изображения, ее наносили осознанно, и не уличные художники.

«Сильнее машин».

Подойдя еще ближе, Дрей обнаружил, что этим реклама не заканчивалась. Мелкие, теперь уже не светящиеся письма покрывали всю бетонную поверхность. Они оказались защищены от времени значительно хуже, но Дрей успел рассмотреть одну:

«Наши клиенты выжили в пятиминутной войне за Рио. Хотите ли выжить вы?»

Дальше тему настенного чтения продолжить не удалось, потому что на него вновь накатило.

Это был первый сложный эпизод, показанный «Генератором». И в первый раз Дрей-призрак хоть что-то успел сделать.

Вновь появился вертолет-разведчик, но в этот раз Дрей, вместо того чтобы прятаться, вскинул автомат и дал короткую очередь. Реакция экзо-фантома была молниеносной – видимо, подсознание уже все решило за Дрея еще после первого ролика. Но даже несмотря на невероятно быструю реакцию экзо, вертолетик все же успел начать маневр уклонения. Это ему не помогло, и фантом все равно собрал две пули, но сам факт того, что дрон успел среагировать на быстро меняющуюся обстановку, не мог не пугать.

Слишком быстро. У летающего дрона было достаточно собственных, пусть и железных, мозгов для принятия оперативных решений.

Вертолетик только начал свой длинный и хаотичный путь к земле, а Дрей-фантом уже бежал. Девочка-фантом бежала за ним. Их позиция была засвечена, сбил он вертолет или нет, и Дрей ожидал повторения удара ракетой в любой момент.

Но ракета так и не прилетела. Видимо, «Генератор реальностей» учел абсурдность уничтожения основного приза в этой гонке и ввел коррекцию – девочка должна была остаться живой и на это должны были быть направлены действия любой из сторон в войне призраков.

Однако результат остался тем же. Дрей-призрак еще успел заметить вспышку вдалеке – выстрел из снайперской винтовки. И даже попытался уйти из-под удара. Более того, он успел уйти с траектории первой пули, но только для того, чтобы поймать вторую. «Доги» ходят парами, напомнил себе он, падая на землю с пробитой головой.

Вернее, на землю падал призрак, а напоминание себе сделал настоящий Дрей. Но в этом состоянии у него было полноценное ощущение, что именно он сейчас падает вниз, одновременно пытаясь подготовиться к дальнейшей жизни после того, как закончится эта смерть.

Странный был гемм, что и говорить.

Почти механически Дрей воссоздал, что отпечатала его настоящая зрительная память, пока «Генератор» демонстрировал ему свою очередную извращенную реальность. Девочка взяла Дрея за руку и завела внутрь, пока он был в грезах. Дверь в это бомбоубежище была давно взломана. Хотя и немного людей оставалось в этих местах тогда, когда окончательно прекратили работать подобные киоски, но все же кто-то добрался и сюда.

Его глаза видели и еще кое-что при входе. На двери была еще одна надпись. Не такая красивая, как предыдущие – просто клочок пластика, приклеенный прямо к двери, болтающийся на честном слове. И на нем от руки было написано:

«Уведомляем наших клиентов, что, желая максимальным образом удовлетворить все потребности покупателей, «Нано-здоровье» начинает продажу наиболее распространенных генетических модификаторов».

Впрочем, то, что киоск был взломан, было неудивительно – ведь единственное, что реально ценилось сейчас при обмене, были как раз геммы и нанокультуры. А это место относилось как раз к тем, где стоило искать пробирки с ботами прежде всего.

Так что Дрей не имел ни малейших иллюзий по поводу того, что здесь хоть чем-нибудь можно будет поживиться. Тем не менее, как только экзо пришел в себя, он начал обшаривать помещение. Скорее, по привычке доставщика, чем реально надеясь обнаружить что-то ценное.

Пустые полки, пыль и запустение. Дрей включил фонарик и разместил его так, чтобы луч светил прямо в стену, оставив лишь маленькую щель. Света это давало мало, но достаточно для его модифицированных глаз.

Важнее, чтобы этот свет не заметили снаружи. Поэтому лучше было перестраховаться.

Обойдя все помещение по периметру, Дрей обшарил каждую полку, большинство из которых было просто развешено вдоль стен. Потом взялся за стол, стоявший посередине круглого помещения киоска. Стол был тоже круглый – пустая полупрозрачная круглая платформа на ножках. Спрятать в таком столе что-либо было невозможно.

Видимо, некоторых клиентов заводили внутрь и усаживали именно за этот стол. Дрей прикоснулся к прохладной поверхности и представил, как это было. Как происходило превращение обычных людей в предков нано.

Это не было видением, и «Генератор» обвинить было сложно. Однако воображение Дрея разыгралось настолько, что реальность опять раздвоилась:

«– Хотите вколоть нанороботов дома, или мы можем вам в этом помочь? ...Нет, ну что вы, конечно, эта услуга бесплатна для наших клиентов. Если вы боитесь болезненных ощущений, то мы можем сделать все под местным или даже общим наркозом. ...Ну что вы, конечно да – вы можете провести у нас столько времени, сколько вам понадобится, чтобы прийти в себя и восстановиться. Вы не беспокойтесь, это даже быстрее, чем пластика груди. Процесс налажен, пара часов и вы полностью в норме.

...Нет, никто из наших клиентов не погибал после инъекции, это лишь слухи, которые распространяют наши конкуренты. Но, скажу вам по секрету, с этими генными модификаторами не все так хорошо, как они говорят. Там все значительно хуже с этим, что вы, что вы. Очень много людей приходит к нам и жалуется на ухудшения. Но мы уже мало что можем сделать, вы же понимаете. Да, и не говорите, очень страшно. Страшно даже выходить на улицу – не то что думать, как будет завтра. Я давно уже переселился прямо в магазин, лишь бы не подхватить какую-нибудь заразу от экзотического генного уродца. ...Так как, местный наркоз, быть может?»

Дрей оторвал руки от стола и посмотрел на Илону.

– Не стыкуется, – задумчиво начал он.

Девочка согласилась:

– Слишком серьезная защита. Слишком поздний период Заката. Здесь должны были жить, и первые, базовые инъекции должны были, как я слышала, проводиться в больнице или в любом другом оборудованном стационаре, под присмотром, иначе слишком многие не выжили. Ударные дозы наноботов, носители генных модификаций – неважно. Для первого раза нужен был стационар. Но где здесь?..

Дрей посмотрел на пол и теперь, когда знал, что искать, практически сразу обнаружил малозаметный люк в подземные помещения бункера.

– Дверь прикрой, – скомандовал он, подцепляя крышку и готовясь спуститься вниз.

Как ни странно, внизу было сухо.

Помещение здесь было раза в четыре больше, чем на поверхности.

В остальном эта комната мало чем отличалась от той, что была наверху.

Те же стеллажи и полки вдоль стен. Разве только большая часть шкафов здесь были уже металлическими и, наверное, раньше запирались. Сейчас все они были либо открыты, либо взломаны. Та призрачная надежда на пожизну, которая появилась у Дрея в момент его спуска по крутой винтовой лестнице, быстро таяла. Вряд ли здесь оставалось что-либо ценное.

Конечно, в это помещение внизу вряд ли попадали все проходившие мимо грабители, но... оно было пустым. Возможно, его опустошили под конец владыцы. Или продавцы. Это было неважно.

Вместо стола, как наверху, здесь располагались две стационарные больничные кровати, и около каждой из них была куча каких-то приборов, ныне никому не нужных. Эти железяки работали от электричества и сейчас не стоили ничего. Ценилось то, что могло работать на батарейках. Или от ручных генераторов, то есть не было капризно и чувствительно к качеству тока.

– Здесь можно попытаться пересидеть. – Дрей все же произнес эту мысль вслух, хотя и сильно сомневался, что это лучший вариант. Одновременно он начал механически осматривать полки, одну за другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.